

Северо-Муйские ОГНИ

Авторский литературный журнал

№3 /97/ 2023

Если даже всего два человека, разные – по возрасту, призванию, религии и духу, приходят к одной идее, то эта мысль уже заслуживает внимания. /В. Кузнецов/

ISSN 2500-0276

Северо-Муйские ОГНИ

Авторский литературный журнал

№3 /97/ май-июнь 2023

Учредитель и издатель – Виталий Кузнецов
Основан в 2008 году
С 2010 г. выходит 6 раз в год
Издаётся при финансовой поддержке ООО Артель старателей «Западная»

Главный редактор: Виталий Кузнецов (Северомуйск, Бурятия)
Секретарь-референт: Елена Зяблова (Усолье-Сибирское, Иркутская обл.)
Зам. гл. редактора по связям с общественностью: Татьяна Логинова (Северомуйск, Бурятия)
Зам. гл. редактора по литературной критике: Александр Шерстюк (Москва)
Зав. отделом прозы: Анжелла Седых (Киренск, Иркутская обл.)
Редактор отдела прозы: Дарья Фомина (Балашиха, Московская обл.)
Редактор отдела публицистики: Наталия Каретникова (Москва)
Редактор отдела поэзии: Александр Балтин (Москва)
Редактор литературного отдела «Рыбохотобзор»: Сергей Малашко (Магадан)
Редактор отдела культуры: Татьяна Лапахтина (Таксимо, Бурятия)
Дизайнер-оформитель, веб-администратор: Дмитрий Игнатов (Воронеж)

Литературный экспертный совет

Байбородин Анатолий Григорьевич, прозаик, публицист, член Союза писателей России, главный редактор журнала СП «Сибирь» /Иркутск/.

Бильтрикова Елизавета Михайловна, поэт, член Союза писателей России /Улан-Удэ/.

Брагин Никита Юрьевич, поэт, член Союза писателей России, доктор геолого-минералогических наук /Москва/.

Ерёмин Николай Николаевич, поэт, член Союза российских писателей (член Союза писателей СССР – с 1981 г.), Русского ПЕН-центра всемирной ассоциации «Международный ПЕН-клуб» /Красноярск/.

Нечипорук Иван Иванович, поэт, член Межрегионального союза писателей, Союза писателей России, членкор Славянской литературно-художественной академии (Болгария) /Горловка, ДНР/.

Орлов Максим Томасович, поэт, публицист, член Союза писателей России /Братск, Иркутская обл./.

Румянцев Андрей Григорьевич, поэт, публицист, член Высшего творческого совета Союза писателей России, Народный поэт Республики Бурятия, действительный член Петровской академии наук и искусств /Москва/.

Рябчиков Лев Анатольевич, поэт, прозаик, публицист, председатель Правления Крымского РО ЛСПР, президент Крымской литературной академии им. Ю. В. Бондарева /Симферополь, Крым/.

Скиф Владимир Петрович, поэт, секретарь правления Союза писателей России /Иркутск/.

Чепров Сергей Васильевич, поэт, публицист, член Союза писателей России /Темрюк, Краснодарский край/.

Ячеистова Наталия Изяславовна, поэт, прозаик, член Союза писателей России /Москва/.

Информационные партнёры:

- Литературный журнал «Приокские зори» /г. Тула/.
- Альманах «Тарские ворота» и лит. журнал «Иртышъ-Омь» /г. Омск/.
- Литературные сериальные издания «Крылья», «Параллели» /г. Самара/.
- Литературный журнал «Аргмак. Татарстан» /г. Набережные Челны/.
- Издательство «Союз писателей» /г. Новокузнецк/.

Журнал «Северо-Муйские огни» является авторским литературным изданием, ставящим себе целью духовное и творческое объединение свободных мыслителей и художников, творящих в духе любви к природе, людям, во имя процветания мирового экологического сообщества.

Редакция вступает в переписку только с теми авторами, материалы которых приняты к публикации.
За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.
Фото на страницах обложки: Северомуйск (из архива редакции).

Подписано в печать 12.06.2023.
Формат А4. Стр. – 88.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Тираж 500 экз.
Отпечатано в ООО ПЦ «КОПИР»,
г. Новосибирск, улица Ленинградская, 102.

© Северо-Муйские огни, 2023

Адрес редакции и издателя:
671564, Бурятия, Северомуйск, улица Геологическая, 2.
Тел.: 8 (902) 458-28-89; 8 (908) 595-72-30

Сайт: <https://smogni.ru/>
E-мэйл для общих вопросов: catalog3@yandex.ru
Связь с главным редактором: vitalicatalog3@yandex.ru

Содержание**К 15-летию Северо-Муйских огней**

Из истории Журнала.....	3
Поэтический взгляд на политические события. Стихи Главы Республики Бурятия Алексея Цыденова.....	4
Коротко о членах редколлегии журнала «Северо-Муйские огни».....	6

Байкало-Амурские страницы

Анатолий Подзарей. «Мы строили БАМ не в белых перчатках».....	8
---	---

Публицистика

Александр Балтин. Вороха загадок булгаковского романа.....	11
Александр Костерев. Пушкин, Бенкендорф и Николай I в исторической драме «Борис Годунов».....	13
Привал на поэтической тропе	
Максим Орлов. Поэт Пётр Чайковский.....	16
Сергей Степанов-Прошелев. Встреча с Визбором.....	18
Поэтическое обозрение 95-го выпуска «СМОГ».....	19
Женские букеты весеннего выпуска «СМОГ».....	21

Проза

Алексей Яшин. Не в свои сани не садись, а севши – под гору катись (эпилог к сборнику новелл «Жизнь как сон»).....	24
Наталья Ячеистова. В Приморье. Рассказ.....	30
Дарья Фомина. Запах тройного одеколona. Рассказ.....	32
Андрей Новиков. Журавль у дороги. Рассказ.....	33
Анжелла Седых. Не усомнимся! Эссе.....	34
Юрий Егоров. Попутчики. Рассказ.....	36
Владимир Софиенко. «Келья» над Онего. Рассказ.....	38
Игорь Безрук. Закат над Ирмесью. Рассказ.....	39
Сергей Кириллов. Сватовство. Рассказ.....	40
Сергей Кротков. Белый груздь. Рассказ.....	41
Райнгольд Шульц. Рассказы.....	43
Иван Цуприков. В засаде. Рассказ.....	45
Сергей Малашко. Шелестящее утро. Рассказ.....	46
Юрий Жекотов. «Дурной» заяц. Рассказ.....	47
Сергей Чепров. Мы друг друга не поймём... или История одного стихотворения.....	49

Поэзия

Лев Рябчиков. «Не в Пушкине всё дело...».....	52
Никита Брагин. «Родина – сколько в ней счастья...».....	53
Ольга Борисова. «Но будет новая весна...».....	54
Владимир Макаренко. «Святые славянской земли».....	55
Николай Ерёмин. «Парадоксы жития меж людьми...».....	56
Иван Нечипорук. «И я, дитя волнующих степей...».....	57
Ефим Гаммер. «Ходит солнце в облаках...».....	58
Светлана Донченко. «Мир становился чище и живей...».....	60
Виталий Кузнецов. О разном – ***.....	61
Виктор Гаврилов. «Научи меня играть, солнце...».....	62
Любовь Дубкова. Ничего личного (Миниатюры).....	63
Сергей Ворошилов. «Это всё моё наследство...».....	64
Марк Польшковский. «В прошлом и в настоящем...».....	65
Яков Шафран. «Где-то там за полями, степями...».....	66
Игорь Егоров. Из цикла «Мгновения».....	67
Алёна Иванова. «Путь любви».....	68
Александр Дивеев. «Я напишу о крае том...».....	69
Сергей Кривонос. «Вдохновенно, в устремленье смелом...».....	70
Леонид Карпов. «...я нынче не тот, что прежде...».....	71
Татьяна Собещанская. «Видно, так уж земная повернута ось...».....	72
Владимир Спектор. «Завтрашний воздух...».....	73
Светлана Анина. «В нескольких мгновеньях от весны...».....	74
Александр Кобелев. «Хашхайский ветер...».....	75
Анатолий Арестов. Однажды чиновник... (Поэма).....	76
Сергей Подольский. «Всё повторится, как и прежде...».....	78
Николь Воскресная. «Милые призраки...».....	79
Поэтические посвящения Журналу	80

Сатира и юмор

Валерий Румянцев. Невероятная встреча в Москве (рассказ).....	83
Алексей Курганов. Из серии «Читая Хармса».....	86

Творческий совет журнала	88
---------------------------------------	----

К 15-летию

«СЕВЕРО-МУЙСКИХ ОГНЕЙ»

В июне этого года «Северо-Муйские огни» отмечают своё 15-летие. Всего лишь 15 – не 50 и не 95. Но будто целая жизнь прошла. И, наверное, так оно и есть. Много воды утекло с того тёплого, милого июньского дня 2008 года, когда вышел первый номер нашего наивного авторского бамовского издания. За эти годы журнал приобрёл достаточно популярную известность во многих уголках нашей необъятной единой России, да и не только. Его читают и за рубежом: Германия, Канада, Австралия, Франция, Израиль, США – там, где ещё живы русские нравы и обычаи, где ещё «пахнет Русью», журнал пользуется активным интересом русскоязычных читателей. И в этом, конечно, есть большая заслуга наших многих замечательных авторов – от берегов Ангары и Селенги до Невы и Вятки, от Байкала и Амура до Волги и Дона. Их литературные произведения, отражающие духовную широту и глубину русской души, искреннюю любовь к своему краю, нашей общей Родине, её природе и людям, населяющим необъятные российские просторы, всегда являлись и являются главным достоянием нашего авторского Северо-Муйского издания.

Сердечно и от всей души поздравляю всех авторов и читателей наших «Огней» с 15-летием Журнала!
С юбилеем, дорогие друзья! Вперёд и далее – сквозь время вместе!

Виталий Кузнецов, учредитель и гл. редактор журнала «Северо-Муйские огни»

Из истории Журнала

Журнал «Северо-Муйские огни» основан в июне 2008 г. при поддержке Иркутского регионального отделения Союза писателей России. Первые два года издавался ежемесячно. С 2010 г. выходит 6 раз в год. Учредителем, издателем и главным редактором журнала является Виталий Кузнецов, член Европейского конгресса литераторов, лауреат Канадской литературной премии им. Эрнеста Хемингуэя, всероссийской премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Бывший строитель Байкало-Амурской магистрали.

Журнал издаётся в Республике Бурятия в небольшом городском поселении Северомуйск, расположенном среди отрогов Северо-Муйского хребта на трассе Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Главной достопримечательностью Северомуйска является его тоннель, протяжённостью более 15 километров, прошедший сквозь Северо-Муйский хребет с востока на запад. Это единственный по протяжённости и уникальной сложности в России тоннель, для воздвижения которого проходчикам-бамовцам понадобилось более четверти века. За это время Северомуйский тоннель обрёл мировую известность, став всемирным полигоном по испытанию тоннелепроходческого оборудования (Япония, Германия, США и др.), а Северомуйск стал столицей российских тоннельщиков.

Тысячи молодых специалистов разных профессий со всех уголков России прошли сибирскую закалку на строительстве Северомуйского тоннеля. Среди них были и творчески талантливые люди: писатели, музыканты, художники, поэты. Много стихов и песен сложено о Северомуйске и его тоннеле, о жизни его строителей, бамовцев-первопроходцев. Многие из них сейчас живут в разных уголках России, но всё так же тесно поддерживают дружеские и творческие связи с Северомуйском и журналом «Северо-Муйские огни».

Дух романтизма, любовь к природе и человеку, к его созидательному труду и духовному творчеству стали основой создания литературного журнала, первыми авторами которого явились сами строители-бамовцы.

В июне 2015 года авторский литературный журнал «Северо-Муйские огни» отметил своё семилетие 50-м юбилейным выпуском и очередной презентацией в городе Усть-Кут Иркутской области. Этот молодой сибирский город в 1974 году стал опорной точкой отсчёта нового железнодорожного пути – Байкало-Амурской магистрали.

Впервые во всеуслышание о журнале заговорили именно в Иркутске и Иркутской области, на Первом съезде писателей Восточной Сибири, состоявшемся 28 ноября 2008 года. С трибуны съезда о «Северо-Муйских огнях» говорили как о неординарном событии в литературной жизни Восточной Сибири. Журнал тогда поддержали многие иркутские писатели, некоторые из них стали постоянными авторами северомуйского издания, а затем и членами литературного экспертного совета журнала.

В настоящее время в состав совета журнала входят писатели и журналисты разных регионов нашей страны, члены Союза писателей и Союза журналистов России. При их творческой поддержке появились читатели и авторы не только на Муйской земле, но и за пределами Бурятии и Иркутской области – во многих городах и уголках России у журнала есть свой автор и читатель. Ставка в текстах делается на доброту, любовь к природе и родине.

Первые презентации «Северо-Муйских огней» состоялись в 2009 году в городах Иркутск и Ангарск, затем на Вятской земле, в Казахстане, Твери. В 2014 году состоялся ряд презентаций в библиотеках Санкт-Петербурга, а также в Государственном педагогическом университете Воронежа. В этом же году Российская государственная библиотека признала журнал «Северо-Муйские огни» одним из лучших литературных изданий Сибири и официально предложила редакции творческое сотрудничество на постоянной основе.

15 апреля 2016 года успешно состоялась презентация журнала в Москве (район Бибирево).

Многие начинающие поэты и писатели, впервые публиковавшиеся в «Северо-Муйских огнях», были замечены и оценены профессиональными писательскими организациями и впоследствии были приняты в ряды СП России и Союза РП. Сам главный редактор в январе 2013 года был принят в ряды Европейского конгресса литераторов (Прага), с декабря 2017 года является действительным членом Крымской литературной Академии.

В настоящее время журнал печатается в Новосибирске и выходит тиражом 500 экз., распространяется как в печати, так и в Сети на известных крупных литературных порталах.

Журнал «Северо-Муйские огни» имеет свой устав, в формате которого и производится предварительный отбор произведений к печати.

Основные цели и задачи Журнала представлены на стр. 88 его издания.

Поэтический взгляд на политические события Стихи Главы Республики Бурятия Алексея Цыденова

Алексей Самбуевич Цыденов — российский политик.

Глава Республики Бурятия с 22 сентября 2017 (врио 7 февраля — 22 сентября 2017).

Секретарь Бурятского регионального отделения партии «Единая Россия» с 11 марта 2020 года.

Член Высшего совета партии «Единая Россия».

Моя страна прошла рубеж невозвращения.
Прошла рубеж терпения и прощения.
Когда коварный враг, кусая постоянно,
По капле кровь пускал.
Не только фигурально.

Когда нападки санкциями, ложью и давлением
Стрельбой сопровождалась,
Смертью и презрением.
Враг презирал исконные права,
Народов дружбу, братские союзы.
И создавал и финансировал сполна
Бандитские нацистские угрозы.

Наш Северный Кавказ –
Был только первый в списке,
Куда война пришла тропею террористской.
Чечня и Дагестан в огне боёв
В разрушенных селеньях
Прошли свой путь борьбы,
Тот, что уже не помнит молодое поколение.

А враг – он не забыл, он выучил урок.
И для напасти новой
Лишь отодвинул срок.
Какая цель, зачем кусать Россию?
Зачем все время разжигать пожар?
Всё просто. Цель одна – нажива.
Сегодня, завтра, навсегда.

И то, что гегемон желает править миром.
Война не прекратится никогда.
Война за право жить, за право быть свободным.
За право самому решать свою судьбу.
Не быть придатком чьих-то интересов,
Не быть разменной монетой в торгу.
Врагу нужны не только лишь ресурсы,
Не только рынки сбыта и контроль.
В прицеле – молодые души,
Их в будущем особенная роль.

Пример наглядный – это Украина,
Где всё, что враг хотел, он сделать смог.
Где поражение умов и душ прошло без сбоя,
И в результате ужасающий итог.
Враг сделал вывод из провалов на Кавказе,
Где пришлым террористам хода нет.
И начал сеять семена заразы
В умах людей.
И сеял много лет.

Он сделал ставку на развал народа
За счёт отравы ложью.
Для себя.
Чтобы использовать потом против России,

Лишь собственные выгоды блюдя.
Рисую иллюзорные картины
Расцвета в европейской стороне,
Он отрывал лишь дальше от России
И потихоньку всё подталкивал к войне.

И, к сожаленью, это получилось.
Народ всерьёз поверил в разворот.
В то, что с Россией вместе, – это плохо.
А если против, то наоборот.
Вслепую, следуя указке кукловодов
И веря лживым пакостным словам,
Всё больше украинцев позволяли
Собой манипулировать врагам.

В иллюзии свободы и движения
К расцвету, к европейским берегам,
Позволили мерзавцам сесть на шею,
Не веря ни ушам и ни глазам.
Не видя, как своих же убивают,
с Майдана начиная.
И потом.

В Одессе заживо людей сжигают,
Смотря на это, стоя под окном.
Целенаправленно годами убивая
В Донбассе своих собственных людей,
Нацбаты людской облик потеряли,
Всё больше походили на зверей.

Айдар, Кракен, Азов или другие –
Ведь это ваши были палачи.
Им позволялось всё, и даже больше,
А вы не слышали, хоть в ухо вам кричи.
На вашу землю враг пришёл надолго,
Пришёл с оружием, нацеленным на нас.
Решив создать угрозу для России,
В итоге, он подставил только вас.

Плацдармом становясь для интересов,
Чужих, кровавых, что же ждали вы в ответ?
Что будет это продолжаться бесконечно?
И что не сможем мы сказать такому: нет?
Нет! Мы такого не допустим.
Мы не танцуем под чужие бубенцы.
Мы помним, как сражались наши деды.
Как поднимали Родину отцы.

И пусть на нас давленье всё сильнее,
Но нам к такому и не привыкать.
Нас многие пытались взять нахрапом,
Пленить, купить, ну, или поломать.

Извне Россию просто не осилить.
Кто только не пытался много раз.
Нас можно изнутри только ослабить,
Но мы сжимаем зубы в трудный час.

Да, нашей молодёжи в душу
Коварный враг стучится все сильней.
Он ищет слабинку, чтобы порушить
Сплоченность нации, чтоб разобщить людей.

Есть те, кто оказался слаб душою,
Сбежал и прячется от Родины вдали.
Бог им судья. Мы не казним изгоев.
Они и там чужие – не свои.
А здесь, в России, как в былое время,
В эпоху трудных яростных годин,
Народ сплотился и объединился.
Герои Родины поднялись, как один.

И матери, что, слёзы утирая,
Стоят и молятся ночами без конца.

И жёны, детей к сердцу прижимая,
Им шепчут: «Вот дожждёмся мы отца».
Их муж и сын, отец и дед –
Сейчас стоят на поле брани,
А мы все молимся за то,
Чтоб они были вместе с нами.

Россия сильная своим многообразием,
Народами, историей своей.
Мы победим, как это было прежде.
И мы дожждёмся этих светлых дней.

Моя страна прошла рубеж невозвращения,
Прошла рубеж терпения и прощения.
Для нас зажглась победная звезда.
Мы сильные, мы сможем, как всегда!

Из биографии Алексея Самбueвича Цыденова

Родился 16 марта 1976, Петровск-Забайкальский, Читинская область, РСФСР, СССР.

В 1993 году окончил среднюю школу в городе Чите, в 1998 году с отличием — Дальневосточный государственный университет путей сообщения по специальности «Организация перевозок и управление на транспорте (железнодорожном)». Во время учёбы был профсоюзным лидером вуза и свою трудовую деятельность начал в отделе социально-экономического развития института.

В 2011 году прошёл переподготовку в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации по программе подготовки высшего уровня резерва управленческих кадров.

По окончании университета с 1998 по 2001 год работал

С 2002 по 2004 год — генеральный директор ООО «Дальнефетранс». С 2004 по 2006 год — генеральный директор ОАО «Дальневосточная транспортная группа».

С 2004 года являлся также владельцем ООО «Сахауглетранс» (ликвидировано в 2016 году).

С 2006 по 2009 год — заместитель директора Департамента государственной политики в области железнодорожного транспорта Министерства транспорта Российской Федерации.

С 2009 по 2011 год — начальник отдела, заместитель директора департамента промышленности и инфраструктуры Аппарата Правительства Российской Федерации. В кадровом резерве президента России с 2010 года.

С конца декабря 2011 по июнь 2012 года — руководитель Федерального агентства железнодорожного транспорта Российской Федерации.

С июня 2012 года по 7 февраля 2017 года — заместитель Министра транспорта Российской Федерации.

С 2016 по 2017 год входил в совет директоров ОАО «Российские железные дороги».

С 7 февраля 2017 года по 22 сентября 2017 года — временно исполняющий обязанности главы Республики Бурятия. С 22 сентября 2017 года — Глава Республики Бурятия.

С 18 июля 2018 по 28 января 2019 и с 21 декабря 2020 — член президиума Государственного Совета Российской Федерации.

8 декабря 2018 года, на основании решения, принятого делегатами XVIII съезда политической партии «Единая Россия», был введён в состав Высшего совета партии.

С 11 марта 2020 года секретарь Бурятского регионального отделения партии «Единая Россия».

Коротко о членах редколлегии журнала «Северо-Муйские огни»

Кузнецов Виталий Яковлевич (Северомуйск, Бурятия) – учредитель, издатель и главный редактор журнала «Северо-Муйские огни».

Член Европейского конгресса литераторов (Прага, 2013).

Родился 29 августа 1965 года в Казахстане, детство и юность прошли в Самарской области.

С 1982 года живёт в Бурятии. В 1985 г. окончил специальную разведшколу ВДВ в Новосибирске.

Поэт, прозаик, публицист. Делегат Первого съезда писателей Восточной Сибири (Иркутск, 2008).

За вклад в укрепление творческих и дружеских связей между литераторами Крыма и Сибири награждён грамотой Крымской литературной академии (Симферополь, 2012). За вклад в развитие и пропаганду литературного творчества отмечен Благодарственным письмом Народного Хурала Республики Бурятия (Улан-Удэ, 2012). За вклад в развитие современной литературы удостоен специального диплома Московской городской организации Союза писателей России (Москва, 2013).

Лауреат Канадской литературной премии им. Эрнеста Хемингуэя (Торонто, 2015), всероссийской премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Член редакционного совета областного омского альманаха «Тарские ворота».

Стихи и рассказы публиковались в журналах и альманахах России, Украины, Беларуси, Германии и Канады.

Автор книги «Повести» (Канада, 2016 / Россия, 2017).

С декабря 2017 года является действительным членом Крымской литературной академии.

Логина Татьяна Борисовна (Северомуйск, Бурятия) – зам. главного редактора по связям с общественностью, председатель правления творческого совета журнала.

Образование – высшее библиотечное (педагогический институт культуры им. Аль-Фараби, г. Чимкент, Республика Казахстан). Библиотекарь Библиотеки МКУ «Социально-культурный комплекс «Тоннельщик», Северомуйск, Республика Бурятия. Стаж библиотечной работы – 37 лет.

Награды: почётные грамоты Правительства Республики Бурятия за вклад в социально-экономическое развитие Муйского района (Глава Республики Бурятия В. В. Наговицын, 2014 г.), (Глава Республики Бурятия А. С. Цыденов, 2019 г.); благодарность Российской государственной библиотеки за пополнение фонда библиотеки журналами «Северо-Муйские огни», за накопление и сохранение интеллектуальной памяти страны, 2014 г.; благодарность от Главы МО «Муйский район» коллективу литературного журнала «Северо-Муйские огни» за вклад в развитие литературного творчества в районе 2013 г.; грамота от гл. редактора журнала и издательства «Доля» (Украина, Крым, Симферополь) за вклад в укрепление творческих и дружеских связей между литераторами Крыма и Сибири (2012); благодарственное письмо от Главы МО ГП «Северомуйское» за многолетний вклад в развитие культуры п. Северомуйск (2012); диплом победителя в номинации «Сеять разумное, доброе, вечное» за поддержание имиджа библиотеки как центра чтения среди населения, активную кружковую работу в п. Северомуйск; диплом от региональной общественной организации «Женщины Бурятии» за вклад в развитие литературного движения (2011); благодарность от зам. секретаря районного Совета МО ВПП «Единая Россия» М. В. Болдыревой за высокий профессионализм, внедрение инновационных методов работы в библиотечное дело и за творческое отношение к своей профессии 2009 г.

Шерстюк Александр Александрович (Москва, Россия) – заместитель главного редактора по литературной критике.

Родился 18.3.1941 на Брянщине в семье сельского кузнеца. Окончил семилетку (1955), горный техникум (1959), МВТУ им. Н. Э. Баумана (1967). Работал в шахтах Донбасса («Сталинский забой», 17-17 бис и др.), оборонных НИИ, издательствах «41», «Знание», «Маска».

Автор ряда книг стихов (с авторским оформлением), очерков, рецензий, предисловий, словаря «Говор Стародубья» (2011), книги статей «Свет в клетке Менделеева» (2012), сценария документально-художественного фильма о своём брате, павшем в 1942 г. в битве за Сталинград, «Один из миллионов».

Переводы с немецкого (Эрих Кёстнер, Фридрих Рюккерт), английского (Гуру Гобинд Сингх «Джап Сахиб») и др. Лауреат межвузовского литературного конкурса «Буй Тур» (Москва, 1965). Дипломант международного Волошинского конкурса (Коктебель, 2015). Член Союза писателей России (2000), Международного сообщества писательских союзов и Союза журналистов России.

Балтин Александр Львович (Москва, Россия) – зав. отделом поэзии.

Родился в Москве, в 1967 году. Систематического образования не получил. Впервые опубликовался как поэт в 1996 году в журнале «Литературное обозрение», как прозаик – в 2007 году в журнале «Florida» (США), как литературный критик – в 2016 году в газете «Литературная Россия».

Член Союза писателей Москвы, автор 84 книг (включая Собрание сочинений в пяти томах), и свыше 2000 публикаций в более чем 150 изданиях России (в том числе, к примеру, в Якутии и на Дальнем Востоке), Украины, Беларуси, Казахстана, Башкортостана, Молдовы, Италии, Польши, Болгарии, Словакии, Испании, Чехии, Германии, Израиля, Эстонии, Ирана, Канады, США.

Дважды лауреат международного поэтического конкурса «Пушкинская лира» (США). Лауреат золотой медали творческого клуба «EvilArt». Отмечен наградой Санкт-Петербургского общества Мартина Лютера. Награждён юбилейной медалью портала «Парнас». Номинант премии «Паруса мечты» (Хорватия). Государственный стипендиат Союза писателей Москвы. Почётный сотрудник Финансовой Академии при Правительстве РФ. Отмечен благодарностью альманаха «Истоки». Лауреат портала «Клубочек» в

номинации «Проза» (2016). Лауреат газеты «Поэтоград» в номинации «Поэзия» (2016). Победитель конкурса «Миротворчество» (Болгария, София, 2017). Лауреат газеты «Поэтоград» в номинации «Критика» (2017). Лауреат журнала «Дети Ра» (2017). Эссеист года по версии журнала «Персона PLUS» (2018). Лауреат Ахматовской премии (София, Болгария, 2019) Лауреат газеты «День литературы» (2019). Победитель международного поэтического конкурса «Хотят ли русские войны?» (Болгария, 2020). Лауреат премии имени В. Б. Смирнова журнала «Отчий край» (Волгоград, 2020).

Каретникова Наталья Владимировна (Москва, Россия) – зав. отделом публицистики.

(Белова Наталья Владимировна) – член МГО Союза писателей России, член комиссии по творческому наследию поэта и прозаика С. А. Клычкова, руководитель литературно-музыкального объединения «Талисман», родилась и живёт в Москве. Автор семи книг стихов и прозы, печаталась с 1985 года в различных московских и региональных изданиях.

Лауреат и дипломант ряда литературных конкурсов поэзии в России и Болгарии, организатор и председатель жюри Международного литературно-музыкального конкурса «Душа моя как птица...» им. Сергея Клычкова и детского литературно-музыкального конкурса «Первоцветик».

Награждена юбилейной медалью «850 лет Москвы» (Правительство РФ, 1997 г.), медалью М. Ю. Лермонтова (МГО СП России, 2013 г.), юбилейной медалью «60 лет МГО СП России» в 2014 году и золотой медалью А. Т. Твардовского (СП России, 2015 г.), Почётной грамотой правительства Москвы (2007 г.).

Седых Анжелла Валерьевна (Киренск, Иркутская обл.) – зав. отделом прозы.

Филолог по образованию. Учитель русского языка и литературы. Пишет стихи и художественную прозу. Автор двух книг: «Бродячая собака» и «Сердце битком». Четырежды участник межрайонного фестиваля поэтов «Приленские самоцветы» в рамках общественного движения «Моя земля». Награждена юбилейными медалями «Сергей Есенин 125 лет» (2021) и «Фёдор Достоевский 200 лет» (2022).

Любитель акварели и простого карандаша. Преподавала в школе МХК, ОРКСЭ.

В 2021 году открыла при Спасском храме «Книжный дворик» для занятий со взрослым населением русской грамматикой, литературным чтением. Публиковалась в газетах «Ленские зори», «Лучинка», районных литературных альманахах «Киренск литературный» и «Северный ветер», журнале «Белая радуга» (г. Ангарск), энциклопедии «Краеведы земли Сибирской», самарском литературно-художественном альманахе «Параллели» (посвящённом событиям 1941 – 1945 гг.), коллективном сборнике «Пороховая память» (г. Братск), альманахе «Звонница» (Белгород, 2022).

Фомина Дарья Александровна (г. Балашиха, Московская обл.) – редактор отдела прозы.

Родилась 1 ноября 1986 года в городе Ногинск Московской области. Окончила факультет русской филологии Московского государственного областного университета, курсы литературного мастерства в Creative writing school: курс нон-фикшн Е. Ляминой и курс по написанию эмоционального рассказа М. Кучерской. Пишет сказки для детей, стихи, прозу, критические статьи. Финалист и дипломант фестиваля-конкурса «Берега дружбы» (2020, 2021), конкурса поэзии «На крыльях грифона» (2020). Вошла в лонг-лист премии Болдинская осень 2021 в номинации «Критика». Публиковалась в ряде российских литературных журналов и поэтических сборников.

Малашко Сергей Львович (Магадан) – зав. литературным отделом «Рыбохотобзор».

Родился в 1962 году в г. Зея Амурской области. Юношеское увлечение охотой стало профессией. В 1984 году получил диплом охотоведа (Иркутск), работал по специальности в Хабаровском крае и Магаданской области. Публиковался в альманахах «Охотничьи просторы», «Русский охотничий журнал», «Колымские просторы», в литературных сборниках международного союза писателей «Новый современник», в международных изданиях медийной группы «Интеллигент», в русскоязычных альманахах США и Австралии. Удостоен почётного звания и нагрудного знака «Серебряное перо Руси» в рамках национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (2013) и специального диплома Александра Бухарова в номинации «Популяризация русского языка в рамках международных проектов», медали «М. Ю. Лермонтов» (2014), специального диплома Александра Бухарова и медали «За труды в просвещении, культуре, искусстве и литературе» (2015). Лауреат национальной премии «Золотое перо Руси» (2022). Автор 5 книг прозы.

Лапахтина Татьяна Тарасовна (Таксимо, Бурятия, Россия) – зав. отделом культуры.

Родилась 4 января 1966 года в Иркутске. Родители – уроженцы Иркутска, строители Байкало-Амурской магистрали. В 1988 году окончила Иркутский государственный университет (факультет русского языка и литературы). Второе высшее образование – Байкальский экономико-правовой институт (психологический факультет). 25 лет проработала педагогом дополнительного образования, методистом, психологом и режиссёром массовых мероприятий во Дворце творчества детей и молодёжи «Радуга» пгт. Таксимо Муйского района Республики Бурятия. Автор многочисленных сценариев праздников, детских спектаклей, статей в местных газетах и журналах, освещающих детское творчество. Публикации стихов и песен в местных СМИ. Общественная деятельность включает организацию волонтерских групп по направлениям: «экотуризм», популяризация позитивного творчества, духовно-культурных ценностей.

В 2016 году присвоено звание «Ветеран труда» РФ. Мать 4-х детей, двое из которых – приёмные. Автор 6 книг стихов и песен.

Байкало-Амурские страницы

*Стук колёс ж/д состава
Ночь пробудит, и волна
До вершин хребтов достанет, –
Содрогнётся тишина.*

*Эхом горы отзовутся,
И в ответ раскаты нам –
Песней юности вернутся
Про дорогу – БАМ.*

В. Кузнецов

Анатолий ПОДЗАРЕЙ

г. Протвино, Московская обл.

Анатолий Иванович ПОДЗАРЕЙ – автор книги «Мы строили БАМ не в белых перчатках» (Протвино, 2008).

Участвовал в строительстве восьми тоннелей Байкало-Амурской магистрали. Прошёл путь от рядового инженера до руководителя крупного подразделения – Тоннельного отряда №16 Управления строительства «Бамтоннельстрой».

Работал на строительстве (с 1975 г) 12 лет и все годы вёл дневниковые записи.

«Мы строили БАМ не в белых перчатках»

Восточная Сибирь. Бурятия. Северо-Муйский хребет

На первой площадке, вырубленной в тайге у подножия хребта, предполагалось возвести первый посёлок тоннельщиков (пос. Радужный, переименованный впоследствии в пос. Тоннельный) с западной стороны хребта. До Нижнеангарска – 300 км. Связь с Нижнеангарском осуществлялась двумя путями: по воздуху вертолётами и радиотелефонами. Главная задача, которую решали высадившиеся группы, заключала в себе следующее: очистку площадки от порубленного леса, строительство вертолётной площадки, установку палаток для жилья, оборудование 20-местных палаток под склад. Дороги ещё не было, поэтому вертолётами доставлялось всё, начиная от продуктов питания до бензина для передвижных электростанций.

Первыми строителями участка №2 были работники Тоннельного отряда №11 УС «Бамтоннельстрой». Возглавляли участок горный инженер Иван Матвеевич Силкин, приехавший из Донбасса; механик Юрий Михайлович Пийтер; я – горный энергетик Анатолий Иванович Подзарей; мастера Ю.И. Хидько и В.П. Журавлёв; маркшейдеры А.И. Косорыженко и Г.В. Долинский. Основной костяк рабочих составляли представители «Харьковметростроя», шахтёры Донбасса и комсомольско-молодёжная бригада лесорубов – посланников ЦК ВЛКСМ Казахстана. В 1975 году на Западном портале будущего тоннеля работали сорок человек.

На Восточном портале располагался участок №4 во главе с начальником Иваном Николаевичем Перепелицыным и механиком Юрием Михайловичем Соловьёвым. Расстояние между порталами через хребет – 25 километров, которое преодолевали на вертолёте или на вездеходе.

На Западном портале я работал с 6 сентября по 5 декабря 1975 года. Здесь прошёл первое «крещение» с новыми людьми, в момент становления маленького коллектива, осваивая новую жизнь в условиях, которые приравниваются к условиям жизни на Крайнем Севере.

За три месяца мы успели выполнить большой объём работ: обустроили промышленную площадку, прорубили просеку для будущей автодороги в сторону Янчукана, заготовили дрова, топливо, подготовили палатки для проживания в них зимой и на складах накопили много тёплой одежды. Была организована работа столовой.

Готовились начать штурм Северо-Муйского хребта.

Мы покорим тебя, Северо-Муйский хребет!

На последней неделе апреля самым значительным событием в жизни Тоннельного отряда №11 стал праздник, посвящённый передвижке горнопроходческого комплекса на большом железнодорожном тоннеле, который состоялся на восточной стороне хребта 26 апреля 1978 года, на второй день после открытия XVIII съезда ВЛКСМ в Москве.

За несколько дней до торжества я почти не спал, продумывая, как лучше и торжественней организовать это событие, чтобы оно надолго осталось в памяти людей. Все понимали – это исторический момент. Сценарий митинга я вынашивал в голове несколько суток, затем расписал его на бумаге и принялся за его осуществление.

Начальник ТО-11 Смирнов был против торжества. Пришлось убеждать его в необходимости мероприятия, являющегося одной из исторических страниц жизни коллектива. После горячих споров Смирнов с неохотой принял мои доводы. Потом с партийным активом и профкомом я раскрутил механизм подготовки торжества. Украсили флажками место проведения праздника у проходческого щита, повесили лозунг «Мы покорим тебя, Северо-Муйский хребет!».

На здании конторы в посёлке и на здании столовой вывесили красочные объявления. Договорился с проходчиками, играющими на духовых инструментах, чтобы они в день праздника исполнили торжественные марши. Через поселковый Совет народных депутатов обязал начальника ОРСа А.С. Решетникова и заведующую торговым отделом А.Я. Гафурову организовать на портале праздничную торговлю дефицитными товарами и кулинарными изделиями. Впоследствии рабочие остались очень довольны организацией такой торговли у проходческого комплекса.

Затем продумал список выступающих на торжестве, оповестив каждого, чтобы они подготовили праздничное выступление, пригласил представителей всех организаций, работающих в Северомуйске. Для того чтобы придать большую торжественность и значимость мероприятию, я поручил женщинам – работницам конторы – изготовить красные банты для всех членов президиума. Для бригады монтажников, которым предстояло сделать первую передвижку проходческого щита, были сшиты красные ленты.

В числе других мероприятий предусмотрели вручение Почётных грамот и ордеров на новые квартиры, удостоверений и значков «Ударник коммунистического труда», награждение отдельных рабочих талонами на приобретение ковровых изделий.

На митинге планировали разрезать красную ленту на щите и разбить по традиции бутылку шампанского о борт горнопроходческого комплекса. В день праздника погода выдалась прекрасной: светило яркое солнце, лёгкий ветерок трепал полотнища флагов. Весть о митинге быстро разнеслась по посёлку, поэтому на праздник тоннельщиков съехались все.

За большим столом, покрытым красной тканью собрались члены президиума, на груди у всех красовались алые банты.

Прибыли представители трудящихся СМП-597, КСШУ, Управления механизации, автоколонны №5, треста передвижных электростанций, работники ОРСа, поселкового Совета. Всего собралось больше 250 человек.

Мне было поручено вести митинг. Краткое вступительное слово... и духовой оркестр исполнил гимн СССР. Затем выступил С.А. Смирнов – приветствовал коллектив и вручил Почётные грамоты передовикам производства: В.И. Бондарю, В.К. Тихомирову, монтажнику И.Г. Кашникову, электрослесарю А.А. Гонтарю, Г.П. Пильщикову. Затем вручил удостоверение и знак «Победитель социалистического соревнования за 1977 год» проходчику Борису Александровичу Веркиенко.

От построечного комитета профсоюза отряда выступил председатель С.Ф. Голубничий, поздравил коллектив с новой трудовой победой и вручил 14 ордеров на новые квартиры особо отличившимся на подготовке щита к проходке: проходчикам, слесарям-монтажникам, инженерно-техническим работникам. 23 человека были удостоены звания «Ударника коммунистического труда». Под аплодисменты В.К. Тихомиров, А.А. Гонтарь, Г.П. Пильщиков получили талоны на дефицитный товар – ковровые изделия.

Многие выступали с приветственными словами. Потом я объявил, что решением партийного бюро и комитета профсоюза право разрезать красную ленту начала передвижки щита предоставлено ветерану метростроя начальнику отряда Сергею Алексеевичу Смирнову, который был одет в шахтерскую робу с белой каской на голове. Он взял ножницы и под громкие аплодисменты перерезал ленту. К нему подбежали любители сувениров и взяли на память ленточки.

Наступил кульминационный момент. Все участники праздника пришли в движение. Я сообщил, что право разбить о борт проходческого щита традиционную бутылку шампанского предоставлено Виталию Трегубову, комсоргу первой на проходке комсомольско-молодёжной бригады Ю.Д. Никитина, и механику участка Герману Пильщикову. Пильщиков взял висящую на красной ленте у щита бутылку шампанского, бережно поднёс её к столу президиума и передал Трегубову, который понёс к месту, о котором предстояло разбить шампанское – к оболочке щита.

Толпа двинулась за Трегубовым. Оркестр громко заиграл марш. Фотографы и кинолетописец отряда Моргунов окружили проходчика, защёлкав затворами фотоаппаратов и застрекотав кинокамерой. Трегубов размахнулся и ударил бутылкой о борт щита. Брызги белыми хлопьями разлетелись, и содержимое бутылки потекло по оболочке. Подул ветерок, и все почувствовали аромат шампанского.

Поступила команда произвести передвижку щита. Бригада слесарей-монтажников с красными повязками на левой руке заняла рабочие места. По сигналу механика Пильщикова заработали мощные электродвигатели, и гидродомкраты двинули к забою трёхсоттонную громаду щита. Начался штурм Северо-Муйского хребта. Все участники этого события радовались тому, что позади остались четыре года подготовки к началу горных работ, и что, наконец, наступил этот счастливый день. На память о нём было сделано много фотографий. На празднике были корреспонденты местных газет.

С западной стороны проходка двумя тоннелями состоялась ровно год назад. Там уже возникли первые трудности. Мы, участники начала проходки с востока, в те радостные дни ещё не представляли, какие испытания ожидали нас под землей.

Через два дня после митинга, рано утром, я включил радиоприёмник и услышал последние известия, которые передавала Москва. В одном из сообщений диктор на всю страну сообщил: «26 апреля на уникальном Северо-Муйском тоннеле Бурятского участка БАМа началась проходка основного железнодорожного тоннеля. Проходку ведёт бригадир комплексной бригады, который строил линию «Абакан – Тайшет», метро в Ташкенте, Игорь Попов. Пройдены первые метры с восточной стороны. Таким образом, проходка самого протяженного на БАМе тоннеля началась с обеих сторон Северо-Муйского хребта».

Это сообщение словно током пронзило моё тело. Родина говорила о нас, участниках большой стройки. Чувство гордости переполнило мою душу. Это была радость причастности к большим делам, свершающимся в огромной стране под названием Союз Советских Социалистических Республик.

Рабочий посёлок

Я люблю своё посёлком и ранним утром, и днём, и ночью. Природа подарила людям это место в красивейшей долине среди тайги между двумя величавыми хребтами: Северо-Муйским и Муяканским. С какой стороны ни подъедешь к посёлку, взгляд отметит ровный ряд улицы среди стройных сосен, яркие плакаты наглядной агитации.

Все, кто приезжает в Северомуйск, удивляются неповторимому пейзажу, открывающемуся взору. Суровость первозданного мира, вековая природа, отдалённость от цивилизации придают особый колорит посёлку.

Посёлок рос на глазах. По состоянию на 1 сентября 1978 года было построено 30 десятиквартирных жилых домов, в которых разместились семьи работников – строителей тоннеля. В феврале 1977 года появилось подразделение СМП-597, его коллектив освободил тоннельщиков от общестроительных работ и продолжил обустройство посёлка. Организация в короткие сроки построила десятки домов. Были сданы в эксплуатацию здания поселкового совета, узла связи, сберкассы, пекарни, детсада на 140 мест и больничного комплекса.

Северомуйск стал одним из престижных посёлков на Бурятском участке БАМа. С вводом в эксплуатацию аэропорта посёлок стал третьим центром после Северобайкальска. А Северо-Муйский тоннель стал барьерным участком БАМа, поэтому сюда сосредотачивали технические и людские ресурсы.

На начало сентября 1978 года, по данным поссовета, населения насчитывалось три с половиной тысячи человек, каждый день сюда прибывали двадцать-тридцать человек новых работников. С каждым последующим годом посёлок рос быстрыми темпами. В 1980 году численность населения достигла пяти тысяч человек, в 1987-м – 12670 человек. В марте 1978 года Северомуйску было присуждено третье место среди посёлков БАМа. В 1987 году Совет министров РСФСР и Всесоюзный Центральный Совет профсоюзов наградили посёлок Северомуйск переходящим Красным Знаменем во Всероссийском соцсоревновании.

В день торжественной линейки 1 сентября 1978 года, посвящённой первому звонку нового учебного года в средней школе, где мы с Голубничим присутствовали как шефы, увидели море детей. В этом году их стало четыреста пятьдесят человек, в прошлом, 1977-м, их было двести три. Вспомнил 1976 год, когда первая школа была открыта на Западном портале, в ней было всего сорок учеников. Дети Северомуйска жили в интернате в непростых условиях.

Эти моменты, связанные с развитием посёлка, я вспоминал, шагая с Голубничим по освещённой ночной улице Первопроходцев после общения с учителями школы. Голубничий у своего дома простился со мной, а я захотел подышать ночным воздухом, тем более что дома меня никто не ждал: жена с сыном были в отпуске.

Я подошёл к ДК «Тоннельщик». Здесь, на ярко освещённой спортплощадке, азартно играли в городки работники отряда. Доносилось характерное щёлканье бросаемых бит. Организатором создания городошной команды был механик из Ленинграда мастер спорта Александр Саксин. Этой игрой он увлёк не только взрослых, но и школьников – почти каждый день до глубокой ночи шли азартные спортивные баталии.

Иду дальше к больничному комплексу, что на окраине посёлка. По дороге встречаю молодёжь, которая украдкой целуется, – значит, жизнь идёт своим чередом. Медики констатируют тот факт, что рождаемость у нас самая высокая среди других посёлков. Возле больничного городка останавливаюсь и смотрю на тусклые ночные огни в дежурной комнате лечебного отделения. Здесь лежит с сердечным приступом главный инженер отряда Арий Евгеньевич Птушкин. Его могучий организм не выдержал нагрузок, связанных с проблемами проходки тоннелей и штольни. В мыслях я желаю ему здоровья и возвращаюсь домой.

23 сентября 1978 года, Бурятский участок БАМа

Публицистика

Западники были неправы потому, что они отрицали своеобразие русского народа и русской истории.
Николай Александрович Бердяев (1874–1948)

Александр БАЛТИН

г. Москва

Член Союза писателей Москвы, автор 84 книг (включая собрание сочинений в 5 томах), свыше 2000 публикаций в более чем 100 изданиях России, Украины, Беларуси, Казахстана, Италии, Польши, Словакии, Израиля, Эстонии, США.

Редактор отдела поэзии журнала «Северо-Муйские огни».

Вороха загадок булгаковского романа

1

... тревожно вглядывающийся в историческую глубь собственного романа Мастер, оказавшийся в сумасшедшем доме, слишком противоречащем реальности: той, в который образ одинокого проповедника давно отринут за ненадобностью...

Жёсткий и жестокий Понтий Пилат, не воспринявший поначалу всерьёз избитого, странные вещи глаголящего бродягу, старающийся спасти его в дальнейшем: почувствовал Божественный свет?

Он разве исходит от Иешуа, – образа, чей корень настолько не соответствует евангельским стихам, что диву даёшься – откуда такая трактовка!

Могло ли слово подобного Иешуа пройти века, покорив их, нанизав на свой стержень культуры, вызвав столько всего... противоречивого...

Является ли Мастер носителем Божественного света?

... Воланд, спрашивающий про доказательства бытия Божьего, исчисляет их числом пять, отсылая к блаженному доктору Фоме, который, суммировав тогдашнюю теологию, вышел из библиотеки и столкнулся с проносющимся мимо него мотоциклистом...

Не сам ли Воланд и диктовал их, понимая лучше других, что словеса эти: просто игры разума – разуму же ничего и не доказывающие: и что единственные доказательства могли бы лежать в сфере ощущений, но в ней-то как-то раз – страхи, зависимость от обстоятельств, и смутные, властные тени каких-то неизвестных, давящих нас по жизни воль?

Седьмое доказательство – конечно, шутка, буффонада Мефистофеля, чуть бравирующего свою способностью предвидеть события.

Направлять их?

Тогда совсем страшно...

... жажда доказательства – полновесного, способного убеждать – пронизывает определённые пласты булгаковского романа; но... нет такого, и Иешуа, воплощение кротости, и тезиса – в слабости сила, вовсе не доказывает ничего, кроме бесконечно заложенных трактовок: заложенных в пласты евангельских текстов...

А ведь действительно страшно, если вдуматься: за два тысячелетия изменилось всё: психология, нравы, оружие, еда, взаимоотношения, литература, физика и т. д. – не изменилось одно: человек как не знал – есть Бог или нет, так и не знает; как не ведал, что ждёт за гранью смерти – так и не ведаёт...

И тревожно вглядывающийся в перспективы времён Мастер, сам не знающий откуда пришли ему столь сложные образы, не создаст глобального, с ощущениями нашими связанного доказательства, увы...

2

Мастер, рождённый поэтом, становится историком, чтобы вызрела гроздь романа, превращающая Мастера в мистического прозаика...

Знал ли он демонологию настолько, чтобы классифицировать представителей воландовской шайки; и фиолетовый, никогда не улыбающийся рыцарь, наказанный за шутку о свете и тьме, оборачивается неистовым пошляком и гаером, насмехающимся именно над пороками этого ряда...

Знал ли сам Булгаков демонологию?

И можно ли её знать... если всерьёз?

Большинство проживает жизнь, сталкиваясь с этими персонажами только на страницах фейерверка, считающегося романом.

Да, в сущности, невероятная смесь – мистерии и фейерверка, где иудейские, ершалаимские страницы выписаны так, что в них можно войти, как в двери.

Пластика языка невероятна: зрите стены старого города, городские пруды, дворцы: таинственные, огромные...

Когда появился роман, сложно было проассоциировать Иешуа со Христом: атеистическая атмосфера общества не позволяла; и ныне сложно: слишком иное прочтение образа: академик Лихачёв не принимал, например.

Как могла прозвучать проповедь такого... слишком кроткого, имеющего одного только ученика?

Как?

Почему Пилат не послал преторианцев, закамуфлировав их, скажем, под зилотов, отбить Иешуа, чьи речи были ему целительнее бальзама?..

Убивают ли Мастера и Маргариту, чтобы взять в покой?

В тот умиротворяющий мир, где виноград вьётся и Шуберт звучит...

Убивают, конечно: и кони, скачущие прямо на небо, подтверждают это великолепием своим.

Роскошь шутовства, мистерия гаерства, карикатурная, вся в блёстках смеха Москва, теснящаяся в варьете, ищущая развлечений, заинтригованная происходящим...

Она творится на глазах – величественная мистерия, разыгрывающаяся в современности, в Иудее, в пространстве и времени, столь отличных от привычных, что не скудеет источник света, из которого и выплыл сакральный роман.

3

Иван Бездомный, только что бывший примитивным антирелигиозным рифмоплётотом, принимает ледяное крещение в водной купели Москвы-реки, описанной М. А. Булгаковым с необыкновенной пластикой, и, лишённый привычных покровов одежды, то есть привычного, прошлого себя, нацепив на грудь иконку и прихватив одну из свечей, хотя и едва ли вкладывая в это религиозный (скорее – суеверный) подтекст, отправляется в вертеп вавилонский: ресторан Массолита...

О! тут гудит неистовство плоти, торжествует венец обжорства, горит ярмарка тщеславия; тут всё пронизано токами, отрицающими высшее начало, и Иван появляется здесь, как... своего рода блаженный, причастившийся тайного знания.

Разумеется, он сочтён сумасшедшим: тема чистоты, обретаемой сквозь безумие, не раз вспыхивала остро в русской литературе: скажем, в «Палате №6»...

Иван совлекает ветхого старого Ивана, чтобы родиться новым: стремящимся к знанию, отказавшимся от пустого, хотя и приносившего признание стихоплётства...

Он станет профессор: потом, в самом конце, когда завершится неистовая феерия воландовского разгула и пройдут годы, – скромным учёным, не совсем нормальным.

Блаженным.

... превращения и метаморфозы, переодевания: причём так, что скидывается ветхая жизнь – постоянно происходят в недрах солнечно-волшебного романа: но – только с теми, для кого это возможно.

Так, косно-безрелигиозный, тупо уверенный в своей правоте, смеющийся надо всем таинственным и непостижимым Берлиоз их не заслужил: сомневайтесь, Михаил Александрович?

А вот вам доказательство от дьявола: чтобы не сомневались...

Могущества разрушаются, как ненужные картонные игрушки: всеильный, казалось бы, Пилат, становится вечно зыскующим истины несчастным, стремящимся вновь и вновь убедиться, что казни не было, ненавидящим свою громадную славу...

Поэту Рюхину?

Какие уж тут превращения – только водка под рыба, чтобы забыться.

Не всемогущ и Воланд: он может только доставить Мастера к месту назначения, никак не влияя на посмертную его участь...

Странно показано и посмертье – будто двоящееся в сложных зеркалах недоступного человеку знания...

Ворох феерических, сверкающих суммами невероятных оттенков приключений выброшен в мир с такою силой, что мир читает, захлёбываясь, чаще всего вбирая внешние слои, реже погружаясь в глубь.

Резко отличное от канонических толкований жизни Христа может ошарашить: однако, именно кротостью, пронизанной любовью, и завораживает оно; равно мудростью, ведь действительно, перерезать волос может только тот, кто подвесил.

Продолжающийся роман в романе: сначала рассказ неизвестного, оказавшегося Воландом, затем – сон Ивана, после – перечитывание Маргаритой книги Мастера...

Финала нет – отсутствует воскресение: более того: в той прозаизированно-сгущённой обстановке Ершалаима, которая представлена панорамой, оно не мыслится.

Роман пропитан своеобразной религиозностью – своеобразной, ибо она не столько связана с культом, сколько с понятиями нравственными: зло должно быть наказано; а что наказывают его часто сами представители зла: так оно такая субстанция, что способна пожирать самую себя...

Пластика булгаковского романа столь велика, что многим бы хотелось войти в него, принять участие; и Москва воспринимается вполне современно, более того: современная Москва, залитая бессчётными пёстрыми огнями соблазнов в большей степени воландовская, нежели та...

Над суетой – Мастер: отчасти блаженный, отчасти провидец, в том же пальто с обрезанными пуговицами (верный признак ареста), возвращающийся, чтобы увидеть в любимом подвальчике попивающего чаёк Алоизия – одного из колоритных мерзавцев (пример негативного переодевания – казавшийся проникновенным читателем, оказывается заурядным доносчиком)...

Бесконечный вихри загадок будут томить и впредь; и споры о том, является ли роман гимном сатане, будут раздаваться и дальше.

Глубоки спуски в бездны романа – но бездны эти световые, сколь бы ни рядили церковные люди – допустимы ли симпатичные изображения нечисти: роман светлый, от света, и ради его укрепления в этом мире написан.

Александр КОСТЕРЕВ

г. Санкт-Петербург

Костерев Александр Евгеньевич – родился в Ленинграде, автор стихов, пародий, эссе, переводов, опубликованных в советской, российской, зарубежной периодике: «Смена», «Советская культура», «Новгородская правда», «Тюменский комсомолец», «Уральский рабочий», «День литературы», «Новый мир», «Причал», «Эрфольг» «Таврия литературная», «День и ночь», «Дальний Восток», в изданиях Латвии, Чехии, Эстонии. Участник нескольких ленинградских ЛИТО, ВИА и рок-групп, автор и ведущий музыкальных программ на Ленинградском радио, артист Ленконцерта. Песни на стихи Александра Костерева в разное время исполняли Валентина Легкоступова, Валерий Леонтьев, Валерий Ярушин, Вячеслав Малежик, Виктор Зинчук, Юрий Охочинский, Эдита Пьеха, Михаил Шуфутинский, группы «Ариэль», «Иваныч», «Нескучный сад», «Пламя». Победитель ряда российских и международных литературных конкурсов.

Пушкин, Бенкендорф и Николай I в исторической драме «Борис Годунов»

В 1829 году III Отделение собственной Его Императорского Величества Канцелярии, куда была представлена драма Пушкина «Борис Годунов», выдало такое категоричное заключение: «в пьесе нет ничего целого: это отдельные сцены, или, лучше сказать, отрывки из X и XI томов Истории Государства Российского, сочинения Карамзина, переделанные в разговоры. Характеры, происшествия – всё основано на сочинении Карамзина, всё отсюда позаимствовано. Автору комедии принадлежит только рассказ, расположение действия на сцене».

Это суждение могло бы остаться лишь любопытным образчиком критических упражнений чинов полицейского надзора, далёких от литературы, если бы замечания о зависимости и даже подражательности «Бориса» Истории Карамзина не продолжало звучать лейтмотивом серьёзной литературной критики, изучавшей и оценивавшей поэтическую деятельность Пушкина в течение всего XIX века.

В мае 1831 года была опубликована анонимная брошюра (предположительно Фаддея Булгарина) «О Борисе Годунове, сочинении Александра Пушкина» с подзаголовком «Разговор Помещика, проезжающего из Москвы через уездный городок, и вольнопрактикующего в оном учителя Российской Словесности», в которой произведение Пушкина критиковалось за неправдоподобие характеров, жанровую неопределённость, отсутствие чёткой структуры, исторические неточности и разнообразие стилистические изъяны. В 1833 г. появилась обширная статья Николая Полевого, отмечавшая «проницательный гений Пушкина», при этом саму драму автор нашёл совершенно неудачной по причине зависимости Пушкина от Карамзина.

Спустя двенадцать лет после появления статьи Полевого Белинский напишет: «Ни в одном из прежних своих произведений не достигал Пушкин до такой художественной высоты, и ни в одном не обнаружил таких огромных недостатков, как в «Борисе Годунове». Эта пьеса была для него истинно Ватерлооскою битвою, в которой он развернул во всей широте свой гений и, несмотря на то, всё-таки потерпел решительное поражение... Борис Годунов, может быть, больше, чем какое другое лицо русской истории годился бы для драмы, то хоть для поэмы в драматической форме <...> в которой Пушкин мог бы развернуть всю силу своего таланта и избежать тех огромных недостатков и в историческом и в эстетическом отношении, которыми наполнена драма Пушкина. Для этого поэту необходимо было самостоятельно проникнуть в тайну личности Годунова и поэтическим инстинктом разгадать тайну его исторического значения, не увлекаясь никаким авторитетом, никаким влиянием. Но Пушкин, рабски, во всё последовал Карамзину, и из его драмы вышло что-то похожее на мелодраму, а Годунов его вышел мелодраматическим злодеем, которого МУЧИТ совесть и который в своём злодействе нашёл себе кару. Мысль нравственная и почтенная, но уж до того избитая, что таланту ничего нельзя из неё сделать».

Не избежал критической оценки и Дмитрий Писарев, который в статье «Пушкин и Белинский» так охарактеризовал и Белинского, и Пушкина: «Белинский написал о Пушкине одиннадцать превосходных статей, наполненных множеством самых светлых мыслей о правах и обязанностях человека, о любви, о ревности, о частной и об общественной жизни, но вопрос о Пушкине в конце концов оказался совершенно затемнённым. Читателям, а быть может, и самому Белинскому, показалось, что именно Пушкин породил своими произведениями все эти замечательные мысли, которые, однако, целиком принадлежали критику и которые, по всей вероятности, могли бы не понравиться самому поэту. Белинский преувеличил значение всех главных произведений Пушкина и каждому из этих произведений приписал такой серьёзный и глубокий смысл, которого сам автор никак не мог и не хотел в них вложить».

«Белинский любил того Пушкина, – продолжал Писарев, – которого он сам себе создал; но многие из горячих последователей Белинского стали любить настоящего Пушкина, в его натуральном и необлагороженном виде. Они стали превозносить в нём именно те слабые стороны, которые Белинский затушевывал или перетолковывал по-своему. Вследствие этого имя Пушкина сделалось знаменем неисправимых романтиков и литературных филистеров. Вся критика Аполлона Григорьева и его последователей была основана на превознесении той всеобъемлющей любви, которую будто бы проникнуты насквозь все произведения Пушкина».

Михаил Катков: «Пушкину ставят в укор относительно Бориса Годунова, что он черпал дух и краски этого произведения не из первых источников, а из истории Карамзина, что он смотрел на древнюю Русь сквозь чуждую призму. Укор этот, сколько нам помнится, впервые произнесён был в «Московском Телеграфе»; с тех пор он пошёл в ход и стал общим местом критики. Всегда, как только речь зайдёт о «Борисе Годунове», непременно заговорят о Карамзине. Но первый источник этого важного критического замечания, переходящего из уст в уста, был самим же Пушкиным».

«Придирки к пушкинским прекрасным строчкам, – напишет в 1933 году в Париже Александр Куприн, – были идиотскими до виртуозности. Пусть сам царь всемилостивейше сказал Пушкину: «Я сам буду твоим цензором», всё равно – цензором его как был, так и остался дубовый шеф жандармов

граф Бенкендорф, ненавидевший и презиравший Пушкина от всей мелкой глубины своей казарменной души. Это он послал Пушкину сухое письмо о том, что государь прочитал «Бориса Годунова» и остался его содержанием доволен, но, однако, полагает, что сочинение это следовало из драматической формы переделать в исторический роман. На это Пушкин мужественно ответил, что он написал, как написало, а перелицовывать своё сочинение он не может. Николай I промолчал».

Следует ли согласиться с перечисленными выше мнениями, признать, что Пушкин в своём «Борисе» рабски следовал за Карамзиным, что Николай I и Бенкендорф всячески препятствовали публикации драмы, а Пушкин без колебаний отстаивал ценность своего творения?

Альтернатива звучит заманчиво: предпринять усилия к поиску в драме Пушкина признаков самостоятельного изучения и понимания времени и личности Годунова, использования иных исторических источников, при этом оценив истинную роль Николая I и Бенкендорфа в жизни «Бориса Годунова».

Обратимся к истории сочинения «Бориса Годунова», используя нередкие упоминания о подробностях её создания в письмах Пушкина, Бенкендорфа и архивных документах того времени.

К сочинению «Бориса Годунова» Пушкин приступил в конце 1824 года. Поэт напишет князю Вяземскому из Михайловского 13-го – 15-го сентября 1825 года: «Сегодня кончил я 2-ую часть Моей Трагедии – всех, думаю, будет 4. Моя Марина славная баба: настоящая Катерина Орлова! Знаешь её? Не говори, однако ж этого никому. Благодарю тебя и за замечание Карамзина о характере Бориса. Оно мне очень пригодило. Я смотрел на его с политической точки, не замечая поэтической его стороны; я его засажу за Евангелие, заставлю читать повесть об Ироде и тому подобное – Ты хочешь плана? Возьми конец X-го и весь одиннадцатый том – вот тебе и план».

После завершения работы Пушкин напишет Вяземскому слова, ставшие легендарными (орфография и пунктуация оригинала): «Поздравляю тебя, моя радость с романтической Трагедией, в ней же первая персона Борис Годунов! Трагедия моя кончена, я перечел ее в слух, один, бил в ладоши и кричал, ай-да Пушкин, ай-да сукин сын! – Юродивый мой, малой презабавной; на Марину у тебя ... – ибо она полька, и собою преизрядна. Прочие также очень милы; кроме капитана Маржерета, который все по ... бранится; цензура его не пропустит – Жуковский говорит, что Царь меня простит за Трагедию – на вряд, мой милый. Хоть она и в хорошем духе писана, да никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого. Торчат!»

Итак, 7 ноября 1825 года труд Пушкина был окончен.

А в марте 1826 года поэт отправляет Петру Плетнёву два прелюбопытных письма. Первое – «Какого вам Бориса, и на какие Лекции? В моём Борисе бранятся по матерну на всех языках. Это трагедия не для прекрасного полу», второе – «Карамзин болен! Милый мой это хуже многого. Не будет вам Бориса прежде чем не выпишите меня в Петербург. Что это в самом деле? Стыдное дело. Слепушкину дают и кафтан, и часы, и полу-медаль, а Пушкину полному – шишь. Так и быть; отказываюсь от фрака, штанов и даже от академического четвёртака (что мне следует); по крайней мере пускай позволят мне бросить проклятое Михайловское».

Пушкин не теряет надежды на издание в 1826 году своего произведения. Это становится очевидным из письма Николаю Языкову, написанному в ноябре: «Царь освободил меня от Цензуры. Он сам Мой Цензор, выгода конечно необъятная. Таким образом Годунова тиснем».

Во время этого пребывания в Москве (от 8 сентября до 20-го ноября) Пушкин читал «Бориса Годунова» у С. А. Соболевского, потом у Д. В. Веневитинова. При чтении трагедии у Соболевского присутствовали, кроме хозяина: Чаадаев, Веневитинов, Виельгорский и Киреевский.

В конце ноября 1826 года Пушкин напишет из Пскова Бенкендорфу: «Я действительно в Москве читал свою трагедию некоторым особам (конечно не из ослушания, но только потому, что худо понял Высочайшую Волю Государя) то поставляю за долг препроводить её Вашему Превосходительству в том самом виде, как она была мною читана, дабы Вы сами изволили видеть дух, в котором она сочинена; я не осмелился прежде сего представить её глазам Императора, намереваясь сперва выбросить некоторые непристойные выражения. Так как другого списка у меня не находится, то приемлю смелость просить Ваше Превосходительство, оный мне возвратить».

Письмо по входящей записи III Отделения было получено 9 декабря 1826 года и вызвало живой интерес Николая I, который даст следующее поручение Бенкендорфу: «... мне очень любопытно прочесть его сочинение; велите сделать выдержку кому-нибудь верному, чтобы она не распространялась...». Из донесения Бенкендорфа Николаю I: «При сем прилагаются заметки на сочинение Пушкина и выписки из этого сочинения. Во всяком случае это сочинение не годится для представления на сцене, но с немногими изменениями можно напечатать; если Ваше Величество прикажет, я его ему верну и сообщу замечания, помеченные в выписке, и *предупрежду* его, чтобы сохранил у себя копию...». Приписка Императора на донесении: «Заметки оставлю у себя».

Уже 3 января 1827 года поэт напишет Бенкендорфу (орфография и пунктуация оригинала): «Милостивый Государь Александр Христофорович! С чувством глубочайшей благодарности получил я письмо Вашего Превосходительства, уведомляющее меня о Всемилоштивейшем отзыве Его Величества, касательно моей драматической поэмы. Согласен что она более сбивается на исторический роман, нежели на трагедию, как Государь Император изволил заметить. Жалею, что я не в силах уже переделать мною однажды написанное. С чувством глубочайшего почтения, благодарности и преданности честь имею быть Вашего Превосходительства всепокорнейший слуга, Александр Пушкин».

В начале 1827 года Пушкин испытывает досаду и сомнения по поводу возможной публикации «Бориса». В неотправленном письме Николаю Раевскому, написанном предположительно в марте – апреле 1827 года эти нотки отчетливо слышны: «Благодарю Вас за участие, принимаемое вами в судьбе Бориса Годунова (мне было приятно удовлетворить столь для меня лестному нетерпению). Вы знаете, что я никогда не думал отдать (её) свою трагедию на театр, но едва ли думал я видеть её когда-нибудь и напечатанною. Твердо уверенный, что устарелые формы нашего Театра требуют преобразования, я (начал писать) расположил свою Трагедию по системе Отца нашего Шекспира. Почтенный шестистопный Александрыйский стих переменяю на окороченный пятистопный белый –

в некоторых сценах унизились даже до презренной прозы, не разделил своей трагедии на действия – словом написал трагедию истинно романтическую и думал уже (что наделал чудеса и) что уже публика скажет мне большое спасибо. Между тем, внимательнее рассматривая критические статьи, помещаемые в журналах, я начал подозревать, что я жестоко обманулся, думая, что во вкусе нашей словесности обнаружилось стремление к романтическому преобразованию... Всё это сильно поколебало мою авторскую уверенность – я начал подозревать, что Трагедия моя есть Анахронизм».

А из письма Пушкина П. А. Плетнёву от 5 мая 1830 года с радостью узнаем: «Милый!!! Победа! Царь позволяет мне напечатать Годунова в первобытной красоте: Вот что пишет мне Бенкендорф: «Pour ce qui regarde volve tragédie de Godounof, S. M. vous permet de la faire imprimer sous votre propre responsabilité». Слушай-же, кормилец: я пришлю тебе трагедию мою с моими поправками – а ты, благодетель явись к Ф. Ф. и возьми от него письменное дозволение (нужно-ли оно?) Думаю написать предисловие. Сей час получил письмо твое – благодарю, душа моя Заклучай условия какие хочешь только нельзя-ли вместо 4 лет 3 года – выторгуй хоть 6 месяцев – Не продать-ли нам Смирдину и трагедию? – Что касается до будущего местопребывания моего, то сам не знаю – кажется от Петербурга не отделаюсь – Царь со мною очень мил».

На этой оптимистичной ноте Пушкин (по словам Языкова) «ускакал в Питер печатать «Годунова».

Полностью пьеса была впервые опубликована (с некоторыми цензурными сокращениями) в конце декабря 1830 года с датой издания 1831 год, при этом увидеть Годунова на сцене публика смогла только в 1866 году, ввиду предполагаемой несценичности произведения.

Январь 1831 года выдался, судя по переписке, для Пушкина беспокойным. 7-го января он пишет Плетнёву в Петербург: «Пишут мне, что Борис мой имеет большой успех: странная вещь, непонятная вещь! По крайней мере я того никак не ожидал. Что тому причине? Голос знатоков, коих избранных так мало? крик друзей моих? мнение двора? Как бы то ни было, я успеха трагедии моей у вас (в Петербурге) не понимаю. В Москве то ли дело? здесь жалеют о том, что я совсем, совсем упал; что моя трагедия – подражание Кромвелю Виктора Гюго; что стихи без рифм не стихи, и тому подобные глубокие критические замечания. Жду переводов и суда немцев, а о французах не забочусь. Они будут искать в Борисе политических применений к Варшавскому бунту и скажут, мне, как наши: «Помилуйте-с!..».

Экземпляры книги «Борис Годунов» продолжают расходиться как горячие пирожки. Пушкин – Плетневу: «Пришли мне, мой милый, экз. 20 Бориса для московских процалыг, не то разорюсь покупая у Ширяева», 13-го января 1831 год, Москва; Пушкин – Погдину: «Вот вам Борис. Доставьте, сделайте милость, один экз. Никодиму Недоумке приславшему мне билет на Телескоп. Мне пишут из Петербурга, что Годунов имел успех. Вот еще для меня диковинка. Сейчас отняли у меня экз. Надеждина; завтра пришлю другой», январь 1831 год, Москва.

А 18 января 1831 года Пушкин сердечно, и вероятно искренне, благодарит Бенкендорфа за содействие в публикации «Бориса Годунова»: «Милостивый Государь, Александр Христофорович!

С чувством глубочайшей благодарности удостоился я получить благосклонный отзыв Государя Императора о моей исторической драме. Писанный в минувшее царствование, Борис Годунов обязан своим появлением не только частному покровительству, которым удостоил меня Государь, но и свободе смело дарованной Монархом писателям русским в такое время и в таких обстоятельствах, когда всякое другое правительство старалось бы стеснить и оковать книгопечатание. Позвольте мне благодарить усердно и Ваше Высокопревосходительство как голос Высочайшего благоволения и как человека, принимавшего всегда во мне столь снисходительное участие. С глубочайшим почтением и совершенной преданностью, есмь Милостивый Государь Вашего Высокопревосходительства покорнейший слуга, Александр Пушкин».

Тогдашняя цензура – общая судьба всех русских литераторов, для великих писателей представляется даже менее страшным злом, чем для прочих. Внешние условия для творчества Пушкина, несмотря на цензуру, можно оценить как весьма благоприятные. В разговорах о враждебности светской и литературной среды к Пушкину, забывают о его многочисленных и преданных друзьях в этой самой среде, представляя «свет» исключительно министером образования Уваровым или шефом жандармов Бенкендорфом, а не Карамзиным, Виельгорским, Вяземским и другими. И к какому лагерю отнести блестящих представителей русской литературы: Жуковского, Гоголя, Баратынского, Плетнёва как не представителей «светского» общества? Едва ли, и к счастью для потомков, был когда-нибудь в России писатель, окружённый таким блестящим и плотным кругом людей, понимающих и глубоко сочувствующих его творчеству. «Борис Годунов», несмотря на все свои смелые отступления от «правил» и оригинальные находки Пушкина, был не чужд классической театральной традиции. В изображении судьбы царя Бориса Пушкин шёл своей единственной дорогой, той на которой Карамзин не мог выступить проводником. Карамзинский Борис появляется на престоле, как возлюбленный царь русской земли, вызывающий общее сочувствие бояр и народа. Пушкинский Борис – мнимый избранник, а развитие драмы лишь раскрывает ложь, которая тщательно скрывалась в самом восшествии Бориса на престол. Центр внимания трагедии сместился от «мелодраматического» положения Бориса – человека, которого мучит совесть, к разобщенности царя с народом, который, в сущности, не избирал его, а шёл за боярами.

В связи со сложностью творческой задачи Пушкин так и не смог определить жанровую принадлежность «Бориса»: «трагедия», «романтическая драма», а в итоге выпустил в свет без подзаголовка. Исследованию пушкинского «Бориса Годунова» посвящено огромное количество печатных работ, однако наиболее точная оценка, на мой взгляд, принадлежит Михаилу Попову: «В драме Пушкина читатели не нашли ни действий, ни связи и ни малейшего применения к сцене. Это ни драма, ни поэма, ни повесть; она показалась каким-то выродком, которому нет имени в произведениях литературы и которую невозможно ни к чему, как говорится, приспособить. Прежним почитателям его таланта ещё более представились простой, безыскусственный рассказ, дельность мысли, точность каждого слова и отчуждение всяких блудящих огоньков, всякой погребушки. Многие начинали думать, что светильник души поэта угас. Но драма Пушкина, не поражая с первого раза, тем больше нравилась, чем более её читали».

Привал на поэтической тропе.....**Максим ОРЛОВ**

г. Братск, Иркутская обл.

Член Союза писателей России. Автор 5 книг стихов. Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

Поэт Пётр Чайковский

В одном из сборников романсов русских композиторов попался мне на глаза романс «Ландыши» композитора Антона Аренского. Читаю: автор текста – П. Чайковский. Неужели Пётр Ильич? Оказалось – да, в 1878 году великий композитор написал стихотворение «Ландыши», состоящее из четырнадцати катренов. Композитор А. Аренский (ученик Н. А. Римского-Корсакова) написал романс, оставив, правда, только три четверостишия:

О, ландыш, отчего так радуешь ты взоры!
Другие есть цветы, роскошней и пышней,
И ярче краски их, и веселей узоры, –
Но прелести в них нет таинственной твоей.

В чём тайна этих чар? Что ты душе вещаешь?
Чем манишь так к себе и сердце веселишь?
Иль радостей былых ты призрак воскрешаешь?
Или блаженство мне грядущее сулишь?

Не знаю. Но меня твоё благоуханье,
Как винная струя, ласкает и манит,
Как музыка, оно стесняет мне дыханье
И, как огонь любви, питает жар ланит.

Некоторые строфы стихотворения композитору показались чересчур мрачными:

И вот когда-нибудь весна опять разбудит
И от оков воздвигнет мир живой.
Но час пробьёт. Меня – среди живых не будет,
Я встречу, как и все, черёд свой роковой.

Что будет там?.. Куда, в час смерти окрылённый,
Мой дух, велению вняв, беззвучно воспарит?
Ответа нет! Молчи, мой ум неугомонный,
Тебе не разгадать, чем вечность нас дарит.

.....

Об особенном отношении к ландышам поэт Пётр Ильич Чайковский пишет Надежде Филаретовне фон Мекк: «... Любите ли Вы цветы? Я к ним питаю самую страстную любовь, особенно к лесным и полевым. Царём цветов я признаю ландыш; к ним у меня какое-то бешеное обожание. Модест, тоже любитель цветов, часто спорит со мной. Он стоит за фиалки, я за ландыши; мы пикируемся. Я ему говорю, что фиалки пахнут помадой из табачной лавочки. Он отвечает мне, что ландыши похожи на ночные чепчики, и т. д. Как бы то ни было, не признавая фиалку достойной соперницей ландыша, я всё-таки люблю и фиалку. Здесь на улицах очень часто продаются фиалки, но сам я до сих пор, несмотря на поиски, не находил ни одной. Я уж начинал думать, что нахождение фиалок составляет какую-то исключительную привилегию туземных детей, как вдруг сегодня, на возвратном пути, напал на одно место, где их было много. Это и есть второй повод моего письма. Посылаю Вам несколько сорванных мною милых цветов. Они Вам напомнят юг, солнце, море и тепло...». (Письмо от 27 января 1878 г.).

О своём стихотворении Пётр Ильич радостно сообщает в письме к брату Модесту: «Оттого ли, что погода стоит отвратительная, оттого ли, что я вообще вчера был грустно настроен, – но вдруг мне захотелось воспеть ландыши в стихотворной форме. Целый день и всё сегодняшнее утро я провозился над стихами, и в результате получилась пиэса, которую при сём тебе посылаю отдельно. ...Уверю тебя, что хотя они мне достались с большим трудом, но я работал над ними с таким же удовольствием, как и над музыкой. Пожалуйста, дай сему моему творению самую широкую публичность». (Письмо от 15 декабря 1878 г.).

Известно, что у музыки и лирики муза одна – Эвтерпа. По всей видимости, этот дуализм подвиг гениального композитора на написание громадного массива текстов к своим произведениям. Пётр Ильич был единственным автором либретто к своим операм «Опричник», «Орлеанская дева», полностью переработал «сырое» либретто Виктора Буренина к опере «Мазепа». Композитор являлся

соавтором либретто к операм «Пиковая дама» (в соавторстве с М. Чайковским), «Евгений Онегин» (основной автор – К. Шиловский), «Воевода» (в соавторстве с А. Островским).

Конечно, отдельного рассмотрения заслуживает либретто к опере «Евгений Онегин», которое не раз подвергалось критике (в ряде случаев – справедливой) за отступления от текста Александра Сергеевича. Поругивают Петра Ильича и за чрезмерное «доверие» к текстам К. Шиловского. Однако критики не учитывают того обстоятельства, что в романе Пушкина практически отсутствует прямая речь, это вынудило либреттистов досочинить значительное количество диалогов, из которых, собственно говоря, и состоит опера. Прямое цитирование отпадало, авторский текст использован лишь незначительными фрагментами, причём именно эти фрагменты музыковеды считают самыми слабыми в музыкальном отношении. Некоторые авторские отступления (А. Пушкина) пришлось вложить в уста персонажей...

Тем не менее, оперу «Евгений Онегин» многие музыковеды считают первой в России лирико-психологической оперой, да и сам композитор называл своё творение не оперой, а «лирическими картинами».

Чайковским написаны и стихи к своему романсу «Простые слова»:

Ты звезда на полночном небе,
Ты весенний цветок полей;
Ты рубин, иль алмаз блестящий,
Ты луч солнца во тьме светящий,
Чаровница и царица красоты!..
(отрывок)

Петру Ильичу принадлежат тексты и к другим вокальным произведениям: «Природа и любовь» (трио), «Так что же» (романс), «Вечер» (хор), «Обнимись со мной» (гимн), «Ночь» (квартет), «Соловушка» (хор).

В заключение этого краткого обзора процитирую Варлама Шаламова: «Когда читаешь стихи Чайковского, приходят на ум рисунки Пушкина, Лермонтова, картины Шевченко, сонеты Микеланджело... Литературное наследие великого русского композитора Петра Ильича Чайковского – пример того же рода».

Ландыши (1878 год)

Когда в конце весны в последний раз срываю
Любимые цветы, – тоска мне давит грудь,
И к будущему я молитвенно зываю:
Хоть раз ещё хочу на ландыши взглянуть.

Вот отцвели они. Стрелой промчалось лето,
Короче стали дни, умолк пернатый хор,
Скупее солнце нам даёт тепла и света,
И разостлал уж лес свой лиственный ковёр.

Потом, когда придёт пора зимы суровой
И снежной пеленой оденутся леса,
Уныло я брожу и жду с тоскою новой,
Чтоб солнышком весны блеснули небеса.

Не радуют меня ни книга, ни беседа,
Ни быстрый бег саней, ни бала шумный блеск,
Ни Патти, ни театр, ни тонкости обеда,
Ни тлеющих полен в камине тихий треск.

Я жду весны. И вот волшебница явилась,
Свой саван сбросил лес и нам готовит тень,
И реки потекли, и роща огласилась,
И наконец настал давно желанный день!

Скорее в лес!.. Бегу знакомою тропкою.
Уже ли сбылись мечты, осуществились сны?..
Вот он! Склоняясь к земле, я трепетной рукою
Срываю чудный дар волшебницы-весны.

О ландыш! Отчего так радуешь ты взоры?
Другие есть цветы роскошней и пышней,
И ярче краски в них, и веселей узоры,
Но прелести в них нет таинственной твоей.

В чём тайна чар твоих? Что ты душе вещаешь?
Чем манишь ты к себе и сердце веселишь?
Иль радостей былых ты призрак воскрешаешь?
Или блаженство нам грядущее сулишь?

Не знаю. Но меня твоё благоуханье,
Как винная струя, и греет, и пьянит.
Как музыка, оно стесняет мне дыханье
И, как огонь любви, питает жар ланит.

И счастлив я, пока цветёшь ты, ландыш скромный,
От скуки зимних дней давно прошёл и след,
И нет гнетущих дум, и сердце в неге томной
Приветствует с тобой забвенью зол и бед.

Но ты отцвёл. Опять чредой однообразной
Дни тихо потекут, и прежнего сильней
Томиться буду я тоскою неотвязной,
Мучительной мечтой о счастье майских дней.

И вот, когда-нибудь весна опять разбудит
И от оков воздвигнет мир живой,
Но час пробьёт. Меня – среди живых не будет,
Я встречу, как и все, черед свой роковой.

Что будет там?.. Куда, в час смерти окрылённый,
Мой дух, веленью вняв, беззвучно воспарит?
Ответа нет! Молчи, мой ум неугомонный,
Тебе не разгадать, чем вечность нас дарит.

Но, как природа вся, мы, жаждой жить влекомы,
Зовём тебя и ждём, красавица весна!
Нам радости земли так близки, так знакомы, –
Зияющая пасть могилы так темна!

Сергей СТЕПАНОВ-ПРОШЕЛЬЦЕВ

г. Нижний Новгород

Автор 42 книг стихов и прозы. Публиковался в журналах «Аврора», «Звезда», «Студенческий меридиан», «Крылья Родины», «Крокодил», «Смена», «Знаменосец», «Турист», «Собеседник», «Нижний Новгород», «Земляки», «Вертикаль. XXI век» и др. Лауреат премии по итогам творческого конкурса (Ставрополь), премии Союза писателей Латвии (за поэму «Красная Лиля», 1981 г.). Победитель в двух литературных конкурсах: имени Калинина и «Народный автор» (2010 г.).

Встреча с Визбором

Однажды я взял отпуск за свой счёт на неделю и махнул в горы к своему другу Володе Астапенко, который работал инструктором в альпинистском лагере.

Он напророчил непогоду.

Верховья Кубани – самое, пожалуй, живописное место на Западном Кавказе. Здесь крутые склоны гор, свежесть долин, красивые леса, быстрые реки. В то время альпинисты ещё только осваивали эти края, а туристов вообще не было.

Я приехал сюда, в ущелье Узункол, в августе 1978 года. Но только устроился на ночлег, как узнал, что здесь Юрий Визбор со своей дочерью Татьяной, которая училась в МГУ.

Мы познакомились. Визбор был известным бардом, журналистом, киноактёром. Я думал, что он не уделит мне время. И ошибся. Мы проговорили почти всю ночь. И оказалось, что у нас много общего. Оба служили в армии, оба начали писать стихи с ранней юности, у обоих были строгие матери, оба играли в футбол и могли в этом преуспеть, но не сложилось. Я читал Юрию свои стихи, а он спел под гитару несколько песен. Одну я раньше не слышал. Называлась она «Теберда»:

Теберда, Теберда, голубая вода,
Серебристый напев над водой.
Теберда, Теберда, я хотел бы всегда
Жить в горах над твоею волной.

Серебрей серебра там бурная рать
По ущелью бурлит не смолкая,
Там в туманной дали бастионом стоит
Синеватая Белалакая.

Теберда, Теберда, голубая вода,
Нет красивей твоих тополей.
Я б остался всегда коротать здесь года,
Если б не было русских полей.

Я б остался, поверь, если б как-то в метель
Я б одну не довел бы домой.
Теберда, Теберда, голубая вода,
Серебристый напев над водой.

Ещё одна исполненная им песня была написана вчерне. Там было много разночтений с текстом, который потом Визбор озвучил. Но я, к сожалению, тот вариант не запомнил.

Утром Визбор отправился покорять вершину, которая называлась Большая Трапещия. Больше наши пути не пересекались. Он умер шесть лет спустя от рака печени. Вот эта песня – «Непогода в горах»:

Свечка темно горит.
Дождик в окно стучит.
Лето – сплошной обман.
В соснах висит туман.

Непогода в горах, непогода!
В эту смену с погодой прокол,
Будто плачет о ком-то природа
В нашем лагере «Узункол».

Нам-то что? Мы в тепле и в уюте,
И весь вечер гоняем чай.
Лишь бы те, кто сейчас на маршруте,
Завтра в лагерь спуститься смогли.

Врут всё мои друзья,
Что, мол, придёт рассвет,
Что, дескать, есть края,
Где непогоды нет.

И не пробьёт тех туч
Солнца густая кровь,
Их лишь разгонит луч,
Луч тот – твоя любовь.

... А дожди зарядили спустя несколько дней.

Поэтическое обозрение 95-го выпуска «СМОг» (№1/95/2023)

Жизнь, склоняющая к морщинам возраста, не отменяет эстетической силы поэзии, всегда помогающей осветлить мысли: хотя бы – мерой красоты и согласованностью созвучий:

Морщины строк волнами по листу
бегут, летят, всё чаще, всё скорее,
бумага надрывается, старея,
как юность, пережившая мечту.

Но слово, разгораясь на лету,
прильнёт и сердце ветхое согреет,
заплаканное небо просветлеет,
и будут сниться яблони в цвету.

Голос **Никиты Брагина** узнаваем: стихи, интенсивно окрашенные в цвета мыслей и переживаний, опыта и своеобразия видения реальности, вспыхивают огнями: своеобразных откровений, которыми поэт щедро делится с миром.

Первый номер «СМОга» за 2023 год /№95/ представляет богатую поэтическую поляну, где столько разнообразного цветения: несмотря на зимний календарь...

Иван Нечипорук исследует метафизические каверзы мира, и делает это с той нервной вибрацией, которая не позволит усомниться в подлинности дара:

Пока слонялся по углам,
Моя беда ходила рядом:
Вокруг двора, вокруг кола,
Напитываясь злобным ядом,
Сверлила душу диким взглядом
И хищно свой момент ждала.

Необходимость противостоять оной рождает в душе стремительную силу стоицизма, столь необходимого в жизни.

Разговорная интонация, предлагаемая **Александром Шерстюком**, обеспечивает поток стиху: поток, схожий с коловращением всего в недрах сознания: точно улавливает феномен мозговой «словомешакли» поэт:

Веря своей Верке
зная её стороны
значит зная вздоры
сталбыть зная здорово
ангелом я к Меркель
полечу просторами
полечу просторно
полечу себя я
затхлость себорейную
освежая – ну её! –
например бореем...

Пространное детское удивление миром, жизнью, всем феноменом бытия демонстрирует в стихах – тонких и нежных – **Татьяна Собошанская**: вглядываясь в каждый день, как в полноценное чудо:

У зимы что ни день, то подарок:
Снегири, Новый год и коток.
В чистом поле – особый порядок:
Белизна и румяный восток.

Даже ночью безлунную можно
Прочитать по следам на снегу,
Как лиса замерла осторожно,
Чтобы зайца схватить на бегу...

Прозрачны и легки напевы **Алексея Зверева**: и даже «Бессонница», могущая быть мучительной, здесь не особенно страшна:

Ночь по переулкам тёмным
Растеклась водою сонной,
Гаснут окна через двор.
Дождь-полуночник, жестянщик,
Неуёмный барабанщик
К нам на крышу сыплет сор.

Сонеты **Алёны Ивановой** – живописны и картинны: виды прорисовываются чётко, в пейзажи можно войти, соприкоснуться с их явной и тайной прелестью:

Мечты людей не чужды здесь горам,
Где млеет в чаше золото долины.
Как памятники сказочным зверям,
Стоят в лесу граниты-исполины.

Анатолий Арестов, живописуя родные просторы, совмещает, кажется техники: здесь и лёгкая словесная акварель, и густое – словесное же, конечно, – масло:

Прилягу на травы в рубахе измятой
по утренним росам. Глотая туман
с пахучим шалфеем, раздавленной мятой,
прольётся в сознание лёгкий дурман
российского луга. Его разнотравье
изнежит навеки души уголки.
Вдохну аромат, да поглубже, за здоровье!
За наше Отечество, луг и колки.

... словно ода – родному, растворённому в сознание, будто вмещённому кодом в бытие...

Интересно изгибаются ветви верлибров **Руди Риваса**: и причудливый словесный орнамент вспыхивает поэтической тайной, словно творимой на глазах из обыденного материала яви:

Ирма Грезе и Иоганна Борман
добираются до пляжей Балтийского моря
держась за руки,
между их пальцами можно услышать страх
3 часа 40 минут
и часы истекают кровью,
солнце извлекает соль из их слёз

И вот – в гостях у «СМОга» – Белгородское молодёжное литературное объединение «Младость»: вспыхивают мечты, вытягиваются строки, зажигается поэтическая явь...

По-детски нежно, легко, игриво:

На ветвях иголки.
Все деревья – ёлочки.

Так у **Людмилы Брагиной**: представленной, разумеется, разноплановыми стихами: скреплёнными ощущением единства авторского видения мира.

Красиво рисуется пейзаж **Галины Стручалиной**: пейзаж завораживающий, таинственно-зимний:

Снега и сны в избытке шлёт зима.
Качает головой сосна седая,
Крик ворона, безмолвье разбивая,
На плечи падает с ближайшего холма.

Интересная метафизика мироощущения прорисовывается за строками **Галины Цыбань**:

Все мы смертны...
Дождливо шепчет
Шелестящей осени жар.
Все мы жесты...
Ритуальных шествий,
Неизбежных, как злой кошмар.
Все мы ветры...
Простудно веем
Посреди мировой зимы.
Все мы жертвы...
И все стареем.
Но зачем обязательно мы?

Таинственный привкус абсурда в строке свидетельствует о неустанной душевной работе: попытках понять корневые шифры бытия.

Так – богато и разнообразно – представляет 95-й выпуск журнала срез современной поэзии.

Александр БАЛТИН, редактор отдела поэзии журнала «Северо-Муйские огни»

Женские букеты весеннего выпуска «СМОГ» (№2/96/2023)

Первый месяц весны дарит первый же праздник оной: логичное женское сияние очередного номера «Смога» играет эмоциональным и словесным разнообразием...

... красиво строится пейзаж **Светланы Донченко**:

Расплескался закат на еловых макушках.
На иголках повисли обрывки огней.
Колокольни запели в соседних церквушках,
Отгнав от души моей хитрых чертей.

Пейзаж, тонко связанный с метафизикой души: но и гражданские мотивы, вибрирующие нервным натяжением строк, присуще поэзии поэтессы.

Напевы **Ирины Резник** светлы и плавным накатом строф омывают душу, и даже печаль, перехватывающая определённые моменты поэтических повествований, светла:

Мне повезло, что не надули губки,
А с лёгкостью позировали вы,
Творение апреля – стародубки,
Из прошлогодней выглянув травы,
Полуистлевшим бледно-серым плодом
Покрывшим ещё сонные луга.
Сошли снега, а за снегами следом
Уходит в землю чёрная тоска.

«Оберег» **Ольги Флярковской**, зыбко вибрируя ассоциациями, дарит читателю солнечное мгновенье соприкосновения со счастьем:

Не жука скарабея,
 катыщего солнце в овражину,
Не заглавную букву в колечке –
 серебряной прорезью, –
Я беру в обереги дорогу
 крутую и влажную,
И утиное царство
 на глади зеркального озера.

На лучевом пространстве света строится поэзия **Калины Изабелы Жёлы**:

звук гитары
не пугает ночную тишину
он пронизывает её
как запоздалый луч света

Луч, касающийся души... – ведь она: основная сущность всякого бытия!

Тонкое чувствованье природы демонстрирует **Ольга Фомина**, раскрывая в стихе тайну простого, и – такого сложного – пейзажного космоса:

В пруд, как в зеркало, смотрится лес.
Луч дрожит между светом и тенью.
И на вымытых окнах небес
Март рисует углём и пастелью.

Необычное видение реальности предлагает **Николь Воскресная**, совмещая тонкость стекла и конкретику поэтических откровений:

Стеклянная пыль тумана,
повсюду ты и нигде,
Как тонкая грань обмана
и отраженья в воде.

Зимнее завершится!

Поэзия **Ирины Апарченко** пропитана субстанцией надежды:

Разбушевавшийся январь
Застыл снегами,
Уже висит неделю хмарь
В морозной гамме.
И ртутный столбик опустил
Холодный мóрок,
И люд привычный загрустил –
Опять за сорок.

Пусть сейчас так, но ведь изменения не за горами, и не так страшен мороз: ведь и он связан со светом...

Тайна мерцает за поэтическим действием **Лидии Пащенко**: тайна, раскрывающаяся лучами, словно проходящими через бездну яви:

«А у нас во дворе...» –
Начинается в старенькой песне...

Искони во дворах
Неизбежен обмен новостей.
А вот в нашем на днях
Получилось куда интересней:
Принимали врасплох
Неожиданных странных гостей.

Алёна Иванова даёт весну... словно сгустками аллегорий, чьи лепестки нежно греются на солнце духа:

Ты – словно вечная Весна,
Что расцветает вновь за летом.
Твой голос-трель из снега сна
Оттает мир в лучах рассвета.

Весенние мотивы бодро и светло прозвучат и в ритмах **Нины Турчиной**:

Март-пересмешник, март-обманщик,
Противоречий ярких смесь,
Весны начало, он – шарманщик,
Заводит снова жизни песнь.

Вечная песнь жизни будет вибрировать, наполняя пространство...

... благоговение пред лесом: с его тайной, изначальной природной мощью красиво полнит поэзию **Ирины Артамоновой**...

Я каждый раз вхожу с поклоном в лес
И чувствую восторг и благодарность.
Лес – храм святой, и полон он чудес.
Какая красота, какая многогранность!

Галина Пиастро рассматривает Вселенную как бесконечную силу, щедрую на дары, нужно только прочувствовать их, постичь самым сердцем сердца:

Вот ведь выпало Земле счастливым жребием –
Жизнь подарена всем нам дождями-каплями.
На подсохший грунт с небес десант-вторжение:
Звёздный ливень сыплет споры – жизни капсулы.
Дар Миров – протоорганикою, капсулем.

Интересно мерцает научная струя в недрах лирического стихотворения, придавая ему дополнительное обаяние.

Есть нечто умиротворяющее в построении словесных пейзажей, исполняемых **Евгенией Амировой**:

Ещё не сгорбились сугробы,
На речке лёд сибирской пробы
Не рассекретила Весна,
В объятьях снежных дремлют ёлки,
Озёр зеркальные осколки,
Осинок реденькие колки
Не пробудились ото сна...

Интонация спокойная, домашняя, и – вместе – настраивающая на возвышенный лад...

А разговорная интонация, тонко перехватывающая иные стихи **Аллы Елисейевой**, придаёт оживляющий характер весенним напевам:

Привет, мой друг, чего грустишь?
Дела, проблемы, заморочки? Смотри!
Ползут сосульки с крыш,
И на ветвях смеются почки!
Кричат о счастье воробьи,
И всех подряд целует ветер!
Свою удачу не проспи,
Иди скорее к ней навстречу!

Глобальным приятием жизни наэлектризована, напоена поэзия **Валентины Останиной**:

Пусть будет всё:
Рожденья и крестины,
Дождь проливной и ясный небосвод,
И честный труд, и помыслы едины,
И в космос в честь Гагарина полёт.

И бесконечный круг жизни благородно пронизывает лучениями своды её стихов.

Психологическими вибрациями расходятся в пространстве стихи **Анфисы Третьяковой** и, трактующие вечные отношения двух, дают своеобразные повороты в недрах вечной темы:

Мы стоим за синей дверью:
Я внутри, а ты снаружи.

Я люблю и свято верю,
Что и ты безоружен.
Безысходность понимая,
Обливая сердце кровью,
Мыслью плечи обнимаю.
Отвечаю: «Не открою!».

Необыкновенное чувство Родины, словно соединяясь с образом мамы, раскрывается бесконечной любовью в поэзии **Елены Макаровой**:

Только мама моя да Родина
Приголубят нежно меня.
Та дорожка, что мною пройдена –
Лишь начало долгого дня.
Я пойду по росистой травушке,
Босиком пройду, улыбнусь.
Как заботливой, доброй бабушке,
Полю русскому поклонюсь.

Шёлковая нежность сияет...

Женская доля – вечная русская тема – обретает новые обертона в поэзии **Светланы Казаковой**:

Ах, долюшка обычная,
Как солнышка восход:
Всё суета привычная –
Щи, каша да компот.
Ах, долюшка, ты, долюшка,
Не пышные коржи,
Как вечное то полюшко
И василёк во ржи.

Протяжно льётся млеко стиха.

Вино и лето: и вино из одуванчиков, и их великолепная лёгкость чудесно объединяются в стихотворении **Светланы Войтко**:

За одуванчики над бездной.
Их белый пух и невесомость.
Слегка чихнёшь – и всё исчезнет,
и улетит во тьмы бездонность.
А истина – она на дне
из одуванчиков в вине.

Метафизические вспышки прожигают стихи **Ксении Аксёновой**, и за ними, за огнями этими, труд осмысления бытия: теми средствами, что предлагает поэзия:

Идти сквозь иголку верблюдом –
слепая игра. Наугад
блуждать между бредом и чудом,
в плену говорливых цикад.

Интересно мешается земное... и небесное – вложенное в человека – в поэзии **Валентины Ефимовой**:

Всё скрывается за мелочами.
Я заварила себя молочая.
Горький вкус разбудил тревогу,
Что спала с моей недотрогой
Совесью...

Сложное и тонкое соединение, заставляющее лишний раз задуматься о том, как причудливо сплетён орнамент жизни.

А вот – подъём на гору Моисея, разворачивающийся пёстрой лентой в поэтическом построении **Юлии Грачёвой**:

Как труден путь паломника в ночи.
Слабели ноги, поднимаясь в гору.
Все вместе, бедняки и богачи,
Тянулись змейкой вверх по коридору.
Во тьме не видно, сколько впереди
Пройти осталось, путники вздыхали.
А россыпи из камня на пути
Им о земных грехах напоминали.

Женский космос велик и разнообразен; и поэтическая часть одного отражает во всей сложности его своеобычное бытование...

И весенний номер журнала раскрывает полноту сияющего среза современной женской поэзии: метафизическую золотую жилу, излучающую живые весенние токи.

Проза

Расскажите любую жизнь, и вы расскажете мир.

Юлий Айхенвальд

Алексей ЯШИН

г. Тула

Яшин Алексей Афанасьевич – родом из Заполярья (Северный флот СССР, г. Полярный). Выпускник Литературного института им. А. М. Горького Союза писателей СССР. Главный редактор всероссийского литературного журнала «Приокские зори», член Правления Академии российской литературы, лауреат международных, российских и белорусских литературных премий. Член Союзов писателей СССР и России, Беллитсоюза «Полоцкая ветвь». Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два учёных звания профессора, лауреат научных премий Комсомола и им. Н. И. Пирогова.

Не в свои сани не садись, а севши – под гору катись

(эпилог к сборнику новелл «Жизнь как сон»)

Нет, кажется, и вправду уже грядёт час, и ныне есть, когда здравый разум будет не в состоянии усматривать во всём совершающемся хотя малейшую странность.

Н. С. Лесков* «Соборяне»

Русский фольклор, как иносказания исконно верующего, православного народа, пестрит путешествиями своих персонажей: для любимого героя Емели-дурака, что два пальца об... нет, асфальта тогда не было, значит о брусчатку соборной городской площади, за тридцать земель скататься, желательнее с печи не слезая. Но это всё географические перемещения. А вот о поездах на «санях-телегах времени» даже сами Даль и сам Афанасьев умалчивают. Это при том, что Владимир Иванович, как потомок немцев и датчан, очень скрупулёзно и дисциплинированно отыскивал жемчужные зёрна стихийной народной мудрости; одно удовольствие в наше суконно-цинковое время лицемерных запретов на всё и вся читать целую колонку его словаря о вине; дескать, «меняй хлеб на вино, веселей проживёшь» и пр..

Но почему на снях-то, на печке с неостывшими щами тож, в сказках и присказках русского народа во времени никто не разъезжал? Ели «славны бубны за горами», то неужто не привлекали времена прошедшие, когда вода мокрее была и сахар слаще, тем более, будущее – явно с молочными реками и кисельными берегами? (Заодно поясним, что старинные кисели тварили из овса, густые.) Опять-таки вернёмся к истовому русскому православию. Именно оно внушало народу, ещё не испорченному городским мещанством, тем более, фуражечным чиновничеством и столичным парлевуфрансе, с одной стороны, и нигилистами в мягких шляпах и пледах, с другой; если о прошлом далёком думать, так не успеешь яровые с озимыми посеять и сжать, а мечтать о будущем – и вовсе грех великий. Ибо живи свою жизнь смиренно, трудолюбиво и доброхотно, а в будущем, где будет только второе пришествие со всеобщим воскресением и судом, «по делам его и воздастся». И как бы ни был прилежен в труде, послушании помещику, добродетелен в семье и в своей общине, в исполнении всех наставлений его приходского попа, но подспудно крестьянин побаивался грядущего воскресения и судебного – на небеси – присутствия. Ведь без малого даже греха и неразумный скот на дворе не проживёт; про почти очеловеченных собаку и кота вовсе говорить неча.

Словом, творец фольклора, православный русский мужик (в северных губерниях, Архангелогородской и Олонецкой – это где Гаврила Державин губернаторствовал – в основном сказительницы этим занимались) страшился в своих снях времени устремляться в будущее – не судите, да не судимы будете. А чего Емеле в прошедшем-то делать? Его туда и маковым калачом не заманишь. Ведь позади только неурожайные, голодные годы, битьё розгами за шалости детства и отрочества, выкорчевывание леса под пашни – тяжелее работы на свете нет... а в дальнем прошлом и того хуже: «незванный гость хуже татарина» (это о татарине ордынском), опричина, разор Семибоярщины и Смутного времени с его самозванцами. А вся тягота такой развесёлой жизни на крестьянский хребет ложится. Не-е-т, барин, избавь нас от любопытства насчёт «славного прошлого» и «светлого будущего!» Не в свои сани, которые сани времени, не садись, а уж коли сел спяну, так и катись под горку времени прямо к мамаеву разору, а на горку и не покатишься: сам потащишь санки к Страшному суду.

Сейчас страна наша иная, не православными крестьянами с прослойкой мещан, купцов, попов и административных чинов населена. А впрочем... за исключением православных крестьян, всё теми же. Да чего здесь объяснять: оглянись округ себя! Да ещё вместо саней и телег личные автомобили отечественной отвёрточной сборки, всё более китайской фабрикации. Как и всё остальное, что в обиходе нынешнего русского человека, опять же переименованного в *россиянина*. Говорят – так в

* В завершении книги мы единожды «изменили» Ф. М. Достоевскому, нашему путеводителю – в эпиграфах – по всем кругам ада глобализации и расчеловечивания, дав слово Николаю Семеновичу Лескову: слишком точно и метко в этой фразе он выразился. (Заметим, что Достоевский и Лесков более чем холодно относились друг к другу; проживая в Петербурге, ни разу не встречались, а о произведениях *vis-à-vis* почти всегда ругательно отзывались... но, как истинные таланты, отыскивали и удачное на их взгляд). – Прим. авт.

эпоху глобализации и надо; мол, мастерская мира для него же весь ширпотреб гнёт-тачает, штампует, куёт. А для себя – космические корабли, атомные подводные лодки и тоже всё остальное, потребное новой сверхдержаве, возможно, будущей единственной в подлунном мире. И на Луне с Марсом впридачу.

... А в стране той, равно как и во всём, так называемом цивилизованном, мире, то есть «без африк и азий», но и они скоро примкнут к нему, хотя давно из саней в автомобили в пластмассовых лаковых кожухах пересели, но всё так же стараются не путешествовать в прошлое и будущее. И здесь не христианские догмы, как в санный век, не русское православие, европейские католицизм и лютеранство с кальвинизмом причиной. С их всеобщим воскресением, Страшным судом, а позади – торговля индульгенциями, тёмные Средние века и пришествие капитализма с его волчьей идеологией, мол, *homo homini lupus est*. Нет, конечно, ибо ныне Христова мораль, равно как и другие, имеющие место быть на белом свете, стала всего лишь артефактом прошлого. А где внешняя атрибутика того же христианства сохраняется, то это рабочий инструмент империализма-глобализма, именуемый *моралью по вызову*. Аналогия понятна.

Нечто иное отвращает современного жителя глобального человеиника, полного аналога пчельника, муравейника, термитника и пр., остерегает его от путешествий во время оно и в будущее. Что же именно? – Об этом речь пойдёт ниже.

У Ивана Бунина есть гениальные по своей простоте, но и невысказанной глубине, строки: «*Но для женщины прошлого нет: разлюбила – и стал ей чужой*» (по памяти пишем, надеемся, не ошибаемся в грамматике). Точно так же американский философ и публицист Фукуяма в последней трети прошлого века, возвестив «городу и миру» (как в папских энцикликах) о наступлении постиндустриальной эпохи, соотнёс её и с эпохой *постисторической*. То есть *после истории* этимологически, а значит и с потерей коллективной памяти об истории, ставшей современному человеку ненужной, как Ивану, родства не помнящему...

И всё же семантика этого слова намного обширнее простой потери памяти о своём прошлом, о всей истории 10000-летней эпохи цивилизации и культуры. Историческая память – суть «социальный геном» человечества. Как биологический геном ДНК любой живой твари, от предживого ещё вируса до вершины творения биоэволюции, человека, содержит в себе гены всех предшествующих в трехмиллиарднолетней эволюции видов живого (от момента расхождения флоры и фауны), так в каждом человеке осознанно или подспудно живёт вся прежняя история социальной эволюции человечества. Выдающийся русский философ Н. Ф. Фёдоров в своём трактате «Философия общего дела» назвал это качество человека *памятью отцов*. Вернее и основательнее не скажешь!

Именно отправляясь от этой памяти, генофенотипической и книжной, поколенной и личного жизненного опыта, человек и формируется как субъект социальный, то есть входящий своей особой, как папиллярный рисунок кончика пальца, индивидуальностью, особенно творческой, в социум, коллектив самостных людей: именно коллектив, но не глобалистский человеиник. Таким был до недавних, по историческим меркам, времён человек биологический, разумный, причём разум его тянулся к творчеству – широко понимаемому: от красиво, без брака выточенной на токарном станке детали до свершений технического и научного гения и всевозможных искусств. Вся его разумная деятельность зиждилась на обобщённой *памяти отцов*, которая не прерывалась, а только обогащалась при переходе от поколения к новому поколению, как *равнозвенная цепь*, тянущаяся из прошлого в будущее через настоящее.

Именно поэтому происходящий у нас на глазах разрыв этой цепи – а кто в этом усомнится? – есть отрицание исторической памяти, памяти отцов. Ибо таковая вовсе без потребности новому, нарождающемуся виду *homo: человеку биотехническому*, подключённому к глобальным телекоммуникационным сетям, мыслящему не творчески, аналогово, но с цифровым («компьютерным», клиповым и пр.), утилитарным суррогатом мышления. Словом, как в телевизоре: «в гостях у цифры», «от слова к цифре» и пр.. Это процесс *расчеловечивания*, одиночество гайки-винтика в мегамашине Великого глобализатора. Такое одиночество ещё три четверти века назад литературно охарактеризовали Джордж Оруэлл в знаковом романе «1984» и Ханс Фаллада в не менее пронизательном «Каждый умирает в одиночку»*. А Станислав Лем в «Сумме технологии» подвёл «теоретическую базу»; правда, по прошествии полувека эта база требует существенного пересмотра и дополнения.**

Расчеловеченному же бывшему *homo sapiens*, влачащему дни своей жизни в таком глобальном человеинике-концлагере (как Берлин в годы войны у Фаллады, а ещё вернее – сравнить с персонажами Кафки), память отцов вне всякой надобности. Социумная память востребована, во-первых, в коллективной организации, во-вторых, в условиях самоидентификации личности. Расчеловеченный же есть индивидуум, отгороженный от первого и второго. Поэтому езда на машине времени в прошлое (это, как и социумная память, образный эквивалент памяти отцов) для индивидуума человеиника даже и непредставима: какое-такое прошлое? Его не было; нас только вчера в капустных грядках нашли! Осторожный же винтик глобальной мегамашины, решив, что «не

* Фаллада Ханс. Один в Берлине (Каждый умирает в одиночку): Пер. с нем. – М.: Синдбад, 2021. – 672 с. (Обратим внимание читателя: именно в этом, недавнем издании впервые в истории публикаций романа использован аутентичный авторский текст). – Прим. авт.

** См. нашу 18-томную серию «Живая материя и феноменология ноосферы» (на различных сайтах по поисковику). – Прим. авт.

буди лихо, пока оно тихо», поостережётся даже на детских саночках с горки времени на малое число лет съехать, полюбопытствовать: а что там такое было... до того, как меня в капусте нашли. Ибо осторожность, она же запуганность всем и всея, есть поведенческая норма жизни винтика глобализма. Значит, не в свои сани не садись. И странность такого исторического нелюбопытства пресловутый винтик уже не в состоянии усматривать... Таким изобразил на чертеже, на компьютере, конечно, в программе *MatCad*, Конструктор глобального технологического процесса, и согласно чертежу винтик этот на *threedimensional* (сейчас обезьяннически, на американско-нижегородском макароническом* наречии, именуемом *3D*), то есть объёмном, в переводе на русский язык, штампующей машине с программным управлением отковали. И вставили, ввинтили в нужное резьбовое гнездо биотехнической мегамашины. На том и аминь!

В иудейской древности – извиняемся за повтор в этой книге – знаменитый врач и философ Маймонид в отношении к лечению заболевших обратил ветхозаветный закон шабада «человек для субботы» на «субботу для человека», чем вызвал гнев и преследование синедриона иудаистской ортодоксальной верхушки. А вот в эпоху глобализации в части <широко понимаемого, не только юридически> закона произошло обратное Маймониду; утвердилось: *человек для закона, а не закон для человека* (формулировка наша).

Это к «езде в будущее» человека глобализованного, которого по традиции поименуем латыни: *homo globalisticum* (не считите за «макароническую поэзию» – биология, как наука, исторически описательная и требует классификации). А раз человек сейчас становится субъектом действия законов глобализованного мира, писанных не для человека, но для «смазки» деталей и узлов глобальной мегамашины, чтобы исправно работала, не истиралась в местах фрикционных сопряжений и не заклинивала в зубчатых передачах, то нет искушения и желания в этот будущий мир заглядывать даже наездом на авто времени. Тем более, что совсем скоро – по историческим меркам – эти авто станут «беспилотными». Что делать тогда путешественнику во времени? – Пустую, без него, машину на автопилоте в будущее посылать? ... Это как в русской литературной классике девятнадцатого века: исправнику вовсе и не надо трястись по разбитым дорогам, ехать в дальнюю деревню для наведения строгости и порядка. Достаточно послать с нарочным урядником свою фуражку с красным околышком. Делов-то.

Такая поездка *хомо глобаликум* в несветлое будущее всё одно, что белке в колесе бежать: для неё нет будущего, только бессмысленный и бесконечный бег. Но для неё-то, хвостатой, хоть есть время обеда и сна, когда хозяин вынимает зверька из изуверской машины. А кто же выпустит, хотя бы на малое <историческое> время, винтик из глобалистской мегамашины? Это только у Чехова в «Злоумышленнике» простоватый мужичонка, что сворачивал для рыболовных грузил гайки с рельсовой укладки, полагал: дорога длинная, гаек в колее предостаточно, от одной-другой-третьей не развалится «чугунка»... В оцифрованной (цифрофренической) же мегамашине каждый миллионный, миллиардный винтик-гайка учтены и цифирью же обозначены. Как в лагерной зоне; во всяком случае в концлагерях Третьего Рейха. Справедливости для – и у нас таким «бухучёт» пользовались. Дядька мой, Лазарь Фёдорович (Лазарь – потому что из старообрядцев, по святцам наречён), к окончанию войны ставший полковником НКВД и сам попавший* – по статье за превышение власти – в сибирскую зону, говорил, что и теперь засыпает, и просыпается с видением своего лагерного буквенно-циферного номера...

Нет и не может быть, по определению, прошлого и будущего для участника глобального человеиника, для расчеловеченного в своей биотехнической оболочке: от телепередачи «В гостях у цифры» до полного цифрового рабства, занумерованного #01100010110... Вот в такой-то ипостаси жизнь подлинно, безо всякого красного словца и аллегорий, становится сном: без начала и конца, зацикленным и сумрачным.

Всё сказанное выше отражается, как в зеркале (ведь литература есть зеркало жизни? Как Владимир Ильич Льва Толстого обозначил не просто «зеркалом русской революции»...), в текущей литературе. И коль скоро пишутся художественные произведения, как настоящая книга – сага о путешествиях на личных машинах времени, то и они, по неумолимым законам диалектики и психологии творчества, отражают процесс всё более революцией глобализации и расчеловечивания. Поэтому слишком категорично говорить, что литературное творчество уже сейчас убито Великим глобализатором. Нет, теплится ещё, сопротивляется глухо, подпольно, родимая. «Жив курилка!» – как оптимистически воскликнул Ромен Роллан в «Коле Брюньоне».

Но это уже другая по определению литература (речь идёт о русской словесности), как скажет человек, воспитанный на отечественной и зарубежной классике девятнадцатого века, советской литературе в её лучших, не «датских» и не «номенклатурных», именах и произведениях, опять же на зарубежной классике и новаторстве (Кафка, Джойс, Стриндберг, Пруст и др.) двадцатого века.

* От слов «макароническая поэзия» (от итал. *maccheroni* – макароны) – вида шуточной поэзии, в которой стихотворный текст нарочито пересыпан иностранными словами; возник жанр в Италии в эпоху Возрождения. То есть пародия на испорченную латынь. В России «классика» этого жанра – поэма И. П. Мятлева (1796-1844) «Сенсация и замечания госпожи Курдюковой за границу, дан л'этранже» (в 3-х тт., 1840-44), язвительно высмеивающая увлечение иностранщиной – хронической русской болезнью... – Прим. авт.

* Подробно см. в предыдущей нашей книге: Алексей Яшин. Страна холода (2): Под опекой Арктогеи: Повесть (одиннадцатая книга рассказов Николая Андреевича): Академия российской литературы. – М.: «Новые Витражи», 2021. – 409 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»). – В электронной форме см. на сайте www.pz.tula.ru. – Прим. авт.

Современная литература ... как бы это образно сказать? – есть масштабно уменьшенный в разы, в порядке слепок с литературы предшествующих «великих творческих эпох» (опять же берём у Романа Роллана). И не будет обидным для нынешней русской литературы, если мы дадим её определение как *современная литература есть салонный вид творчества*. Почему салонный? – далее подробно объясним и обоснуем. Пока же начнём, для завязки и «плавности» изложения, издавелока, со времён Пушкина. И именно Пушкина как организатора русского литературного процесса, писавшего в 1825 году П. А. Вяземскому о своей мечте: «Когда-то мы возьмёмся за журнал! Мочи нет хочется...».

Так писал Пушкин ещё за одиннадцать лет до начала издания своего «Современника». Под самый конец своей, увы, недолгой жизни Александр Сергеевич исполнил-таки эту заветную мечту о литературном журнале, осознавая: давно пришло время доселе «салонное» сочинительство переводить во всероссийский литературный процесс. Начав с «Современника», совершенно иного качества литературной периодики, нежели выходившие и до него журналы, та же «Почта духов» И. А. Крылова и пр., далее – и в особенности! – через некрасовский уже «Современник», его же «Отечественные записки» этот процесс вывел за исторически краткое время, не более всего-то полувека, русскую литературу на мировые позиции. Заметим, что в конце XIX вв. это феномен русской литературы повторила литература норвежская ... конечно, в меньших творческих масштабах. Но – это к слову. Главная же мысль из сказанного: любая национальная художественная литература – с «обслуживающей» её критикой и литературоведением – в той или иной степени значимости входит в мировой творческий ареал при непереносимом условии перехода от салонного начального периода развития к литературному процессу в рамках своей страны, социума. Здесь и далее салонность никак не ассоциируется с «фрачно-кринолиновыми посиделками», но есть синоним давно и очень уж обруганному слову «кружковщина».

Далее русская классическая литература стала истоком литературы советской, причём с высшей в мировой практике степенью соорганизованности. Попутно ответим на обычную при упоминании литературы соцреализма взхлѐб-либеральную истерику в части «писательства по указке Кремля... ГУЛАГ и с несостоявшимися гениями» и пр.. А что, классическая русская литература критического реализма разве щеголяла нарочито своей безыдейностью? Куда же тогда всю её целиком деть? – Все сотни книг «с направлениями» – слева; а справа? – Многоцветье антинигилистической литературы: от «Взбаламученного моря» А. Ф. Писемского, «На ножах» и «Некуда» Н. С. Лескова, «Панургова стада» Вс. Крестовского до «Бесов» Ф. М. Достоевского – а это уже степень гениальности, с которой, политкорректно говоря, не совсем уместно сравнивать два извечных русских вопроса: «Кто виноват?» и «Что делать?». Опять же к слову, но пора перейти к «антифеномену» современной литературы: её исчезновению из творческого ареала современного человечества. Причём ареала *всемирного*, глобального.

Кстати говоря, на Западе-Востоке (это как «Западно-восточный диван» Гёте...) понятие литературного процесса утратилось ещё полвека тому назад. Если мы здесь пишем о русской литературе, тем самым как-то выделяя её, то только потому, что к нам Великий глобализатор, родной брат Великому инквизитору из «Братьев Карамазовых», несколько запоздал с визитом: во-первых, советская власть, окормлявшая писателей и читателей, долго сопротивлялась; во-вторых, слишком короткий по историческим меркам срок отделяет нас от русской классической литературы – первой и великой любви к изящно представленному русскому слову народа с мечтательной жилкой и сравнительно недавно научившегося грамоте... Потому и пишем с грустью об уходящей русской словесности, что она одна в современном глобо-мире ещё топчется на пороге, опасаясь переступить его, по крайней мере на живой памяти о былом величии, и выйти в холодящий душу мир глобализованного человекиника с людьми-роботами, винтиками-шестерёнками всемирной машины, где (и уже сейчас!) нет места вдохновенному слову, обращённому в бездушную цифру сугубо утилитарного мышления. Выше уже назвали это знаковым словом: *цифрофрения*.

Таким образом, антифеномен современной русской литературы суть прямое следствие включения страны в процесс глобализации, что стало возможным после поражения (не развала! – это либерализованный эвфемизм) СССР в Третьей мировой («холодной», информационной и пр.) войне с искусственным возрождением артефакта частнособственничества – и прямо в объятия мирового империализма в его высшей и завершающей стадии глобализма*. ... Опять России пришлось догонять Запад, но только в части расчеловечивания, отказа от высшей в Истории христианской морали и – от образного литературного мышления и восприятия его продуктов некогда «самой читающей в мире страной». Как сказал некогда Троцкий – не только ленинский «иудушка», но и блестящий публицист – «мы пришли слишком поздно и потому осуждены проходить историю по сокращённому европейскому учебнику». И, говоря ностальгическим советским речевым штампом, претензий к «партии и правительству» здесь никак быть не может, раз страна всецело включена в мировой процесс глобализации, утверждение о чём мы ежечасно слышим с самых высоких трибун – через «ящик» и интернет. Никакого сейчас нет и в помине «особого пути России», а есть сложнейшая мировая сеть гибридных войн, цветных революций, перманентных обострений, противостояний и пр.,

* См.: Яшин А. А. Феноменология ноосферы: Глобализм, или высшая и завершающая стадия империализма / Предисл. А. И. Субетто. – Тула, 2016. – 460 с. (В электронной форме см. на различных сайтах по поисковику). – Прим. авт.

и пр. – это «рабочий инструмент» Великого глобализатора. Пресловутые политкорректности, толерантности и «общечеловеческие ценности» (кроме доллара, конечно) здесь мало уместны.

Достаточно сказано для осознанного понимания сущности мирового и <несколько запаздывающего; см. выше> русского антитературного процесса: словесность, тем более изящная, романически-поэтическая, глобалистскому человеичнику безо всякой нужды – и наоборот, вредна для расчеловечивания. Опять же не будем либерально лицемерить, только для нашей страны, кроме её беспрестанной гонки за Западом, в рассматриваемом контексте добавим дичайшее социальное (не классовое! классов в глобальном общеустройстве не предполагается) расслоение и стахановскими темпами нарастающее обнищание масс. К литературе это имеет самое прямое отношение, о чём ниже скажем... опять же без лицемерной политкорректности. А «многожанровое» лицемерие – самая яркая окраска бурной глобализации.

Итак, в силу указанных факторов, для словесности начался обратный отсчёт времени: от общественного литературного процесса, созданного классической русской литературой, и развитого эпохой соцреализма, – стремительное возвращение к тому, с чего начали: к *салонному* разобщению, кружкам по интересам, образцово-показательным примером каковых всё более и более становятся «толстые» литературные журналы и ... региональные отделения писательских организаций – их вроде бы сейчас в России пять? Но всё время на глаза попадаются новые, диковинные названия. На полном безденежье и отсутствии поощрительного внимания со стороны властей и СМИ, владычицы умов и сердец среднестатистического обывателя, писательские союзы всё более становятся формальными <общественными> объединениями и теряют связь с *условно своими* областными ячейками. К указанным двум факторам салонности добавим, конечно же, авторские книги.

Восторг девяностых годов в части бесцензурной «самодетельной» печати таких книг уже давно сменился глубоким скепсисом и разочарованием: полное разрушение бывшей всесоюзной книготорговой сети, тиражи в 50 – 100 экземпляров при полнейшей бедности (см. выше) сочинителей, а главное, полная и безвозвратная потеря читательской аудитории. Сейчас, признаемся, граждане писатели, книги пишутся: старшими поколениями «письменников» – в силу творческой инерции, как машинист паровоз не может мгновенно затормозить, увидев издали на путях семафор; дескать, дальше нет тебе пути; а литературной новью-молодёжью? – это печальный для них, но оптимистичный для социума признак: слишком мощный разгон взяла во время оно русская и советская литературы, ещё не обнулён Молохом глобализма художественный творческий потенциал русского человека! Но раз книга написана, то хотя бы указанные выше десятки экземпляров издать, сэкономив на всём жизненно потребном. Причём без уверенности: а хоть два-три родственника или знакомого прочтут ли?

Это и есть фактор салонности. Точно также в XIX веке сочинялись и издавались на собственный кошт многочисленные романы и семейные хроники тихими уездными помещиками и удалившимися от дел средними по чинам военными и чиновниками. Коль выше говорили о Достоевском, то ещё раз отметим его зоркий взгляд, вспомним из «Бесов» губернатора фон Лембке, что, отлынивая от скучных административных дел, любил уделять целые полгода-год кропотливому изготовлению «кирки» с прихожанами в движении. Энергичная же супруга его Юлия Михайловна, полагая, что такие увлечения вредят в глазах подчинённых реноме хозяина губернии, «кирку» отобрала и упрятала в комод, а суверену великодушно разрешила сочинять романы – только тайно!

... И самому мне доводилось читать такие романы, любовно переплетённые, с автографами авторов, купленные в тульском букинистическом магазине, что в 70-е годы был богат на такие раритеты: народ массово увлёкся «подписными изданиями» и вычищал под них домашние полки от всякой семейной старины...

Всё ясно с писательскими организациями: посмотрите незашоренными глазами на свою областную... а мне и своей хватило для обобщающего вывода.

Осталось нам «пройтись» по журналам – вроде как, на первый взгляд, по определению (см. строки из письма Пушкина) самой мощной «антисалонной» силы. Но это именно лишь на первый взгляд. Во времена Пушкина журналы раскрывали потенцию литературного процесса. Нынешние же, увы, её завершают. Отдалённая аналогия – два бурно кипящих взрыва русской литературы в первой четверти XX века и в девяностые годы завершения его. Но в первом являл собой энтузиазм творения, зачастую в новых формах, во втором – «но явствен признак угасания», излишнее возбуждение, холерический оптимизм в предчувствии явления Великого глобализатора – могильщика художественного творчества с древнеримским девизом: «Вино, женщины и искусства принадлежат избранным». И вдобавок ещё либеральные похороны советской литературы... а впрочем, заодно и русской классики. *PaxAmericana*, словом.

Были журналы, но остались *журналы*; из уважения к героизму издателей нынешних *журналов* мы это слово не закавычиваем, но лишь отлично от журналов выделяем курсивом. Избави бог, подумать, что таким хитрованным синтаксисом выражаем неодобрение самому факту наличия современных журналов и/или их содержанию! Избави, избави... сам таковой редактирую уже шестнадцать лет, а в свой колодезь плевать как-то не комильфо. Или демонстративно вызывающе. Нынешние журналы – тягловые лошади исчезающего литературного процесса, но уже в салонном, кружковом качестве. Главное, они уравнины во всех отношениях, но в журнальном деле равенство не является поощрительным признаком. У каждого такого журнала свой салон авторов и – дай бог, если

таковые имеются! – читателей. Словом, в каждой избушке свои игрушки. И растолковывать здесь более нечего.

Как среднестатистически (средняя температура по больнице) уравнивали в «художественном весе» журналы, к такому же знаменателю существующее *status quo* устремило и писателей нехитрым приёмом: отрицанием самого института авторитета, взамен предложив суррогат «запиаренного». Всё коварство такого нигилизма авторитета в том, что, во-первых, литератор с явными (природными, особенно в поэзии) задатками таланта в уравнивательной среде чувствует себя ущемлённым; для поэтов это и вовсе непереносимо; во-вторых, пропадает стимул развития мощности своего таланта. В итоге, безавторитетное сообщество литераторов, численно, со стороны явного графоманства – трудолюбивого бесталанства, не ограничиваемое никакими барьерами (журналов тьма, книги печатать – были бы деньги, «якобы» творческих союзов много и вступить в них – что в баню сходить...), превращается в губернские салоны – аналоги «литературного утра» у упомянутой уже Юлии Михайловны Лембке. В массе своей все эти продукты «стенгазетного» творчества при чтении вызывают вкусовой эффект жевания ваты...

А где современный читатель – зверь, занесённый в «Красную книгу»? И не замкнулась ли нынешняя салонная, кружковая литература сама на себе в условной самодостаточности? – Как в добром советском анекдоте: «...Чукча, однако, не читатель. Чукча – писатель!». Очень даже похоже и на то. Так где он при крохотных «бумажных» тиражах? Слышим восторженно-радостный ответ, что, дескать, весь он, многомиллионный, в интернете. ... Я давно сомневался, что в интернете что-либо читается по части литературно-художественной. Но вот получаю как-то номер журнала «Бийский Вестник», издаваемого, как и наши «Приокские зори», при содействии Союза писателей России, а в нём статья давнего друга нашего журнала Валерия Румянцева «Смерть читателя – это лишь версия или?». И в материале этом автор дотошно, с цифрами в руках (даром что полковник ФСБ в отставке, а бывших чекистов не бывает...) однозначно делает вывод: по интернету читают-смотрят что угодно, но только не литжурналы. А про книги авторские мы уже и не говорим.

Нет читателя массового – самый мощный аргумент в части утверждения о салонном характере современной литературы. Дело дошло до самого отчаянного зазеркалья: автор публикуется в журнале – про книги было уже сказано выше – не в расчёте на читателей, которых нет, а чтобы таковой номер со своими виршами или рассказом горделиво поставить на домашнюю полку... Ещё раз напомним: так по всему миру... если там и не хуже.

...Явно превышая допустимый объём для эпилога книги, всё же затронем животрепещущий ныне вопрос о цензуре, имея в виду всё нарастающие устрожения в интернете. По мне бы его, как боевое оружие глобализма в части расчеловечивания, и вовсе прикрыть, оставив только обычную «мыло»-почту. И то потому, что «бумажная» Почта России под гнётом скоропалительных рескриптов о «переходе на цифру» (см. выше слова Льва Давидовича...) совсем сбилась с принятого со времён ямской гоньбы ритма работы.

Кстати о самом институте литературной цензуры в России. Была она введена в качестве предварительной то ли Екатериной после конфуза с Радищевым, а может и строго дисциплинированным Николаем Павловичем. Возьмите в руки любую книжку издания XIX века, на обороте титульного листа которой прочтёте шедевр высокого административного штиля: «Дозволено цензурой с тем, чтобы по напечатании шесть экземпляров были препровождены куда следует». Для книг духовно-нравственного содержания разрешение звучало по-другому: «От С.-Петербургского Духовно-Цензурного комитета печатать дозволяется, СПб <дата>. Цензор <духовное звание, имя>». После революции 1905-го года цензуру смягчили, но с началом Первой мировой войны по понятным причинам была введена иная цензура: «Дозволено военной цензурой <дата>». В советское время цензура, особенно начиная с «хрущевской оттепели», то есть пресловутые «литы», сосредоточилась на полезном и нужном деле: охране военных и гостайн в печати. Функции же предварительной цензуры были переданы, негласно конечно, *самоцензуре* авторов и издательств (редакций). Таким образом, между властью и писателями постепенно было, опять же негласно, достигнуто джентльменское соглашение: власть позволяла – раз литератор без неё обойтись не может – злободневную, конструктивную критику, но не выше должности завгоркомхоза (бессмертный товарищ Саахов...), а сочинитель не позволял себе мата, порнографии, главное – «не трогал за вымя партию и правительство и лично <имярек>». Всех это устраивало, вот и распоясались «шестидесятники» и «деревенщики»! Кстати, искусство «обходить острые углы» писателям только на пользу пошло; мастерство эвфемизмов, умолчаний и недоговорок при полной ясности заложенного смысла достигло мировых литературных вершин.

... Всё сказанное, также уклончиво, к тому, что литература наша и так в салонные рамки введена, вреда не приносит, не следует жизнь её – не в интернете, но в «бумаге» – обременять какой-либо цензурой. Чиновникам же по этой части освежить в головах слова Бисмарка: «Говорите что хотите, только слушайте!» – И будет всем счастье. Писателям же искренне пожелаем трудиться и ещё раз трудиться:

А то – умрёт предмет литературы
И станет чем-то вроде лигатуры –
Отживший тлен – предбывшие таланты...

Наталия ЯЧЕЙСТОВА

г. Москва

Член Союза писателей России. Окончила МГИМО и Курсы литературного мастерства при Литературном институте им. Горького. Автор книг художественной прозы и поэзии – «Туманган», «Голландские изразцы», «Рассказы за чашкой чая», «Пути земные и небесные» и др.. Лауреат ряда международных литературных конкурсов. Награждена специальным призом издательства Сретенского монастыря по итогам конкурса духовной литературы (2022). Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

В Приморье

Рассказ

Случилось это в то время, когда я работала в Китае. В Пекине, на территории нашего посольства, как раз в те годы была восстановлена и освящена Успенская церковь, и мы получили счастливую возможность регулярно участвовать в церковных богослужениях. Это было большой отрадой.

Приближался один из замечательных праздников, называемый в народе Никола летний, – день перенесения мощей святителя и чудотворца Николая из Мир Ликийских в Бари. Среди странствующих и путешествующих этот праздник почитается особо: известно, что Святитель Николай является их верным помощником и заступником. Почти сразу же за этим праздником в тот год выпадали и другие – День Святой Троицы и День Святого Духа. Но вот случилось так, что мне как раз накануне этих праздников выпало ехать в командировку на Дальний Восток – в Хасанский район, где, конечно, не было ни одного храма. Это означало, что я не попаду в предстоящие дни ни на одну из праздничных служб! Очень горевала я по этому поводу, но ничего не поделаешь: работа есть работа.

И вот двадцать первого мая, накануне праздника Летнего Николы, прибыли мы из Пекина на Дальний Восток. Было нас человек пятнадцать – представителей разных стран, приехавших для изучения возможностей трансграничных транспортных и туристических проектов в этом интересном регионе. Дальневосточная администрация, выступавшая организатором данного мероприятия, выделила нам выдавший виды микроавтобус, и мы отправились в путь. Погода стояла для мая необычайно жаркая, и наш автобусик, лишённый не только кондиционеров, но и шторок на окнах, неуклюже прыгал по ухабистой пыльной дороге, безжалостно сотрясая своих пассажиров. О запасах воды организаторы тоже не позаботились. «Хорошее начало для рекламы отечественного туристического потенциала!» – думалось мне. Наши иностранные попутчики вскоре приуныли, особенно кисло выглядели южные корейцы, но никто при этом не ворчал и не жаловался – видимо, воспринимали происходящее как экзотику.

К вечеру, оставив позади несколько сот километров извилистых дорог, мы прибыли в леопардовый заповедник, расположенный в лесистой горной местности. Заповедник входит в число основных достопримечательностей этого края, так что миновать его было никак нельзя. Утомлённые пассажиры с облегчением покинули автобус и поплелись, пошатываясь, за гидом, жадно глотая воздух. После многочасовой пыльной дороги открывшаяся нам картина показалась раем – в полнейшей тишине простиралась вокруг покрытые густой зеленью холмы; воздух был необычайно свеж, пропитан ароматом трав и только что распустившихся цветов. Наверное, в тот миг все приехавшие испытали схожее чувство: привычная, суетная жизнь со всеми её заботами осталась где-то далеко, а здесь был совершенно другой мир – прекрасный, уравновешенный, неторопливый, такой истинный в своей первозданной красоте!

– У нас тут уникальный заповедник, – рассказывала местная жительница-гид, живая, уверенная в себе – той уверенностью, которая не вызывает раздражения, потому что базируется не на самомнении, а на знании своего дела, преданности ему.

Я вдруг подумала: «Вот встретились мы здесь случайно, две русские женщины из разных уголков огромной страны – а говорим на одном языке и мыслим похоже. Где ещё в мире такое встретишь?».

– Заповедник наш устроен не как в Китае, – продолжала гид. – Животные находятся не за решёткой, а прямо тут, в лесу.

При этих словах прибывшие гости насторожились.

– Но вы не бойтесь, – поспешила успокоить их гид. – Леопардов тут не так уж и много. Животные сытые, на людей не бросаются. Днём они обычно спят, так что если вам удастся увидеть хотя бы одного, это будет большой удачей.

Увы! С леопардами нам встретиться в тот раз так и не удалось, но мне показалось, что большинство путешественников не слишком этим огорчилось: уж больно опасливо озирались они по сторонам и вздрагивали при каждом хрусте треснувшей под ногой ветки. И только один китаец постоянно держал свою камеру наготове, с интересом вглядываясь в густые заросли и мечтая, по-видимому, об уникальных снимках.

На ночлег мы расположились в пустом корпусе местного туристического лагеря – в ту пору отдыхающих не было, и всю ночь можно было наслаждаться полным безмолвием и светом непривычно расположенных звёзд. Иногда поблизости слышались тихие шорохи – может, налетел ветер или пробежала собака, а может, прогуливался проснувшийся леопард.

На следующее утро мы продолжили свой путь. То ли мы уже привыкли к нашему «уазику», то ли дорога стала ровнее, но наш маршрут более не казался столь утомительным, как накануне. По сторонам открывались чудесные виды – пологие холмы, покрытые зарослями деревьев и свежей

зеленью. Небо было высоким и голубым, воздух – прохладным и свежим: чувствовалась близость моря, мы проезжали Хасанский район. Всё было хорошо, но мысль о том, что в Пекине в это самое время в храме идёт праздничная служба, не давала мне покоя. Гид, сопровождавшая нас от самого Владивостока, рассказывала о местах, которые мы проезжали. Я слушала вполуха, но вдруг слова, вывученные из её рассказа, заставили меня встряхнуться и замереть: «Скоро мы подъедем к высокому холму со смотровой площадкой на вершине, откуда открывается прекрасный вид. В своё время, в 1891 году, на этот холм поднимался цесаревич Николай, будущий российский император Николай II, посетивший эти места во время своей ознакомительной поездки по Дальнему Востоку. Он взошёл на этот холм с иконой святителя Николая в руках и был столь поражён красотой и величием открывшейся ему картины, что повелел установить крест на вершине холма – в память об этом событии».

В это время мы как раз подъехали к холму. На вершине его возвышалась стела в память о воинах, сражавшихся за Родину и погибших в этих местах в разное время. Стела была воздвигнута уже в советское время.

– А что стало с крестом? – спросила я.

– Точно неизвестно, – ответила гид. – Но считается, что он лежит в основании стелы.

Я медленно поднималась на холм, и сердце моё ликовало от радости: сегодня, в праздник св. Николая, я проделывала на краю земли русской тот же путь, что некогда цесаревич Николай! И с собой у меня тоже маленькая икона святителя Николая! Поднявшись на вершину холма и посмотрев вниз, я замерла от восторга: повсюду, насколько хватало глаз, тянулись цепью холмы, казавшиеся в утреннем тумане голубыми; они плавно переходили в долину, омываемую тихим прибоем необычайно синего моря. В нескольких местах скученными собраниями невысоких домиков в окружении садов теснились деревушки; дорога петляла между ними, уходя в неведомую даль. Всё вокруг было проникнуто тишиной и покоем; и я вдруг подумала, что практически ту же картину, должно быть, видел сто с лишним лет назад и цесаревич Николай. Мало что изменилось в окружающем пейзаже за прошедшие годы: огненный вихрь революций и жестоких войн, промчавшийся по этим краям, исчез за горизонтом и казался теперь сном разума. Так мирна и прекрасна созданная Богом земля! И как же жестоки и безрассудны бывают люди в своей агрессии!

К вечеру, накануне Дня Святой Троицы, мы прибыли в залив Посыет – наутро нам предстояло осмотреть местный порт. Уже стемнело; и в сгустившейся мгле мы могли различить лишь одиноко стоящую на берегу неказистую трёхэтажную гостиницу, в которой нам и предстояло переночевать. Похоже, кроме нас, тут никого не было; курортный сезон ещё не наступил. Вокруг не было заметно никаких признаков жизни: видимо, на Дальнем Востоке понятие «курорт» ограничивается неброскими гостиницами – и никаких тебе магазинов, ресторанов, развлечений. Лишь огромные звёзды и шорох тихо подкрадывающихся волн – маловато, пожалуй, чтобы привлечь иностранных туристов.

Наши корейские, китайские и японские попутчики, с недоумением оглядываясь по сторонам, направились к гостинице, волоча за собой чемоданы: конечно, ни о каких носильщиках не было и речи.

– Ну вот, мы и в Троице, – довольно вздохнула гид, подводя черту сегодняшнему маршруту.

– В Троице? – не поняла я.

– Ну да, в Троице, – подтвердила она. – Бухта так называется, – и, зевнув, вылезла из автобуса.

Невероятно! Внезапная радость наполнила моё сердце. Несмотря на темноту, всё вдруг показалось преобразившимся. Это было красивейшее место на земле. А звёзды! Какие звёзды нависали прямо над головой – огромные, жгучие, полные невысказанной тайны! А рядом едва слышно колыхалось во мгле бескрайнее море. Я сделала несколько шагов – галька зашуршала под ногами; и этот звук, подхваченный шорохом набегающих волн, слился в какой-то странный, непонятный говор, будто сотни оживших в ночи теней спешили поведать о чём-то важном, сокровенном.

Всю ночь я не спала: сон не шёл, к тому же мне не терпелось увидеть бухту при свете дня. С первыми лучами солнца я встала, помолилась перед иконой Пресвятой Троицы, вышла из корпуса – и была поражена открывшейся картиной: разбушевавшееся море вскидывалось брызгами, чайки с криками носились над водой. Но это было, в общем-то, и всё. «А где же порт?» – в недоумении подумала я, оглядываясь по сторонам. Невысокие песчаные дюны, поросшие высокой травой и тростником, мелкие серые камешки на берегу. Неожиданно из зарослей тростника вспорхнул, и полетел, плавно взмахивая крыльями, журавль, и скрылся в светло-сером бескрайнем небе. Всё пронизано светом, жизнью, упованием. Господи, хорошо-то как!

Холодный ветер налетал с такой силой, будто пытался сбить с ног. Волосы у меня на голове металась из стороны в сторону, брызги солёных волн летели в лицо, обжигали глаза. Но я продолжала бодро идти вдоль моря, всматриваясь в перламутровые краски неба. Чувство какой-то неведомой ранее безграничной свободы и радости овладело мной; хотелось взлететь, воспарить в этом просторе, славить Господа за всю эту благодать: «петитя во исповедании сердечном, и воспевати всесвятое имя Твое, Отца и Сына и Святого Духа...». Как легко, как хорошо на душе! Вот это праздник! Вот это радость даровал мне Утешитель!

Когда я вернулась в корпус, раскрасневшаяся и растрёпанная, народ сидел уже в кафе на первом этаже гостиницы за завтраком. Корейцы, тоже уже успевшие прогуляться по бухте, выпытывали у гида, где же тут всё-таки порт. Она не вполне уверенно отвечала, махая рукой в сторону моря, что, мол, там, за изгибом бухты, отсюда плохо видно. Потом мы действительно разглядели в развевавшемся тумане несколько кораблей – это и был местный порт Зарубино. Корейцы всё никак не могли взять в толк: у них в Пусане порт занимает несколько гектаров: огромные корабли и паромы теснятся плотными рядами у пристани, вздымаясь, как белые горы. Но и этот порт

кажется им уже устаревшим, они чертят подробные планы скорой гигантской его реконструкции, а рядом – поражающие воображение разлёты мостов, автомобильные развязки, тоннели...

Да, есть всё же что-то загадочное в нашей стране, в том числе в Дальнем Востоке. Кругом, у наших соседей жизнь кипит, растут стройки, сооружаются многоуровневые трассы, технопарки, мегаполисы... А у нас, в нашем богатом минеральными ресурсами государстве, – словно заколдованное царство – тишь, гладь, заповедники, леопарды, перелётные птицы, убогие гостиницы, разбитые дороги, скудная инфраструктура. Никто к нам ехать, понятно, не хочет, несмотря на все зазывания... Но, может, и пусть. Пусть всё остаётся пока как есть – хотя бы ещё на какое-то время. Потому что, несмотря на всю ущербность местного прогресса, есть в этом крае что-то такое, чего больше нет нигде на земле и чего не променяешь ни на какие блага цивилизации.

P.S. За последние годы на Дальнем Востоке проводятся разного рода экономические преобразования, но проходят они и в соседних странах. И дистанция, кажется, не сокращается.

Дарья ФОМИНА

г. Балашиха, Московская обл.

Фомина Дарья Александровна. Родилась 1 ноября 1986 года в городе Ногинск Московской области. Окончила факультет русской филологии Московского государственного областного университета, курсы литературного мастерства в Creative writing school: курс нон-фикшн Е. Ляминой и курс по написанию эмоционального рассказа М. Кучерской. Финалист и дипломант фестиваля-конкурса «Берега дружбы» (2020, 2021), конкурса поэзии «На крыльях грифона» (2020). Вошла в лонг-лист премии Болдинская осень 2021 в номинации «Критика». Публиковалась в журналах «Волшебная скрижаль» и «Звёздочка наша», а также в поэтических сборниках. Член редакционной коллегии журнала «Северо-Муйские огни» (отдел прозы).

Запах тройного одеколona

Рассказ

Мне кажется, что прошлое законсервировано, как огурцы в банке или как застывшие в янтаре жучки. Я часто возвращаюсь в воспоминаниях в прошлое, в котором мой дедушка ещё жив. Помню его голову, склонённую над шахматной доской – отчётливо вижу глубокую морщину на лбу и блики на очках; помню его на даче, с лопатой – наблюдаю, как вздуваются на его руках мышцы. Дедушка всегда говорил, что дачу он построил для нас с сестрой. «Не продавайте дачу, пусть это будет ваше родовое гнездо», – эти его слова я запомнила на всю жизнь.

Перебираю воспоминания, словно жемчужины на нитке. Думаю, нет прошлого или будущего: все моменты жизни, как кадры на фотопленке, существуют одновременно. И эти застывшие мгновения существуют – по крайней мере, до тех пор, пока жива я. Вот некоторые из них.

Дача. Июль. Солнечный полдень, на беззаботно-чистом небе ни облачка, и зелень яблонь и крыжовника кажется янтарной, как если смотреть сквозь осколок бутылочного стекла. На деревянном столе, накрытом тканной скатертью, стаканы с крепким индийским чаем. Над банкой засахарившегося сливового варенья вьются карамельные осы.

Я сижу в огромном алюминиевом тазу. Мне два года. На поверхности воды прыгают задорные утята, ярко-жёлтые, с красными клювами. Пахнет клубникой, она прыгает вместе с утятами в том же тазу. Хаотичный танец клубники и утят создаю я: хлопаю по воде ладошками, подпрыгиваю на попе и смеюсь.

Я слышу жужжание шмеля возле маминой любимой розы кремово-телесного цвета. Мама ласково поглаживает меня по головке и тоненько смеётся над тем, как я пытаюсь ухватить губами уплывающую красную ягоду. В её серых глазах столько любви, что хватит для того, чтобы спасти весь мир. Вдруг мой нос улавливает знакомый аромат – так пахнет дедушкин любимый одеколон «Тройной». Тут же чьи-то сильные мозолистые руки хватают меня. И я взлетаю в небо! Лечу и приземляюсь в эти же тёплые крепкие руки. И снова взлетаю. Я знаю точно, что не упаду, – дедушка хорошо умеет ловить. И я смеюсь, визжу от восторга.

А вот другое. Стук-стук, стук-стук – стучат мои коньки по прозрачному льду. Стук-стук – стучит в моей голове в такт движениям. Дедушка часто приводит нас с младшей сестрой Катей на крытый каток. Дедушка – бывший спортсмен, поэтому, когда хоккеисты, сложив клюшки и шайбу в углу, уходят на перерыв, дедушкин друг дядя Миша пускает нас на лёд. Сегодня дедушка привёл меня одну – Катя кашляет, и её не пустила мама. Я обожаю ходить на каток в начале марта – уже не так мёрзнут ноги, как в январе и феврале. В двадцатиградусные морозы мои ноги становились ватными и ничего не чувствовали. Мама дома долго растирала их тёплой водой и полотенцем, а я вздрагивала и хныкала, когда миллионы колючих иголок впивались в кожу.

Дедушка с дядей Мишей куда-то ушли, и теперь я одна на чётко расчерченном для игры в хоккей льду, и весь каток мой! Я помню этот запах свежести – так пахнет только что разрезанный арбуз. Мартовский лёд слегка подтаял, и на поверхности сантиметр воды. Я маленькая, лёгкая, быстро качусь на своих новеньких фигурных коньках по кругу, моя длинная русая коса летит за мною вслед – я специально её вытаскила, для красоты. Мои коньки ловко разрезают пространство, и мне кажется, что я лечу со скоростью света. Смотреть вниз страшно – на мокром льду отражается

доштатый потолок. В середине сгнили и отвалились доски, и я на огромной скорости лечу прямо в Зазеркалье – в зияющую пропасть. Сейчас провалюсь и останусь там навсегда. Но тут я улавливаю знакомый аромат тройного одеколона – на льду появляется мой спаситель! И я в слезах восторга влеваю, как мяч в ворота, в дедушкины широкие объятия...

Вот ещё одно. Выходной, 8 марта. Мы пришли пешком на дачу – дедушка, сестра и я. Мне восемь лет, и я впервые участвую в растапливании печи. Печь огромная, русская, из кирпича. Дедушка сам построил её, так же, как и баню, как и летний деревянный домик, а ещё кухню с терраской. Мы обожаем париться в бане июньскими вечерами. Дедушка замачивает душистый берёзовый веник в глубоком алюминиевом тазу, а когда веник размокает, даёт нам берёзовой каши – слегка оглаживает нас с сестрой и бабушку веником по голым спинам. Бабушка любит такой массаж. А мы с сестрой не особо – нам гораздо приятнее поливать друг друга душистой водой из таза и хохотать. Потом мы, напаренные и довольные, сидим в предбаннике на горячей деревянной лавочке и поём русские народные песни. Дедушка выходит из парилки с белым полотенцем на бёдрах. Высокий, коренастый. В его руках мокрый веник и таз. А к его красной распаренной спине крепко прилип банный лист.

А в марте баня ещё нужна для того, чтобы согреться и высушить промокшие штаны, носки и ботинки, в которых мы час назад шагали по лесным сугробам. Я стою возле поленицы. Берёзовые дрова, заготовленные летом, пахнут осенним лесом, сушеными грибами. Я беру дрова и по неопытности закладываю их в отверстие для золы. Дедушка смеётся и машет руками: «Ну что ты делаешь, а?». Он вынимает дрова из зольника и закладывает их в топку. «Теперь понимаешь, что ты сделала не так?» – спрашивает дедушка, ловко поднося зажигалку к кусочку старой газеты.

Я молчу, медленно провожу пальцем по шершавому полену, смотрю на огонь. Газета горит в печи ярким пламенем, вот уже взялись и сухие дрова. Из печки уютно пахнет теплом и дымом.

«Это всё равно, что засовывать мандарины не в рот, а себе в попу», – популярно объясняет мне дедушка и улыбается кончиками глаз так, как умеет улыбаться только он один. Дедушка обнимает меня, целует, и его усы щекоют мне щёку. Я успокаиваюсь, чувствую себя под надёжной защитой, утыкаюсь носом в дедушкин свитер и вдыхаю родной аромат тройного одеколона...

Дедушка умер три года назад – у него было большое сердце. Я до сих пор не могу это до конца осознать. Мне легче думать, что он просто уехал и теперь живёт где-то далеко, там, где нет мобильной связи, почты и интернета.

По вечерам я часто сижу на крыльце нашего дачного домика. Я смотрю в звёздное небо и возвращаюсь мысленно в прошлое, разговариваю с дедушкой, спрашиваю его совета. И мне кажется, в эти мгновения в воздухе появляется призрачный аромат тройного одеколона...

Андрей НОВИКОВ

г. Липецк

Новиков Андрей Вячеславович. Родился 26 декабря 1961 года в с. Алабузино Бежецкого района Тверской области. Окончил Литературный институт им. Горького. После окончания института в 1990 году работал корреспондентом, ответственным секретарём в газетах «Липецкие известия», «Липецкая газета», «Провинциальный репортёр», специальным корреспондентом РИА Новости по Липецкой области, главным редактором газеты «Город Лип». Автор 8 книг.

Председатель Липецкого регионального отделения Союза писателей России. Секретарь СПР.

Журавль у дороги

Рассказ

Огромного деревянного журавля на въезде в деревню бывший председатель колхоза «Светлый путь» Тимофей Ильич мастерил целый год. Птица получилась строгих пропорций, ладно и просто скроенной, по исполнению и замыслу высотой с трёхэтажный дом и серебрилась неокрашенным деревом. Колхоз «Светлый путь», несмотря на оптимистическое название, давно приказал долго жить. Тимофей Ильич от своего многолетнего председательства никакого богатства не нажил. Даже при разделе колхозного имущества он взял себе только старенький грузовик, который сиротливо стоял у дома на спущенных лысых шинах, да ещё велосипед, на котором пожилой человек ездил на рыбалку и в магазин. А вот журавль стал приметой и гордостью всего района. На дивную деревянную птицу приезжали посмотреть даже столичные журналисты. Встречал Тимофей Ильич любознательных акул пера так:

– Ты у меня был?

– Нет.

– Ну, тогда заходи.

Вначале журналиста хлебосольный Тимофей Ильич кормил и поил, а после просил с ним спеть под гармонику. Этот популярный инструмент мастер не только коллекционировал всю жизнь, но и изготавлял сам. Сыграв перебор, Тимофей Ильич назидательно замечал:

– Самое сложное правильно «отковать» у гармоники из латуни голоса!

Мастером Тимофей Ильич, конечно, не родился. Большую часть жизни он шоферил, за баранку грузовика сел в голодном сорок седьмом.

– На фронт я не попал, возрастом не вышел. Но знаешь, как я работал после войны? – вопрошал он у журналиста, и сам себе отвечал. – По двенадцать часов за баранкой, а еды не было тогда. Положу в карман пригоршню квашеной капусты – на целый день!

Служил Тимофей Ильич в армии на аэродроме, и здесь умелец прославился. Изготовил командиром части ванную из того, что нашёл, – оцинкованного кровельного железа. Но ванная получилась знатная, двухместная, не хуже, чем показывают в американских фильмах. Парился в ней полковник с ветреной прапорщицей-телефонисткой, а поощрил рукастого солдата именными часами и отпуском на родину.

Председателем колхоза выбрали Тимофея Ильича накануне перестройки, он не особо хотел идти на эту хлопотную должность, ибо уже разменивал шестой десяток. Так хлебнул Тимофей Ильич и оголтелой антиалкогольной кампании, и несуразной гласности. Особенно раздражало его слово «мышление» из уст главного перестройщика. И было ему обидно, когда заезжий демократический агитатор обозвал Тимофея Ильича «партокротом». При этом гость чванливо стоял перед ним и тщательно обрабатывал пилочкой для ногтей свои холёные пальцы.

Смотрел на него председатель растерянным взглядом и вспоминал, как с пятилетнего возраста пас гусей, в девять лет уже самостоятельно запрягал лошадь, а в четырнадцать стал к станку на эвакуированном заводе.

«Какой я тебе, перестроечная шельма, партокрот! – вслух подумал Тимофей Ильич. – Ты даже не представляешь, как в жизни работать нужно».

Когда Тимофей Ильич всё же вышел на пенсию, то решил окончательно посвятить себя любимому занятию – работе по дереву. За этот год бывший председатель успел многое – превратил свой небольшой дом в изящную резную шкатулку, сплошь украшенную баясинами, точенными на списанном токарном станке. А на самом коньке крыши водрузил деревянный самолёт, пропеллер которого вращал ветер. Как говорил деревенским мастер, самолёт он сделал в память о службе в авиации. Из-за этого неожиданного увлечения, можно сказать, по художественному поводу, у Тимофея Ильича возник небольшой семейный конфликт, когда благоверная в сердцах воскликнула: «Да замахал ты своими точёнками всю семью!».

Но Тимофей Ильич не унимался, и следующим творением стал фонтан у дома. С фонтаном вышла и вовсе курьёзная история, когда безобидное водомётное сооружение вдруг запретил начальник местного ГИБДД. По его уверениям, фонтан отвлекал внимание проезжающих по деревне водителей и создавал аварийную обстановку. Однако Тимофей Ильич обжаловал суровое решение гаишника у главы района. Тот уже был наслышан о знаменитом деревянном журавле и народного умельца принял.

– Начальник ГИБДД утверждает, – серьёзно начал разговор глава, – что в твоём фонтане рыбы прыгают и водителей на дороге отвлекают.

– Это правда, – согласился Тимофей Ильич, – но ведь нет такого закона, чтобы фонтан запретить, за воду я исправно плачу.

– Только в толк не возьму, почему у тебя рыбы прыгают? – допытывался глава.

– А я воду в фонтане чуть закоротил, – лукаво признался Тимофей Ильич.

– Ладно, – захохотал районный руководитель, – фонтан я разрешу, но рыбу электричеством больше не бей, а то, выходит, прав гаишник, говорит, что на твоих прыгающих рыб шофёры шеи выворачивают!

Эта радость с разрешением вновь запустить фонтан оказалась последней в жизни Тимофея Ильича. Выходя из кабинета главы, он ещё не знал, что болен раком. Прожил бывший председатель всего три месяца: саркома развивается быстро. Давно нет в живых народного мастера, а вот его деревянный журавль всё также стоит у дороги на въезде в село, и всё также благодарно вспоминают бывшего председателя его земляки.

Анжелла СЕДЫХ

г. Киренск, Иркутская обл.

Зав. отделом прозы журнала «Северо-Муйские огни».

Не усомнися!

Эссе

Внутреннее единство – ключ мира.

Вопрос о возрождении казачьей культуры в России не новый, об этом заговорили с удвоенной силой. Повсеместно, и в Киренске тоже, открылись казачьи центры. Хочется верить, что это не очередная уловка обозначить дело, но дальше этого не идти. Что было в конце века минувшего, известно. Дело не в шашке, не в ношении костюма, хотя это тоже ответственно, а в ином. В Сибири казак «привозной», пришлый, он какие-то свои центральные свойства утратил с кочеванием – факт. И хотя здесь встанут стеной, заговорят прямо сейчас, потомственные, быть и казаться – вещи не одного порядка. Разберёмся.

Априори казак не национальность, а образ жизни, без веры он невозможен. Православие для него – святая святых. Память хранит величайших сынов Отечества среди казаков. Об этом до меня сказано весьма множественно. Добавлю о наших, киренских. Краеведческий музей, стенд «От ясачного зимовья до острога», архивные документы: договор 1997 года по несению егерской службы тремя казаками под предводительством атамана А. А. Зубова, договор о привлечении казаков к охране леса, от пожаров, к государственной и иной службе, протоколы сходов 2000 года Киренского станичного казачества, бумага о присвоении очередного казачьего чина сотнику Обухову, Устав, обращение к станичникам войскового атамана ИКВ, казачьего полковника Н. М. Меринова, приказы о разжаловании, о дисциплинарных взысканиях товарищей, состав семей. Всего 34 страницы.

В 90-х годах казачий клуб предлагали создать при Спасском храме, с этим вопросом обращались к владыке, на что получили ответ: «Иерархия есть необходимость в казачьем кругу, но она не может существовать внутри другой иерархии». Отец Сергей пояснил: «Понять суть казака, его нутро помогает картина «Кто кого» (эпизод из войны 1812 года) В. В. Мазурского, 1912». Их одно время пытались идеализировать. Решили, что это дух воинский, справедливый, честный, наделённый лучшими качествами, что на него можно опереться. Но они разные: среди них есть как носители как духа казаческого, как и духа безнравственности. Страстей там сколько угодно. И поэтому для них православие – это движение к лучшему. Какой-то иной силы, как православие, нет, которая бы смогла удержать их в добре. Убеждения не помогут».

И всё же. Понятие неколебимости рубежей у них в крови. Это народ с особой культурой духа, причём мировоззрение его складывалось на протяжении всей истории под продолжительным влиянием русской православной церкви. Это были люди, вдохновлённые христианскими идеалами (вспомните Тараса Бульбу и его товарищей пера – Н. В. Гоголя или жителей хутора Татарского, семью Мелеховых из романа «Тихий Дон» М. А. Шолохова). Конечно, не всё так однозначно и просто. Были и Андрии, Иуды, были бражники, разгульный братец, вольные по всему – бесшабашное отродье. А в каком народе их нет? Качели от недоброго к славному, от злого к порядочному, от умного к дурному есть везде. Судить не берусь.

По словам патриарха Московского и всея Руси Кирилла, «глубинное понимание казачества как явления, исторического феномена, имеющего потенциал развития и совершенствования в современном обществе, укладывается в следующую триаду: «Православие. Родина. Единство»...».

По мне, для России в условиях военного существования это и нужно. Внутреннее единство – ключ мира. Это необоримая сила, духовное богатство, когда на поверку настоящая любовь и взаимная поддержка. Великие прорывы человечества возможны только при вот таком раскладе. Не в силах Бог, но в правде. Орудия насилия, поклонение мамоне, национальные распри, уничтожение, беспамятство не полезны. Возрождая по крупицам лучшее, мы поднимемся и в собственных глазах. А значит, надо взять на себя труд расти духовно, определить обязательства принять нравственные каноны и следовать им, входить в некую систему жизненных ценностей, делать выбор в пользу государства, планеты как одной большой семьи. Возрастать в дисциплине, в ограничениях вреда, исключения его как такового, не потому что кто-то дёрнет за рукав, а сам/сама себя... Казаки и все мы сегодня должны стать на передовой защиты веры и Отечества, благочиния, понимания и исполнения долга.

Хватит ли силёнок? Конечно. Если в малое поверим, то и большое осилим. Национальный университет – русское авось (даже если) – наша неповторимость, уникальность, наше всё. У нас свой портрет, своя культура, свой язык, свои традиции. И это своё надо любить искренне, как дитя любит мать.

Вспоминаются пророческие слова величайшего подвижника, молитвами которого крепла и развивалась Великая Русь, преподобного Серафима Саровского: «Господь помилует и сохранит Отечество наше!». Не усомнимся!

Вербочки как свечечки (из цикла «Холстинки»)

Смирнен день, кроток. Весна гуляет, воля ей. А человек живёт тихо, дня Господня ждёт, ему не до баловства. Пост, он ведь не потому, чтобы мясопустное отодвинуть, а затем, чтобы душа не обробела, не сгорбилась от всевластия, вседозволения.

Верба, святая наша, русская, назревает, вот-вот пушиться начнёт, золотинкой на ветру гореть. И зачнут её ломать к воскресению, в пучки вязать, ленточками лазоревыми перетягивать да перед образами ставить. На целый год – как положено. Нежная эта красота во каждом доме место знает. Всякое она и видела – немой свидетель, но не скажет о том. Стоит нарядная в красном углу, Богу шепчет о прощении, о милости, о заветном. Человек её заметит – опомнится, засовестится, и на том – слава.

Апрель же, пригожий, ветрами расчѣсанный, ручьями умытый, снегами припудренный, норовит в пляс пуститься. Вербе – благодать. Солнце её любит. Пушистые кнопочки на веточках копошатся, улыбаются. Некоторые совсем белые, даже с розовыми щѣчками, как будто стесняются чего, юные. Любо смотреть на пунцово-сочные веточки, здоровьем пышущие, на уютные мохнатые почки. Каждый бы этот сердечный лопушок растрогала... Мягкие больно, Господь с ними. И радостно, что уже идёт-грядёт Пасхальное бдение. Потерпеть немного, постоять за веру, чтоб душа окрепла. Россия за ней. Дороже нет. И чтобы никакое полымя и расшабаш её в разор не ввели. Верба, свечечка нетленная, пусть всегда с нами пребудет, как символ православия.

Юрий ЕГОРОВ

п. Развилка, Московская обл.

Егоров Юрий Николаевич. Родился в 1961 г. в г. Баку. Профессор, доктор экономических наук.

Победитель международного литературного конкурса «Петроглиф» (2021). Лауреат III литературного фестиваля-конкурса «Русский Гофман» (номинация «Проза сказочная», 2018). Финалист национальной литературной премии «Писатель года» в номинации «Детская литература» (2017 – 2020). Призёр международного литературного конкурса «Ключи от счастья» (Самара, 2019). Дипломант Московской областной литературной премии имени М. М. Пришвина (номинация «Художественные произведения», 2018, 2019). Публиковался в журналах «Новый мир», «Грани», «Новая литература», «Литерра нова», «Балтика» и др. Автор книги «Кошлинские волшебницы» (2021).

Попутчики

Рассказ

Во времена нашего детства все было не так, как сейчас. Поезда ходили медленно, на каждом полустанке делая долгие остановки. В мягких купейных вагонах размещалось начальство, а обычные люди занимали плацкартные или общие с тесными деревянными сиденьями. Вот на одном из таких поездов и ехал однажды мой друг Дима Решетников со своими родителями из Москвы в Иваново. Достался им самый неудобный плацкартный вагон – последний, так что всё время сильно шатало и не на всех остановках для него хватало платформы и времени, чтобы сбегать на вокзал за газировкой и мороженым. Зато проводник постоянно подбадривал пассажиров тем, что здесь спокойно и через нас никто не ходит в вагон-ресторан.

Решетников-старший получил тогда новое назначение на службу в наш город. Сколько прошло времени, а Димины родители, как сейчас, перед глазами: молодые и красивые. Отец с новыми капитанскими погонами – четыре небольшие золотые звёздочки. Семья им очень гордилась. Он был предметом восхищения и зависти всей безотцовщины нашего класса; нас таких было много. И Димины мама запомнилась мне нарядной и весёлой.

Вагон оказался переполненным, но Решетниковым повезло, и они заняли отсек в середине. Димка с радостью запрыгнул на верхнюю полку. Ему нравилось смотреть в открытое окно, когда ветер обдувал лицо и доносился приятный запах паровозного дымка. И на улице в тот день всё было красиво – разгар лета.

Напротив Димки место занял здоровенный детина, по виду колхозник. Он часто выходил курить в тамбур и несколько раз пытался поговорить с соседями о политике, только Решетниковы такие разговоры не поддерживали.

На боковушке, через проход, разместился пожилой инженер с молчаливой женой. Так по должности он представился, а вот фамилию никто не запомнил. Да и к чему обычным попутчикам знать, кто рядом едет и чем он занимается? Вот такая собралась компания в их отсеке.

В вагоне пассажиры, как водится, играли в карты, кто-то лакомился жареной курочкой, а кто-то газетку почитывал, многие дремали, и тут, в Александрове, подсели эти самые попутчики. Проводник согласился посадить их за мятую трёхрублевку до Кольчугино и ворчал, что те мало заплатили. Предупредил, чтобы тихо сидели, а если что, схоронились от контролёра в туалете или дальнем тамбуре.

Трое парней и девушка назвали студентами, и даже, проходя мимо, угостили Диму конфетой, а его маме сделали комплимент. Было приятно. Расположились они в середине вагона, недалеко от Решетниковых, изрядно потеснив других людей, а потом и вовсе их выдавив. Дима поначалу даже обрадовался такому соседству. Молодые люди внесли оживление в полусонное состояние пассажиров. Углядев у одного из них новую гитару, студенты попросили хозяина на ней поиграть. Вагон наполнился музыкой.

Затем прошёл контролёр. Это сейчас люди злые, а тогда было не так. Проводник что-то шепнул проверяющему, и тот сделал вид, что не заметил безбилетников. А те заиграли и запели ещё громче и веселей. Проехали Кольчугино, но никто из них не вышел. Из-за этого обмана у молодых людей с проводником началась перебранка. Тут вмешался сосед Решетниковых. Пожилой инженер попенял проводнику, что нехорошо обижать бедных студентов. Его жена поддержала мужа кивком головы.

– Какие они студенты? Вы их больше слушайте! Едут с гулянок. Шпана. На водку у них денег хватает.

– Что ты мелешь? – фамильярно и со злостью парировала девушка. – Мы в приборостроительном институте учимся, на кибернетиков. У нас стипендия маленькая.

– Угомонись, папаша. Подумаешь, чуть-чуть выпили, – прохрипел голосом Высоцкого один из студентов-кибернетиков.

Кто-то ещё, не видимый для Димы, вступился за бедных безбилетников. Его поддержали и другие. Проводник отстал, но остался очень недоволен.

Студенты заиграли на гитаре так сильно, что струны отчаянно задребезжали. Репертуар их песен быстро изменился. Это были какие-то полублатные песни, мало напоминавшие студенческие. В промежутке между песнями Дима хорошо расслышал звон стаканов.

– Вот закуски только нет! – громко, на весь вагон произнёс хрипачий.

Пассажирам стало неловко.

– Мы что за бесплатно играли? – поддержал его другой нагловатый голос.

«Кибернетики» пошли по вагону собрать еду. Колхозник тотчас убежал курить. Инженерова жена протянула варёное яйцо. Решетниковы тоже что-то хотели дать.

– У нас уже достаточно. Дайте лучше денег, – скорее потребовала, чем попросила, девица.

Димина мама протянула полтинник. Девица фыркнула в ответ, но деньги взяла.

В Юрьев-Польском студенты купили пиво. После этого безбилетная компания доставляла неудобство уже всему вагону. Не выдержав, кто-то попросил играть тише, в ответ нарушители спокойствия стали вести себя ещё громче и развязней. Затем появился хозяин гитары. Высунувшись в коридор, Дима смог украдкой рассмотреть его: худощавый юноша, по виду из интеллигентной семьи.

– Что ты нас торопишь? Жаба душит? Дорога длинная, и никто здесь не спит, – последовал ответ хрипатою.

– Ни-ичего с т-оей гита-ой не случится! – пьяно вытаращилась на юнца девица.

– Не лезь, Маша, он мальчик хороший, – в голосе ещё одного «студента» звучали угрожающие нотки.

Но юноша не отступил и снова стал требовать свой инструмент. Гитарист демонстративно дёрнул струну так, что она издала резкий визг. Последовали шорохи и пыхтение, из которых Дима понял, что началась потасовка. Гитару так и не отдали.

– Наверное, пора вмешаться, – приподнялся Решетников-старший.

– Сиди, Олег. Это же молодёжь, сами разберутся, – почти шёпотом ответила Димкина мать, удерживая мужа за рукав.

После этого Димка отвернулся к стенке. Ему было обидно за поведение родителей.

Что произошло дальше мой друг рассказывать не любил. Можно было лишь догадаться, что в вагоне завязалась пьяная драка. На полустанке «кибернетики» одного из пассажиров выкинули из вагона. Потом сломали дверь в туалет и разбили несколько стаканов. Уже перед самым Иваново, на Сортировочной, проводник вызвал милицию, и всю гоп-компанию сняли с поезда. Проводник отделался синяком под глазом, а интеллигентный юноша – поломанной гитарой...

Эту поездку и приклатнённых «студентов-кибернетиков» Дима запомнил на всю жизнь.

С того случая прошло лет пятнадцать. После школы вместе с Димой я поступил в университет, на экономический факультет. Учились в одной группе, а после стали работать в соседних производствах на ивановском Меланжевом комбинате. Как-то во время обеденного перерыва в столовой Решетников непроизвольно обернулся на чей-то голос.

– Я его знаю, – Дима непроизвольно дернул меня за руку.

– И что?

– Это было тогда, в поезде. Помнишь, я рассказывал, когда мы семьей первый раз ехали в Иваново.

Действительно, голос был настолько необычным, что ошибиться, казалось, было невозможно. Очень похож на Высоцкого.

– Это тот, Хрипатый, – не то обрадовался, не то испугался Дима.

Мне этот жалкий тип показался совершенно ничтожным человечком. Маленького роста, кривоногий, какой-то совершенно тщедушный, с худым красным лицом. Видно, что пьющий.

– Да, нет... Всё же не он, хотя и очень похож. Я ошибся, – чуть погодя, решил Дима. – Да этот и старше. Обознался...

Через несколько дней Решетников снова увидел Хрипатою в подготовительном цехе рядом с хорошо нам знакомым сменным мастером – Толей Тогуцаковым. Со стороны бросались в глаза суетливость и услужливость Хрипатою. Дима заинтересовался происходящим и подошёл ближе.

– Вот, Решетников, посмотри, как этот работает, – Тогуцаков кивком показал на Хрипатою. – Три дня назад опоздал на час. А вчера, к концу смены, на ногах не стоял. И сейчас от него – перегар.

– Прости, начальник, – жалобным голосом стал умолять Хрипатый, – клянусь, в последний раз! Жена на сносях... В больницу провожал...

– Я клятвы твои сто раз слышал. И истории все знаю наперёд. Вот, скажи Решетников, что с ним делать?

– Жена на сносях, – продолжал повторять Хрипатый. – Что, вы – не люди? Ну, с кем не бывает...

Перед Решетниковым стояло убогое существо в грязной замасленной спецовке, в котором трудно было признать того, встреченного в поезде. В этот момент у Дмитрия он не вызывал никаких чувств, кроме жалости.

– Да прости ты его, в самом деле, – бросил мастеру Решетников, махнул рукой и пошёл дальше по своим делам.

Спустя несколько дней, встретив на совещании Тогуцакова, Дмитрий поинтересовался о Хрипатою.

– Да выгнал я его с работы. А ты тоже хорош, пожалел такого! Всё вы хотите добренькими казаться. Отворачиваетесь чуть что. Чтобы не замараться. Нет у него никакой жены на сносях. Этого мерзавца весь наш район знает...

Владимир СОФИЕНКО

г. Петрозаводск

Софиенко Владимир Геннадьевич. Родился в 1968 году в г. Темиртау, Республика Казахстан. Образование высшее, КГПА (социальный психолог). Директор АНО «Петроглиф». Организатор международного литературного фестиваля «Петроглиф». Занимается социокультурными и инфраструктурными проектами в Республике Карелия, направленными на сохранение наследия Севера. Автор 4 книг малой прозы: «Ожидание в две тысячи лет» (2008), «Под солнцем цвета киновари» (2012), «Смотритель реки» (2015), «Жизнь по зёрнышкам. Зарисовки о насущном» (2017). Публиковался в ряде российских и зарубежных журналов, коллективных сборников и альманахов. Рассказы переведены на финский, армянский, японский языки. Лауреат III степени VI и VII международного литературного фестиваля-конкурса «Русский Гофман». Член Союза писателей России, Всероссийского клуба кураторов литературных фестивалей.

«Келья» над Онего

Рассказ

Мы сидели на набережной в уютном ресторанчике. По улице гулял онежский ветер, играл похухлой листвой – кружил её по мокрому асфальту, швырял в витражное окно. За столиком, напротив меня – известный польский писатель Мариуш Вильк. Узнать среди посетителей его было не трудно: выглядел он точь-в-точь, как в Интернете – толстовка, узорчатая шапочка наподобие тубетейки, глаза скрыты за тёмными линзами круглых очков.

– Я привык, что русские опаздывают, – сказал Мариуш с акцентом иностранца, давно живущего в России. – Подумаешь, опоздал на час, – он хмыкнул, всматриваясь очками кота Базилио в наручные часы.

Я смущённо молчал. Что тут скажешь! Не объяснишь же пунктуальному иностранцу, что, когда договаривались по телефону о встрече, отчего-то обеденная двухзначная цифра «14» в моём воображении конвертировалась в послеобеденную однозначную «3». Вот я и приехал...

– Ладно, рассказывай, что у тебя за предложение, – не сговариваясь, мы сразу перешли на «ты».

Мариуш отпил из бокала пенный напиток. Тёмно-зелёные линзы вопросительно уставились на меня.

С Мариушем до этого дня я знаком не был. Из прессы знал, что живёт он в Заонежье, в старинном карельском доме на берегу Онего, в деревне Кондобережской, или Бережки, как называют её местные. Ближе к зиме семья Вильков перебирается на противоположный берег озера, в петрозаводскую квартиру. Ещё слышал от своих коллег-писателей, что в его доме творческие люди – частые гости. Об этом он и сам писал в своей книге «Дом над Онего». Мне случилось побывать на презентации его книги. В общем-то, с этого всё и началось...

Я изложил суть своего предложения. Всё это время тёмные линзы неотрывно смотрели на меня.

– Сколько будет писателей и народу в целом? – спросил Мариуш, как только я замолчал.

В слове «писатели» он делал ударение на первый слог, что звучало забавно. Позже я узнал, что он понимает, как в зависимости от ударения меняется значение слова, и делает это умышленно. Думаю, из-за того, что уж слишком много развелось в наше время «пи/сателей».

– Вместе с писателями, человек пятьдесят, – ответил я, прикидывая в уме: много это или мало.

Возможно, для какого-нибудь фестиваля и маловато, но ведь мой литературный фестиваль «Петроглиф» необычный. Каждый раз проводится на новом месте, и каждый раз мы с писателями и поклонниками литературы забираемся в карельскую глушь, где всё по-взрослому, то есть по-деревенски. В наше время немногие согласятся из благоустроенных квартир перебраться, хоть и ненадолго, в палатки да в избы с удобствами на улице.

– Володя, понимаешь, Бережки, само место, Онего – это келья! Там особенная тишина, там думать надо, а не шуметь! Пятьдесят человек – много шума, – Мариуш сокрушённо покачал головой.

Мой план провести фестиваль у Вильков в доме начал явно рушиться. Надо было что-то делать, спасти положение. Для такого случая я припас несколько доводов.

– Мариуш, ты же сам как-то говорил в интервью, будто в вашем огромном трёхэтажном доме даже птицам не тесно, а что до места и тишины, то что такое пятьдесят писателей? Они растворятся у Онего! Тишина не пострадает. Да я уже и тему фестиваля придумал – «Дом над Онего», по твоей книге, – скороговоркой выпалил я.

Немного подумав, Мариуш согласно кивнул.

Отшумели метели, стаяли сугробы. В Карелию пришло капризное лето. Наступила золотая пора – конец июля – время, которое выбрал я для проведения фестиваля. Морозка на болотах вот-вот отойдёт, а в тайге набирается спелостью черника. Как правило, в Карелии в это время и дождей меньше, и комары ленивее.

Встреча писателей на привокзальной площади Петрозаводска была шумной и весёлой. Многие не виделись с прошлого фестиваля, обнимались, интересовались, как дела. Загрузившись в автобус, мы отправились в Медвежьегорский район в деревню Кондобережскую. Путь предстоял неблизкий. По дорогам Карелии надо было проколесить шесть-семь часов. День выдался жаркий и душный. Каждый раз, когда автобус делал короткие остановки у обочины дороги, из его утробы выпрастывался раскрасневшийся весёлый люд, и виной тому было не щедрое на тепло карельское солнце, но алкоголь, прикупленный «на всякий» в привокзальном бутике.

– Как красиво у вас здесь! – радовался поэт Андрей Щербак-Жуков из Москвы, оглядывая проплывающие за окном таёжные пейзажи.

Наконец, солнце и огненная вода сделали своё дело: откинувшись в кресло, Андрей уснул. Огромные мачтовые сосны остались позади. Мы ехали по холмистой местности Великой Губы. Петляя, дорога то забирала сильно влево, подходя к самому Онего, то вправо, показывая нам другой берег губы. Автобус тряхнуло на кочке.

– О, иван-чай! — это проснулся Щербак-Жуков.

Некоторое время он смотрел в окно на сине-зелёное волнение трав, потом убаюканный течением их волн, снова уснул, чтобы на попавшей под колесо рытвине снова воскликнуть:

– О, иван-чай!

К концу нашего пути в автобусе поутихло. И если большую часть шумной дороги я нервничал, вспоминая разговор с Мариушем о писателях, келье и тишине, то теперь, кажется, всё встало на свои места: народ устал и мирно дремал в креслах. Лишь иногда на очередной сельской колдобине слышалось: «О, иван-чай!».

Мариуш, как радушный хозяин, встречал нас у своего дома. Двери автобуса распахнулись... и из машины, как из рога изобилия, посыпались потрёпанные алкоголем и жарой писатели. Измождённые дорогой люди, не замечая ничего и никого вокруг, прямо на бегу скидывали одежду, неслись к воде и бросались в Онего. Барышни проходили мимо обалдевшего польского писателя уже в купальных костюмах. На пирсе сутолока. Народ расшумелся не на шутку. Вдруг Мариуш разглядел меня и кинулся навстречу:

– Володья, это же келья!

Я впервые видел Мариуша без очков. Почему-то он снял их – вероятно, чтобы убедиться в реальности происходящего.

– Писатели... – беспомощно развёл я руками.

Игорь БЕЗРУК

г. Иваново

Безрук Игорь Анатольевич. Родился 30 мая 1964 г. в Первомайске Луганской области. Окончил Харьковский авиационный институт. Автор 10 книг прозы. Лауреат премии «Дебют» журнала «Наука-фантастика» (Киев, 1995), Международного литературного конкурса им. Я. Корчака (Иерусалим, Израиль, 2005), городской литературной премии им. В. С. Жукова (Иваново). Публикуется в ряде российских и зарубежных литературных журналов. Член Союза писателей России.

Закат над Ирмесью

Рассказ

Не знал Ерофеев, что на него накатило под вечер, откуда взялась хандра несусветная. Он неторопливо сгрёб в кучу с грядок позади дома прошлогодний сор и сушняк, снёс сюда спиленные накануне с деревьев сухие ветки, разжёл ворох и посмотрел вдаль: солнце клонилось к закату.

Как и в первый день, когда он покупал этот дом на берегу тихой реки Ирмесь, засмотрелся заворожённо на рыхлые пажити за рекой, на копьевидную володятинскую колокольню вдали, на темнеющий лесок за ней в конце лощины, очеркивающий горизонт.

Он собственно из-за поразившего его пейзажа и соблазнился тогда покупкой. Увидев бескрайнюю ширь, огромное небо над ней, и думать забыл о доме, о ветхих кособоких постройках и двух пузастых пятисотлитровых баках, которые прежняя хозяйка пыталась втюхать сверх платы за дом.

Да разве весь хлам, вся рухлядь стоили бездонного неба и бархатной равнины за рекой! Дом на склоне у реки, и дальше – ничего, напоминающего о суете, – разве не об этом Ерофеев мечтал всю жизнь! Только небо и поле, луг и река, только ветер, и птицы, и облака...

А закаты! Разве не чарующи закаты над Ирмесью, когда всё вокруг становится тихим, приглушённым, даже краски объятый негой долины? Один алый шар солнца, спускаясь всё ниже к линии горизонта, раскаляется донельзя, плавится и лениво растекается по небу по самому краю почерневших крон, чтобы затем, через какие-то доли секунды, наполнить до краёв чёрную зубчатую полосу деревьев на горизонте крепчайшим багряным, процеженным сквозь сетку ветвей солнечным соком.

В такие минуты забываешь обо всём, и всё вне заката кажется мышинной вознёй, существующей совсем не здесь, не в этом суетном мире, а где-то далеко-далеко отсюда, в другом измерении. И именно в такие редкие минуты соприкосновения с прекрасным понимаешь, как убога твоя жизнь...

Не знаю, понимал ли это Ерофеев, но неожиданно он почувствовал такую тяжесть, такую едкую горечь, что даже закрыл глаза. И только закрыл их, как ухнуло куда-то вниз сердце, скатилось в глубокую лощину и словно наполнилось густой кровью заката.

Лицо Ерофеева стало застывшим воском, и восковыми стали крупные жилистые руки, сжимавшие черенок граблей. Колени предательски ослабли, и он не сел, тяжело рухнул на завалинку

сарая и, привалившись усталой спиной к нагретым за день доскам стены, даже не ощутил, как провалились в пустоту плечи, и голова осталась лишь на тонкой нитке шеи.

О, какая тоска вдруг проявилась в одинокой, холодной, изумрудно-зелёной долине, в капельных избах, в прошлогодних скирдах, в заброшенной колокольне, чётко отпечатанной на фоне вечернего неба!

Дарья поначалу даже опешила: не случилось ли чего? Не хватило ли опять сердечко у Василия, ведь было не так давно. Такая же пастельная бледность, такой же измученный вид во всём, даже в позе. Поставила ведро с водой на землю, тревожно приблизилась к мужу, подседа, взяла его похолодевшую руку.

– Вася, Вась, что опять? Сердце? – спросила, но ответа не услышала.

Молчал Ерофеев – по-прежнему глядел вдаль, Дарья будто не было.

Испугалась Дарья: никогда не видела она мужа таким. Всякое было: и злился частенько, и на крик, бывало, срывался, и неделями хмурый, как дождевая туча, ходил, но чтобы таким угрюмым и отстранённым – никогда. Однако тревожить его не посмела, знала, может Василий и словом обидеть. Но он вдруг сам заговорил, и голос его показался густым, тёмным, не ерофеевским. Дарья удивлённо подняла ресницы и увидела захваченное врасплох лицо мужа, тёмные – настезь – глаза, пропаханные жизнью морщины семидесятилетнего старика, волосы, что пепел, дрожащие губы и где-то глубоко в углу глазниц коварно блещущая слеза.

До неё сначала не дошёл смысл его слов, слоги будто отделились один от другого, но потом словно медленно закапали на промасленные брюки Василия и там, слившись, предстали перед Дарьей во всей убийственности.

Василий сказал:

– А ведь знаешь, Дарья. Мы прожили с тобой больше сорока лет, а я только сейчас понял, что за всю жизнь так и не узнал по-настоящему, что такое любовь. Ни я никого не любил, ни меня не любили...

Жутким холодом неожиданно повеяло на Дарью от мужниных слов. Ей бы всё, как в старые добрые времена, перевести на шутку, но в этот раз не смогла, внутри будто застыло всё. Глянула снова на мужа, но лица не увидела, одни губы, какая-то точка дрожащая. Ужас сковал сердце: она всю жизнь не отказывала себе ни в чём, ничем Василий её не неволил, как преданная собака всегда был рядом, всё прощала, ни в чём не упрекала, пока она своё брала. Она-то думала, всё ладно, раз мирно, раз молчит, ни стонов, ни срывов. По сути, и не заглядывала никогда в его душу, и не пыталась узнать, что там творится. Живут, не тужат, зла никому не приносят, растят детей, лелеют внуков. Нормальная жизнь, размеренная, обыкновенная... Сказать бы это сейчас Василию, обо всём хорошем, что было у них (ведь было же что-то хорошее), но сама, как баба горячая, влюбчивая, в жизни не одного любившая, на мужнины слова ничего не могла ответить: слишком прочувствованы они были, слишком понятны ей, такие же кровавые, как этот багряный закат над Ирмесью. Только и смогла Дарья, что ткнуться безвольно головой в поникшие плечи мужа и зарыдать вместе с ним по-бабы, мучительно и горько...

Сергей КИРИЛЛОВ

г. Советск, Калининградская обл.

Автор нескольких сборников рассказов, многотомного повествования «Уйдома» – о судьбе русской деревни 20-го века (за 18 лет работы вышло 4 книги, первую из которых в режиме «продолжение следует» с января 2012 года публиковал журнал «Двина», Архангельск). Лауреат и победитель ряда российских и зарубежных литературных конкурсов.

Сватовство

Рассказ

На широкую тропинку, виляющую меж молодых, но уже вполне взрослых липок, откуда-то сверху спрыгнула воробьяха. В том, что это была именно воробьяха, а не воробей, можно было безошибочно убедиться по её поведению и по разыгравшейся следом сценке.

«Чив! – пискнула воробьяха. – Чив! Чик! А вот и я. Где же вы? Я уже здесь, а вас нет».

Обращение, очевидно, относилось к сородичам противоположного пола, и они не заставили себя долго ждать. Откуда-то из-за кустов вывернулся маленький шустрый воробьишка и сходу подлетел прямо к воробьяхе.

«Чив! Чик-чирик! – немедленно радостно известил он писклявым голоском. – Я здесь!»

И взволнованным клубком прискитал под воробьишин бочок.

«Ф-ф-и! – презрительно присвистнула воробьяха, отскакивая от воробьишки. – Тоже мне кавалер: ни роста, ни голоса! Подрасти сперва, прежде чем к даме подлетать, замухрышка несчастный. Ффф на тебя!» – и обиженно отвернулась от претендента.

«Чирик! Чив-чик!» – тут же раздалось с противоположно стороны.

Повернувшись на голос, воробьяха увидела здоровенного толстоклювого забяюку, с не меньшим пылом подскокившего к своей избраннице: «Я самый большой! Я самый голосистый! Я! Я! Я!..».

Воробей круто выпятил грудь, широко распушил свои пёрышки, став ещё толще и важней, и мелко-мелко затрепетал встопорщенными крылышками у самого клюва воробьихи.

«Чур! Чур! – испуганно прочирикала воробьиха, опасливо отпрыгивая от наседавшего ухажёра. – Боже, какой толстый! Какой неповоротливый! Это же ужас! Ещё и важничает... Порхай отсюда, индюк расфуфыренный!»

Воробьиха презрительно отвернула головку и отскочила в сторону.

«Чиррр! Чиррр! Чиррик! – прорезало воздух, и откуда-то из-за деревьев вылетел взъерошенный растрёпанный разбойник. – Ррразгоню, рррастреплю, ррразьерошу...» – и он тут же клюнул одного зазевавшегося соперника, петухом наскочил на другого... – Я здесь, моя королева!»

Вид у него был такой, словно он только что участвовал в грандиозной драке с целой стаей таких же, как он, скандалистов.

«Чу! Чу! Чу! – только и смогла вымолвить воробьиха. – Это ещё что за чучело такое? Хоть бы причесался что ли, прежде чем заигрывать, кошкин недоедок. Чу на тебя!» – и показала растрёпе свой хвостик.

Уже с трёх сторон воробьику окружали отвергнутые соискатели её сердца, озадаченные и пристыжённые, лишь с одной не было никого. Но не долго. Из-за стоявшей неподалёку скамейки появился приглашенный серый сородич, в два прыжка одолел расстояние до соплеменников и занял пустующее пространство.

«Чи-чиррик, чи-чиррик, – важно начал он, – я слышу много шума. Здесь столько грубости и неприкрытого мужланства, оскверняющего Ваши прелестные ушки, мисс. Позвольте Ваше крылышко, мадам, и я уведу Вас от этих недостойных отпрысков воробьиного рода, ибо Вы заслуживаете лучшей партии, чем это предлагается Вам».

«Чив! Чив! Чив! – презрительно зачирикала воробьиха. – Вы только поглядите на этого воображалу. Сколько в нём гонору! И он мне предлагает лучшую партию... Да откуда тебе знать, что есть для меня лучшая партия, пижон ты перелизанный?! Скакал бы ты лучше туда, откуда прискакал, а я уж как-нибудь без тебя разберусь что мне больше подходит».

Она гордо отвернулась от претендента и навострила слух в ожидании новых предложений. Отвергнутые соплеменники какое-то время молча переглядывались между собой, а потом, словно сговорившись, разом вспорхнули и дружной стайкой исчезли в небесной выси.

«Чи-и-и-в! Чи-и-и-в! Чи-и-и-в! – заметалась по тропинке покинутая воробьиха. – Куда же вы? Разве я вам не мила? Разве не хороша собой? Разве не вы только что столь пылко добивались моего расположения? Вас было только что так много!..»

Но никто не отозвался на её голос, никто не вылетел из окружавших её кустов, не выпрыгнул из-за деревьев. Напрасно металась она по тропинке, оставшись в одиночестве ещё какое-то время – никого! В конце дорожки показалась большая чёрная собака – и ждать женихов дальше не стало никакого смысла.

Сергей КРОТКОВ

г. Ярославль

Кротков Сергей Валентинович. Родился 20 августа 1963 года. В 1986 году окончил Ярославский государственный медицинский институт. С 1991 г. практикующий врач-психотерапевт. Сертифицированный Мастер нейролингвистического программирования. Создал собственную оригинальную технику «Трансформирующая диссоциация», которая с успехом применяется для психотерапии зависимостей, созависимостей, посттравматических стрессовых расстройств, навязчивых состояний, фобий. Автор ряда статей по медицине, а также художественных рассказов, стихов, песен.

Белый груздь

Рассказ

Рыболовы Саня и Серёга были заядлыми грибниками. Грибы они любили собирать, жарить, сушить, солить, мариновать и, разумеется, есть.

Согласитесь, лучше нет закуски зимним пятничным вечером, когда темнеет рано, дорогу в деревню к дядьке Михею занесло толстым слоем снега, когда кусочек сливочного масла тает на дымящейся в тарелке картошке, а в вазочке на столе ждут своего звёздного часа белые грузди. Солёные, с укропом и чесночком, сдобренные постным маслом и присыпанные полуколёчками репчатого лука. И вот из морозилки извлекается накануне початая бутылка водки, стыдливо покрывающаяся инеем, только представ на всеобщее обозрение. Водка, загустевшая от мороза, мягко, как глицерин, маслянисто стекает в рюмки и под традиционное «Ну, за здоровье!» проливается внутрь, обжигая холодом пищевод. Вилки впиваются в студенистые шляпки груздей и отправляются следом. Согласитесь, прекрасное логическое завершение их земной эпопеи.

Дядька Михей также был одержим этой страстью – собирать грибы. От его грибного азарта спасались только весенние сморчки и строчки, да и то только по тому, что когда-то он прочитал в энциклопедии, что они условно-ядовитые, и перестал охотиться за ними. А раньше, по его рассказам,

«лучше гриба и не было». Эта же формулировка относилась и к множеству других грибов сомнительного вида и съедобности.

Саня и Серёга переглядывались и потихоньку выбрасывали из своих корзин эти «лучшие грибы», по дружбе подкинутые щедрой рукой дядьки Михея, приговаривая, что «грибы можно есть все, только некоторые один раз...».

Количества, в которых Михей собирал грибы, было потрясающим. Даже в самый неурожайный год в сенях его дома в вёдрах, баках, кастрюлях и бидонах мокли, дожидаясь своей очереди на переработку, разнообразные грибы. Он не утруждал себя их сортировкой: и подосиновики томились с волнушками, сыроежками и белыми, пропитываясь ароматом друг друга, пенясь и закисая. И в результате выходил продукт, который так и именовался – «грибы дядьки Михея». Без последствий есть их можно было только человеку с крепким желудком, ну, или с достаточным количеством водки, которая в этом случае выступала в роли антидота.

– Раньше-то грибы не варили. Вымочат недели две, посолят – и под гнёт. И ели, ничего... – шокировал дед Михей своими воспоминаниями Саню и Серёгу, придерживавшихся принципов термической обработки грибов.

– А сыроежки прямо так можно, – протягивал он им по грибу, тыкая пластинчатыми шляпками им под нос, будто бы надеялся, что ну хоть один-то из них да вопьётся зубами в белую мякоть гриба.

Михей был первым, кто узнавал о наличии грибов. Какие, в каком месте и в каком количестве он сообщал «по секрету» всем, кто встречался ему в эту пору. Саня и Серёга доверяли другу всецело. Поэтому с грибами были все и всегда.

– Скоро белый груздь пойдёт, – рассуждал вслух Михей. – Чёрных-то набрались? – спрашивал он у Сани и Сереги.

– Мокнут.

– Ну-ну. А белые всё равно лучше, – говорил он о груздях. – Царский гриб.

Саня и Серега и сами знали о преимуществах белого груздя и с нетерпением ждали, когда «прошибёт плот» – как говаривал дядька Михей о появлявшихся местами грибах. По всему, «прошибить плот» должно было со дня на день.

В этот день Саня и Серёга уговорились приехать спозаранку, чтобы сразу рвануть по грибы.

Оперативно выгрузив из багажника плетёные корзины, наскоро облачившись в сапоги и брезентовые рыбацкие куртки, друзья поспешили к дому дядьки Михея. Очертания его всё отчётливее выступали из утреннего тумана. Дверь была закрыта на щеколду изнутри. Саня и Серёга нетерпеливо забарабанили в окно. Через некоторое время из-за полинявшей ситцевой занавески выглянуло испуганно-удивлённое, явно не проснувшееся лицо дядьки Михея.

– Вам чего?

– Ходил? Как урожай, Михей?

– Ходил.

– Ну!

– Преимущественно-о-о, – начал растягивать по обыкновению Михей, – один белый груздь. – Закончил Михей и открыл рот для следующей реплики, но Саня и Серёга не стали дослушивать словоохотливого даже спросонья дядьку Михея и бросились к лесу.

У белого груздя есть двойник. В простонародье этот белый пластинчатый оборотень зовётся скрипуном или скрипухой, видимо, в зависимости от того, какого рода экземпляр попадается грибнику.

На срезе белого двойника выделяется сок, похожий на молочко и горький на вкус. То ли от того, что ножка гриба настолько плотная, что даже нож грибника и тот проходит сквозь неё с характерным скрипом, то ли от того, что отличать скрипун от белого груздя принято потеряв со скрипом краем шляпки по зубам до ощущения горького вкуса, зовут этот гриб скрипуном.

«Тут ходил, – рассказывает нараспев дядька Михей. – Слышу, перекрикиваются городские, мол, белого груздя поляну нашёл. Ну, пошёл я проведать, нечто на моё место нарвались, а там уже двое орудут. Режут, аш скрип стоит!» – смеивался над нерадивыми грибниками дядька Михей.

Туман в то утро опустился росой. Она крупными каплями вибрировала на листьях, травах и ёлочных иголках. И даже паутина, натянутая между ветками, как волейбольная сетка, переливалась радужными блесками в лучах восходящего солнца.

Часа через полтора роса пропитала брезентовые куртки, штаны, и конденсированная влага начала стекать в сапоги.

– Похоже, нет груздя, – хлюпая при каждом шаге, выдавил из себя Серёга, смахивая с ушей липкую паутину.

– Так Михей же сказал «груздя тьма», – не унимался Саня, – Надо ещё посмотреть.

– Да чего тут смотреть ещё, нету! – доказывал Серёга.

– А Михей сказал «полно»! – настаивал Саня.

Атмосфера накалялась и в прямом и в переносном смысле. Было жарко, и досада от бесцельного хождения по лесу усиливала это ощущение многократно.

Измученные, доплелись они в деревню уже к полудню. Хоть и двигались налегке, усталость давала о себе знать. Побросав пустые корзины у крыльца дядьки Михея, они без стука ввалились в избу.

– Михей, ты где груздя брал!? – заорал в сердцах прямо с порога Серёга.

– Какого груздя? – живо откликнулся дядька Михей, отрываясь от чтения журнала «Огонёк» за 1966 год.

– Белого груздя! – подключился Саня.

– Так его и не бывало, – ответил Михей.

– Ты же сам сказал «прорва»!
 – Когда?
 – Так утром же!
 – Я?
 – Крем после бритья! Чего дураком-то прикидываешься, сам же утром говорил «белый груздь, белый груздь»!
 – Так я вчера одного и нашёл, вон в корзинке, – махнул рукой дядька Михай.
 Друзья перевели взгляд от Михея на его корзинку, стоящую у печки.
 Только теперь до них стал доходить смысл всего произошедшего в разрезе сказанного. Первым заржал Серега. Саня сначала нервно подхохотывал, а потом и его прорвало, как чапаевский пулемёт. Михай захихикал, не совсем понимая к чему, но считавший неприличным не поддержать друзей. Хохотали до упаду. Вытирали слёзы. Валились на пол, держась за животы. Успокаивались на несколько секунд для передышки и снова раздражались раскатами дружного хохота. Потом пили чай. Потом водку. Домой отправились только на следующее утро.
 А в корзинке дядьки Михея у печки одиноко томился «преимущественно» один белый груздь.

Райнгольд ШУЛЬЦ

г. Гиссен, Германия

Райнгольд Шульц (Роман) Асафович – русско-немецкий писатель, публицист, общественный деятель, представитель этнических немцев стран бывшего СССР. Литературный псевдоним – Папа Шульц. Родился 1 ноября 1949 года на севере европейской части СССР, в посёлке Краснозатонском (пригород Сыктывкара – столицы Коми АССР), в лютеранской семье высланных из Карелии житомирских немцев-колонистов. Окончил Сыктывкарский государственный университет, экономист. В 1990 г. с семьёй реэмигрировал в ФРГ. Член литературного общества писателей «Немцы из России». Пишет стихи, историческую прозу, юмористические рассказы, анекдоты, христианские и житейские истории, репортажи, сказки. Автор свыше 20 книг и 1400 публикаций в СМИ. Лауреат ряда литературных конкурсов, в том числе десятикратный лауреат международного литературного конкурса «Золотое перо Руси».

Рассказы

Находка

Охота пуще неволи. Который день в осеннем лесу блудили охотники. Затея в голове ногам покоя не даёт. В такую глушь забрели, что самим страшно стало. Спустившись вдоль реки, они неожиданно набрали на заброшенную запретную зону – сталинский концлагерь в лесу.

Огромное огороженное пространство проросло молодым лесом. В некоторых местах стояли ещё уцелевшие кривые, трухлявые бараки без окон и дверей. «Железной рукой загоним человечество к счастью!» – висели на них покосившиеся красные плакаты из кровельной жести и мрачно напоминали о страшном «светлом» прошлом. Упавшие вверх ногами вышки, повалившийся забор из огромных брёвен, всюду – ржавая, колючая проволока. Трава – по грудь. Крапива, и звенящая тишина.

За забором, у бескрайнего болота, кладбище советских заключённых – строителей нового, коммунистического общества – светлого будущего всего человечества. Ржавые звёзды на железных памятниках охранников, и рядом множество деревянных кривых крестов на общих Братских безымянных могилах, которые исчезали вдаль, сравниваясь с болотным горизонтом. Благими намерениями устлана дорога в ад. Труд превратил человека в труп.

Сняв шапки, склонили заблудившиеся охотники головы. В ушах стоял лай собак, стоны живых скелетов, крики часовых, удары прикладов. Мольбы и проклятия, выстрелы и предсмертный хрип. Слёзы вдов и сирот в далёких деревенских избах. Ночные детские молитвы...

Как же надо не любить свой народ, чтобы так над ним издеваться! Атеизм, мёртвые идеи, красные лозунги, громкие призывы «Всё для всех!» закончились общим кладбищем в болоте.

Очнувшись от шока, оба охотника поспешили прочь от жуткого могильника. Направление взяли по покосившимся телеграфным столбам, которые упёрлись в молодые таёжные джунгли. Зёковская, каторжная дорога, политая кровью и слезами, заросла мхом, травой, кустами, зелёным лесом. Продираясь сквозь заросли, мужики наткнулись на современный автомобиль «Ниву». Вездеход стоял в низинке. Он со всех сторон вплотную зарос деревьями и кустами. Охотники встали как вкопанные. Глаза от удивления выкатились и округлились. Они затрясли головами. Не сон ли это? Что за дела? Мираж?

Подошли поближе. Автомобиль выглядел хорошо, но заброшено. Жутко. На багажнике, на крыше – большое старое птичье гнездо. Всё остальное завалено многолетней листвой, хвоей, ветками, паутиной, временем. Подталкивая друг друга, держа ружья наизготовку, охотники подошли к машине вплотную. Стёкла, затянутые изнутри каким-то налётом, тайной, дымкой, туманом, грязью, чем-то ещё, были не прозрачными, а матовыми. Охотник открыл дверь. Ужасный смрад ударил по ноздрям сквозь чистый лесной воздух. Оба человека отскочили от машины. В кабине сидели два скелета в трухлявой, истлевшей, пепельной одежде. Рядом лежали ружья. На приборной доске, на жёлтой выцветшей газете, стояли стаканы – признаки бывшего лесного пиршества. Видно, желая остыть от шока, остановились на минутку эти люди прямо посреди дороги и помянули рабов Божьих,

бывших красных рабов, роботов труда из трудовых армий – простых советских заключённых. Горько стало. Выпили. Вспомнили своих пропавших родных и угорели, задохнулись в машине с работающим мотором. Застыли в минуте молчания навсегда.

Охотники вспомнили, что ещё в детстве в школе слышали, что в лесу пропали без вести два охотника с новой машиной. Солдаты прочёсывали лес, рабочие завода ездили на поиски, самолёт искал. Безрезультатно. Тайга умеет хранить тайну, особенно в запретной зоне. Выбравшись из лесу и добравшись до дома, охотники сообщили обо всём участковому милиционеру. Вскоре следственная группа закончила свою работу. Косточки через много лет наконец-то предали земле, похоронили на кладбище, а «Ниву» передали хозяйке, теперь уже старой обнищавшей вдове.

Повторно заплавав глаза, нужда подтолкнула её продать машину, избавиться от страшной памяти. Люди помогли привести машину в приличный вид и исправное состояние. Цена притягивала. «Нива» привлекала к себе блеском и товарным видом, но отшибала покупателей страшным едким запахом, который вывести было невозможно. Как ни старались всем миром, чем только не мыли, не духарили, не проветривали, ничего не помогало. Сколько средств вложили! Переделали обшивку, поменяли сиденья, заменили все коврики. Не помогло! Кажется, смертельным духом пропиталось само железо.

Скрыть прошлое нельзя. Любая тайна всегда становится явью. Покупатели потихоньку рассекречивали причину смрада, страшную историю страны и рокового автомобиля. Охотники исчезали. В машине мертвецов ездить не хотели. Не судьба, видно, было этому вездеходу колесить по свету, как не судьба процветать жестокой, бесчеловечной, безбожной власти. Так и стоял автомобиль в тупике, за сараем, пока вдова была жива.

Время шло – всё прошло, быльём поросло, большая вдова подолгу не выходила из дома. Вездеход затянуло кустами, рядом выросли деревья, и каждую весну всё скрывалось из глаз. Власть перевернулась, а память осталась. Новое поколение, как новый лес с зелёной, слепой наивностью опять ищет под солнцем счастливую дорогу в голубое небо. Каждому охота познать радость счастья вечной любви. Жизнь продолжается.

Грибы и грибные тайны

В наших северных лесах грибники свои места держали в тайне, редко когда брали с собой чужого. Считалось, возьмёшь кого – пропало место! Чужой обязательно приведёт туда свою толпу, они испоганят место, и грибов там уже никогда не будет.

Но я всегда брал своих друзей, у кого не было машины. Вдвоём в лесу не так скучно и безопаснее, случись что... Бывало, вдали медведя узнавали.

Грибов набирали так, что тары не хватало, приходилось из рубях делать узелки, узлы, узлища, которые дома женщины, ворча, не могли поднять.

Что характерно, и известно, наши мамы и жёны отличались врождённой аккуратностью и скрупулёзной чистоплотностью во всём.

Грибы они сортировали, чистили, мыли, в огромном количестве проточной воды отмачивали, отваривали, солили, мариновали, стерилизовали и с укропом, чесноком, перцем, солью и лаврушкой закатывали в прокипячённые банки. Получалось хорошо, вкусно и красочно!

От одного вида сквозь стекло банки у гостей обильно текла слюна. Грибной вкус был тонко специфический! У каждой хозяйки свой! Рецепты хранили в тайне. Вкус в памяти сохранился в микроскопических деталях.

Но мне приходилось бывать и в спонтанных застольях, в глухих, далёких деревнях. Грибы там подавались на стол в старых, мятых алюминиевых мисках, которыми в погребке, зачерпывали грибы прямо из кадушки вместе с густым и тягучим, как кисель, рассолом.

Вместе с грибами в миске плавали жёлтые листья, травинки, еловые иголки с кусочками бересты. Сразу видно, хозяева не особо заморачивались, консервируя дары природы. Не каждая городская «цаца» за столом соглашалась из такой миски наколоть на свою вилку гриб, с сопливым рассолом.

Но если гриб всё-таки попадал в рот, лицо её становилось сначала шокировано удивлённым, а потом невероятно блаженным, и глаза сладостно смыкались от избытка острых и приятных чувств! Видно было, что чувства наслаждения извергались вместе с её душой под самые облака, и дыхание спиралось.

За таким столом я тоже просто не замечал другую закуску, как хлеб, картошку и грибы. Грибы по-деревенски во рту то ли создавали ощущение присутствие леса в твоём организме, то ли организм оказывался в глухой лесной чаще.

Пахло сырой травой, мокрой берестой, осенней паутиной. Лесом! Тишиной! Блаженством! Казалось, лесной царь сам кормил тебя с вилочки своими диковинными деликатесами.

И весь огромный мир уходил на второй план, кружился где-то со своими заботами, далеко-далеко в огромной Вселенной, а ты в уютной тишине сидел на корточках, в мягком пахучем мху, под мокрой ещё ёлочкой и через нос втягивал в себя чудесный запах своей любимой Родины...

17.03.2023

Иван ЦУПРИКОВ

г. Югорск, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра

Цуприков Иван Валентинович. Родился 27 августа 1962 года в Крыму. В 1984 году получил диплом военного журналиста. Учился в Львовском высшем военно-политическом училище. В 1984 году работал военкором в десантной дивизии, расположенной в Литве. В 1985 году был направлен в Афганистан начальником группы пропаганды и агитации 103 воздушно-десантной дивизии. Награждён орденом «Красной звезды», два раза представлялся к медалям «За отвагу», один раз – «За боевые заслуги». Был тяжело ранен. Рассказы, юморески, эссе публиковались в областных и районных газетах, в журналах. В 2007 году в московском издательстве «Газона пресс» вышел детектив «Заказ (Афера)», в 2008 году – роман «История Кошчих Навей: агония демона» и сборник рассказов «Лых-хо», позже – романы «В поисках палача», «Под крылом Черного ворона», трилогия «В маске Чёрного Файзуллы», детектив «Тень уходит последней», сборник рассказов «Укус Черной вдовы». В издательстве «ЭКСМО» под рубрикой «Спецназ, офицеры» вышла книга «В волчьей шкуре». 4 книги вышли в Канаде, одна – в Германии. Основные темы произведений – военная проза (Афганистан), детектив, рыбалка и охота, публицистика о газовиках, фольклорные стилизации. Член Союза писателей России.

В засаде

Рассказ

Рука затекла. Пытаюсь развести пальцы пошире, потом их сомкнуть. Раз-два, раз-два, раз-два, – вроде отошли, но теперь, как и ожидал, тысячи иголок под кожей впились в ладонь, в руку, по самый локоть. Только бы в эту минуту он не появился, а то не готов в эти секунды сделать всё быстро, как нужно: прицелиться, навести резкость и нажать на... Да, тогда всё моё ожидание пойдёт на нет.

Затекла и правая нога. Сколько я уже здесь лежу? Смотрю на циферблат часов: 0-0, без одной минуты целых полтора часа.

Когда же он появится? Может, через десять минут, может, через двадцать, а если через час? Интересно, выдержу или нет? Хоть бы только всё это выдержать и с ума не сойти. Ну, где же он? Где?

Аккуратненько смещаю тяжесть своего тела на левую сторону. Вот так. Только бы не смазать. Ещё раз заглядываю вперёд, отрываю с ветки пару листочков, которые тоже мне могут помешать.

Так, так, перекалываю ружьё в другую руку, а правую тяну назад. Фу, и чего я раньше так не сделал. Потряс рукой, ещё раз, теперь можно её потянуть вперёд. Во-от так, и всё нормально.

Стоп! Что это? Ветерок балуется с ветками берёзки, или это он шелестит, приближаясь по своей тропке ко мне?

Нет, это, кажется, из-за ветра поднялся шум в лесу, листья на берёзе уже жухлые, ветки подсохли и, когда трутся друг о дружку, скрипят.

А нет. Это он, скорее всего он. Точно, точно.

Тихонечко, в такт его шага, переваливаюсь на правую сторону и замираю. Нет, он не услышал. Хотя, кто его знает, вон как напрягся и всматривается по сторонам. Хоть бы не увидел меня. Хоть бы не увидел. Ля-ля-ля.

Нет, вроде всё нормально, вот он сделал шаг ближе ко мне. Интересно, уже можно нажимать на курок, или ещё рано?

Всматриваюсь в окуляр и понимаю, что делать это ещё рано, так как его мордочка ещё скрыта ветками.

Ну, сколько ещё можно стоять там, сколько?

Ага, наконец-то он сделал ещё один шаг, второй и весь открылся передо мной. Но нажимать на курок ещё рано, он ещё далековато находится от меня. Ну, сделай ещё хотя бы пять-шесть шагов ко мне. Вот так, вот молодец!

Прицеливаюсь. Красавец! Оленёнок опускает свою голову ко мху и передними губками обрывает на его веточках мелкую листву. А вот за ним, наконец, и сама оленуха появилась. Вот если бы сделала хоть полшага вперёд, тогда всё здорово получится, классный дуплет получится!

Прицеливаюсь, рука начинает дрожать. Этого ещё не хватало, блин, такая редкая встреча! И что я потом лесничему скажу? Ой, извините, видел, но не смог взять.

Ага, вот и она делает шаг вперёд и стоит рядом со своим оленёнком. Всё, времени нет. Быстро выбираю резкость, на это уходят десятые доли секунды, и нажимаю на курок.

Вспышка, вторая, третья, а оленёнок со своей матерью успел только сделать несколько испуганных шажков и замер, как и мать. Вот это редкость, и делаю очередную серию снимков. И в этот-то момент подо мной хрустнула сухая веточка (откуда она ж только взялась!), и пара оленей скрывается в кустарнике.

– Ну что, получилось? – кричит с дерева лесничий.

– Сейчас посмотрю, – отвечаю ему и, включая просмотровщик фоторужья, оцениваю фотографии. – Здорово! – кричу леснику. – Одна серия получилась большим планом, а вторая – дальним, почти видеосъёмка, как они движутся к кустарнику и оглядываются по сторонам.

Вот это здорово, когда всё получается с первого раза! Завтра бы ещё на косачей такую охоту устроить. Самое время их осеннего тока.

Сергей МАЛАШКО

г. Магадан

Родился в 1962 году в городе Зея Амурской области.

В 1984 году получил диплом охотоведа, работал по специальности в Хабаровском крае и Магаданской области. Публиковался в альманахе «Охотничьи просторы», журналах «Охота и рыбалка 21 век», «Острова» (США), «Интеллигент – Нью-Йорк». Удостоен почётного звания и нагрудного знака «Серебряное перо Руси» в рамках национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (2013) и специального диплома Александра Бухарова в номинации «Популяризация русского языка в рамках международных проектов», медали «М. Ю. Лермонтов» (2014), специального диплома Александра Бухарова и медали «За труды в просвещении, культуре, искусстве и литературе» (2015). Лауреат национальной премии «Золотое перо Руси» (2022). Автор 5 книг прозы. Редактор литературного отдела «Рыбохотобзор» журнала «Северо-Муйские огни».

Шелестящее утро

Рассказ

Май традиционно встретили на Ланковской тундре, испытывая себя в общении с капризной госпожой Охотничьей удачей.

Любимый тундровый домик, любезно оберегаемый от пожаров и прочей напасти уже лет так тридцать Ланковским Дедом, местным Духом охоты, как всегда, приютил и обогрел. Этой весной довольно жёстко ломануло спину, заныли сильнее обычного колени на непогоду. Но это всё мелочи, когда охота уже состоялась, и в ближайшем снежнике хранилось необходимое количество гусаков для комфортного состояния охотничьей души. Утро десятого мая ещё с вечера решил встретить на ранней зорьке. Ещё с вечера чаем с лимонником заправлен старый друг – термос.

Мне предстояло провести часа три в скрадке на любимом озере, проверить, совпадёт ли метеопрогноз, который сегодня обещал нам снег и низкую облачность. Из домика не было слышно ветра; и в надежде побыть в тишине утренней зари я вышел наружу, навстречу событиям сегодняшнего дня.

Сделав первый шаг из домика и прикрыв дверь за собой, я оглох от утренней тишины и поразился прелести и хрупкости открывшейся взгляду картины.

Художник по имени Весна решил нарисовать сегодняшнее утро минимумом красок. Из всей палитры он выбрал различные оттенки серого, чёрный, белый и слабо просматривающиеся под снежно-белым оттенком жёлто-коричневого. Изредка в поле зрения попадали мазки изумрудно-зелёного.

Чёрными в этом пейзаже были стволы всех близлежащих лиственниц и кустарников. При недостатке освещения они смотрелись именно так. Изумрудно-зелёными изображены на картине кусты кедрового стланика. Сегодня особенно повезло белому цвету. Он присутствовал везде по-разному. Белый снег изящно присыпал сверху изумрудный куст стланика или накрывал полупрозрачным покрывалом жёлто-коричневую тундру. Слово жемчужными нитками была украшена каждая веточка лиственницы. Контраст чёрной веточки и жемчужно-белой нитки снега, с трудом удерживающейся на ней, был скуп, строг, изящен и неповторим. Такими же нитками жемчуга сегодняшним утром от щедрот своих одарил Художник каждую травинку, каждый кустик. Все на тундре стали сказочно богатыми обладателями экзотических ожерелий. Не балуя разнообразием красок, Художник решил нарисовать небо ртутно-алюминиевым. Серое небо делилось с Землёй вертикально падающими снежинками. Она благодарно принимала этот дар, пользуясь возможностью вновь укрыться зимним одеялом. Для неё это было пока более привычно, чем яркие краски лета, хотя в тайне Земля и мечтала о них. Почему бы хотя бы немного не пофорсить в горностаевом манто, которое на короткое время подарено Художником.

Вот такая величественная картина открылась взгляду. Поражённый увиденной красотой, стоял возле домика, продлевая эффект первого восхищённого впечатления. Напрягая слух, я никак не мог понять природу странного еле слышимого шелестящего звука. Он был составной частью утренней тундровой тишины, в которую я погрузился, выйдя из домика. Он был почти не слышен; иногда казалось, что это мне просто кажется. Но он возникал вновь и по-прежнему оставался утренней тундровой тайной. Надет утренний рюкзак, ружейный ремень привычно устроился на плече, и я сделал несколько шагов вдоль домика. Бросил взгляд вправо, и здесь всё стало понятно. С лёгким шелестящим звуком на рубероидную крышу домика падали небесные подарки, состоящие из интересной смеси. Мокрые снежинки чередовались с мелкими дождинками, и при падении на крышу слышался этот звук. Означало это только одно – покрывая Ланковскую тундру белоснежным горностаевым манто, снежинки с дождинками и давали жизнь этому слабо уловимому, ласкающему душу шелестящему звуку. Я вышел из перелеска, осторожно и мягко ступая, чтобы не потерять возможности слышать этот шелест, ведь жить ему отведено очень недолго – подует ветер и его звуки поглотят слабый шелест. Похолодает – исчезнет дождь, потеплеет – исчезнет снег. Ведь так шелестеть они могут только в безветренную погоду.

Мне почему-то не хотелось торопиться, но я преодолел свою лёгкую расслабленность и направился на озеро. По дороге любовался открывающимися картинками, ведь в таком наряде каждое до боли знакомое дерево видится иначе. Среди гусиных профилей живых гусей не было, и я спокойно направился к скрадку. Мне предстояло обмести их перчаткой – с наветренной стороны они были покрыты липким снежком. Вскоре меня впустил к себе мой друг скрадок, и, закрыв за собой на липучки задний полог, я устроился в любимом кресле. Мне предстояло провести здесь часика три в надежде на налёт.

Гусей не было слышно, и я продолжал наблюдать за берегом. По опыту знал, что нарисованная Весной утренняя картинка обречена на очень короткую жизнь. Утро было тёплым, и это значило, что даже без ветра она уйдёт в небытие буквально через несколько часов, с ветром и того быстрее. Посему мне очень хотелось, чтобы эта картинка пожила подольше.

Замеров в кресле от того, что вновь послышался уже знакомый лёгкий шелест – весна добавила снега и дождичка, и они ложились на полотно скрадка, и мой белый маскхалат – я сидел неподвижно и впитывал в очередной раз этот нежный и чистый звук, купаясь в удовольствии. Очень скоро шелест утонул в слабом порыве ветра, который привык хозяйничать на тундре. Сейчас он легко заявил о себе, и сразу же с веток лиственниц начали осыпаться жемчужные ниточки. Ветер усиливался мягко, но это вызвало катастрофу в хрупком утреннем жемчужном царстве. Прошло около получаса, и от былой красоты почти ничего не осталось. Ветер стал хулиганисто стучаться в стенки скрадка.

Гуси утром всё-таки показались. Услышав с высоты гортанные гусиные крики, сразу же нашёл в бинокль возмутителей спокойствия. На недостижимой высоте на пределе видимости шла небольшая стайка гуменников. Как оказалось, они только открыли парад. Вскоре послышались крики большой стаи; было понятно, что идут они очень высоко; но понаблюдать хотелось, что я и делал в бинокль, стоя в скрадке. Ожидания оправдались. Как говорят художники, картина маслом. По ртутно-алюминиевому небу, как на картинке, нарисовались несколько одновременно идущих гусиных клиньев. Отчаянно гомоня, пользуясь безветрием, они спешили к только жоакам известным местам на бескрайних просторах Колымы и Чукотки. Клинья были разными как по количеству, так и по геометрии. Шли гуменники и белолобики. В их гомоне выделялись фальцетные голоса «пискулек». Боюсь ошибиться, но проходило не менее полутора тысяч птиц. Шли они на недостижимой для нас высоте; и я поймал себя на мысли: мне совсем не хочется именно сейчас рвать выстрелом тишину этого утра. Пусть она продержится подольше. Гуси ушли, а наступающий ветер и утреннее потепление сделали своё «чёрное» дело – деревья и тундра навсегда освободились от жемчужных подарков весны, шелестящее утро подходило к концу.

Бросил взгляд вправо. С берега на лёд совершенно бесцеремонно вышел лохматый гость.

Блин, как не вовремя ты появился...

Но это уже совсем другая история...

Юрий ЖЕКотов

г. Николаевск-на-Амуре, Хабаровский край

Жекотов Юрий Викторович. Член Союза писателей России. Автор 6 книг прозы. Публиковался в журналах «Берега», «Дальний Восток», «Мир животных», «Молодая гвардия», «Охота и охотничье хозяйство», «Охотничьи просторы», «Подъём», «Приокские зори», «Российский писатель», «Север», «Южная звезда», «Юный натуралист» и др.. Лауреат ряда международных и национальных литературных премий. Почётный работник общего образования РФ.

«Дурной» заяц

Рассказ

После тёплого июльского дождика наступила долгожданная грибная пора. Вслед за заядлыми грибниками отправился я в лес. Моё ведёрко постепенно наполнялось удивительными, друг на друга непохожими находками: пузатыми боровичками, рыжими лисичками, молоденькими подосиновиками...

На одной из амурских сопот заметил я стаю бродячих собак. Беспризорные псы что-то разыскивали – вынюхивали, бегая со мной по соседству.

Я за очередным грибом наклонился и живой серенький комочек чуть рукой не задел. Притаившись, сидел под берёзкой, трясясь весь от страха длинноухий зайчонок, величиной с рукавичку. Глаза у зверюшки слезились, смотрел он на меня просительно: «Не выдавай!». Тут и собаки, обнаружив беззащитное животное, окружили меня, принялись облаивать, требуя отдать им на растерзание зайца. Взял я беззащитную зверюшку под свою опеку, отогнал собак. Побыл немного рядом с зайчонок и, только убедившись, что бродячие псы убежали прочь, пожелав длинноухому удачи, занялся поиском грибов.

Не думал я, что будет продолжение у этой «заячьей» истории. Однако, катаясь на лыжах по первому ноябрьскому снегу, оказался я в том же лесу, где летом грибы собирал. И надо же – опять зайца повстречал! Завидев меня, не пустился длинноухий обитатель леса наутёк, как обычно поступают дикие животные при случайном столкновении с человеком, а остановился, привстал на задние лапки и застыл выжидающе. Вроде как приятеля повстречал.

– Тебя и не узнать! Жив – здоровёхонек! Вырос-то как! Шубу поменял: простую серую на тёплую пушистую. Весь белый сейчас, только кончики ушей чёрные. Не зря тебя зайцем-беляком зовут! – обратился я к длинноухому.

Заяц слегка ушами поводит, будто и в самом деле что-то понял. У меня хлебушек оставался с перекуса. Достал ржаной ломоть из рюкзака, положил под куст, а сам отошёл в сторону. Беляк не побрезговал, попробовал человеческую еду.

Некоторое время сопровождала меня лесная зверюшка во время зимней прогулки, прыгая немного поодаль.

Дал я беляку совет:

– Слишком ты доверчивый! Будь осторожен. Много до тебя охотников: и собаки, и лиса, и филин. Человека с ружьём за три версты обегай...

В эту зиму взял я за правило: если отправлялся на лыжную прогулку, то держал курс в заячьи владения. Обязательно с собой захватывал подкормку для обладателя длинных ушей: капустный лист или пару морковок. Почти в каждое моё зимнее путешествие заяц-беляк обнаруживал себя. И гостинцы ему мои по нраву пришлись. А как тут устоять перед сочными вкусняшками после многодневного однообразного зимнего рациона, состоящего только из ивовых прутьев и берёзовых веток. Постепенно росло доверие длинноухого ко мне.

В одну из лыжных прогулок опрометчиво разогнался я со склона крутой сопки. Не заметив впереди слегка присыпанный снегом ствол поваленного дерева, наскочил на него и ткнулся головой в сугроб. Выкарабкался из снежной кучи, а идти не могу – острая боль в колене. Вдобавок лыжи вдребезги – поломались после удара о дерево.

Тут и заяц мой объявился. Принялся изучать ситуацию: отчего я скорость потерял и всё на одном месте топчусь.

Срезал я себе палку покрепче, чтобы, опираясь на неё, попробовать доковылять до ближайшей дороги. Но не удавалось мне больше пяти шагов за раз пройти: слишком снег глубокий, и пострадавшая нога назад тянет. Морщился я от боли и то и дело к какому-нибудь дереву прислонялся для отдыха. А заяц всё рядом вертелся.

Сделал я очередную остановку, объясняю длинноухому:

– Видишь, как меня угораздило! Беда прямо! Как выбираться теперь, не знаю. И ты мне никак не поможешь, не вытацишь из леса. Маловато у тебя силёнок, разные у нас весовые категории.

Вспомнил я, что со своей «болячкой» позабыл покормить зайца, достал заранее припасённую кочерыжку от капусты, отдал длинноухому. Беляк съел всё подчистую, ещё немного посидел со мной за компанию, а потом и пропал куда-то по своим делам.

«Заяц, что с него возьмёшь, по уму он человеку не ровня. У беляка свои интересы. Ему бы чего погрызть сладенького да побегать вволю. Разве заяц понимает человеческие проблемы?» – нашёл я оправдание своему знакомому.

Старался гнать от себя ненужные мысли, но они всё равно настойчиво в голову лезли: «Плохи мои дела! Нет в округе человеческих следов. Вряд ли забредёт сюда кто-нибудь из людей. И кричать бесполезно, никто не услышит, только голос надорвёшь. По всему выходит: с таким темпом передвижения никак до ночи мне из леса не выбраться». Вдобавок холод давал о себе знать, всё глубже пробирался мороз под одежду. Оставалось надеяться лишь на чудо...

Тут до меня докатился раскат далёкого выстрела. Немного погодя раздался второй выстрел. Ещё через некоторое время услышал я лай собаки, а потом увидел и своего длинноухого приятеля. Сделал беляк петлю вокруг меня. Собака за ним. Увлечён пёс преследованием, нет ему до пострадавшего лыжника никакого дела. Но примечаю я, что забавляется заяц с собакой, в скакалки-догонялки играет, захотел бы, так давно уже оторвался бы, только его и видели. А беляк тем временем второй, более узкий, круг сделал и напрямик на меня направился.

Только тогда я понял: «Вот мой шанс! Нужно попытаться собаку поймать и дожидаться прихода охотника, тот обязательно будет своего четвероногого помощника искать».

Изготовился я и, когда собака рядом со мной пробежала, схватил её за загривок. Та, конечно, сопротивляться принялась, тянула меня за руку. Но я навалился на пса телом, не даю вырваться.

Собака скулит, подвывает, а мне только этого и надо, пусть голос охотнику подаёт! Глянул на зайца, а он всё рядом выжидает что-то. Правый бок у беляка слегка красноватый. «Уж не задел ли зверюшку выстрелом охотник?!» – заволновался я. Однако заяц браво держится, одно ухо забавно приспустил, второе стоймя держит, вроде как спрашивает: «Ну, как мы собаку провели?!».

«Беги, беляк, беги! А то несдобровать тебе! С охотником шутки плохи!» – всерьёз запереживал я за зайца.

Упрыгал беляк, а скоро и действительно охотник подоспел. С его помощью доплёлся я до дороги. Спасибо охотнику!

Только, пока выбирались мы из леса, владелец ружья всё сокрушался: «Жаль – убежал трофей! Если бы не ты, добыл бы я беляка, дурной он, сам под выстрел лез!..».

Когда я залечил ногу, захотел повидать зайца. Всё больше мне отчего-то верилось, что вовсе не дурным мой знакомый беляк оказался, а очень смекалистым и храбрым. Он, наверное, жизнью своей рисковал. Помнил заяц, что я когда-то спас его от собак. А когда пришёл его черёд прийти на выручку, не бросил в беде, специально охотника на меня вывел.

Вот только дело-то какое: несколько раз я уже бывал на заячьей сопке, а больше не встречал своего длинноухого знакомого. Не знаю даже, что приключилось с беляком. Может, всё-таки серьёзно ранил его тогда охотник. Но надеюсь, что убежал мой длинноухий товарищ невредимым и водит сейчас где-нибудь дружбу с другими зайцами.

Сергей ЧЕПРОВ

г. Темрюк, Краснодарский край

Член Союза писателей России. Автор 6 книг стихов. Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни». Лауреат алтайской краевой литературной премии им. Г. Панова, 2013 год (за книгу стихов «Кукушка»), премии «Российский писатель», 2016 год (за статью «Из спелых 70-х» о творчестве иркутского писателя Анатолия Байбородина). Ряд стихотворений вошли в антологию «Молитвы русских поэтов», изданную по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла.

Мы друг друга не поймём... или История одного стихотворения

Перебравшись не так давно в этот удивительно благодатный, гостеприимный и солнечный край, стараешься в жаркие дни почаще бывать на море. Да и грешно в такую-то погоду отсиживаться дома, когда море – вот оно, под боком, совсем рядышком. В Сибири нашей метельными да морозными вечерами подолгу просиживали за компьютером, мечтая о летнем отпуске, когда снова сможешь хотя бы на пару недель окунуться в этот пляжный рай, накопаться и наплескаться досыта, навалиться без заботушки на горячем песке, загорев до черноты. А далее снова – одни мечты да воспоминания...

А теперь – вот оно, пожалуйста! Вышел из дому, прихватив полотенце да купальные принадлежности, завёл свой издавший виды «жигулёнок» – и вперёд по хорошей дорожке да с ветерком. От Темрюка и десятка километров не наберётся, дело-то минутное. Миновали Голубицкую, потом Маяк. И с высокого берега, справа, открывается взору безбрежная и бездонная синь с редкими белыми вкраплениями: порой сразу и не разберёшь, то ли парус вдали маячит, то ли чайка приветливо машет крылом. На конце спуска, перед недостроенной базой отдыха, резко уходишь вправо, к самому берегу. Припарковался – и в спасительную прохладу набегающих на мелкий ракушечник неумолимых волн, на которых уже качаются десятки, а то и сотни таких же жаждущих воды, солнца да золотистого загара. Не только нам, видать, приглянулось это местечко: заезжают сюда отдохнуть от суетного дня многие темрючане, да и уставшие за долгую дорогу дальнебойщики при виде этакой благодати притормозят вдруг, выстроят на обочине в ряд свои большегрузы и, раздеваясь на ходу, бегут наперегонки к воде.

Наплескавшись вдоволь, растянулись мы на горячем песочке, разомлели под солнышком. И тут подходит к нам крепкий паренёк, лет эдак тридцати или чуть поболее, в футболке, шортах и с фотоаппаратом:

– Это ваша машина (называет номер)?

– Наша. А что случилось?

– С вас сто пятьдесят рублей. Парковка здесь теперь платная.

– С каких это пор? Мы загораем тут постоянно, и никто никаких претензий не предъявлял. Да разве одни мы? Вон сколько машин по берегу стоит. И нет никаких объявлений, ни шлагбаума, ни указателей...

– И они тоже заплатят. Этот участок берега администрация отдала нам в аренду, так что теперь подъехать сюда и оставить машину сможете лишь за деньги. Да и сумма не такая уж большая для приличного отдыха...

– Для вас, может, и небольшая, а для пенсионера сто пятьдесят рублей – деньги немалые. Так что платить я не буду! (Это было сказано довольно твёрдо и резко.) Ни вам и никому другому. Кстати, а документик у вас имеется?

– Конечно. Он у старшего, который вон на том пляже мзду собирает. – (В нескольких сотнях метров правее тоже есть съезд с трассы к берегу, но там спуск намного круче, и не всякий водила отважится туда сунуться, рискуя завязнуть в песке). – Вы пока подумайте, а я потом подойду и бумажку для верности принесу.

Настроение было подпорчено. Побарахтавшись ещё в прохладных водах Азова, но уже без особого энтузиазма, мы с женой снова разлеглись на бережку, обсуждая пренеприятнейшее известие. Где теперь отдыхать? Где искать новое место? И по какому такому праву кто-то кому-то сдаёт в аренду то ничейный берег, то кусочек леса, а то и целый водоём? Разве это не общее, народное достояние? И куда теперь сунуться простому человеку, пусть и с невеликим достатком, но тоже жаждущему и прохладной водицы, и горячего песочка и палящего южного солнца? Достали вконец эти рыночные отношения! Конечно, государству надо пополнять казну, но не таким же способом. Да и разве государство – это не мы? Не народ? Выходит, сами себя обдираем, как липку. Сами позволяем наживаться кому-то на нашем же отдыхе.

Далеко б зашли мы в своих рассуждениях, если бы снова не возник перед нами «новоиспечённый хозяин пляжа».

– Знаете, старшой куда-то по делам отъехал, а документы все у него. А платить вам всё одно придётся, пусть не сегодня, так в следующий раз. Пляж этот теперь «под нами». Наведём здесь порядок, уберём мусор, поставим шлагбаум. Потом, может, грибочки да кабинки... Смотря как сборы будут... Нам ведь и семьи кормить тоже надо. Мне вот дочку в первый класс отправлять... А как? Бежали с Горловки, побросав всё. Теперь начинай с нуля...

«Бежали с Горловки» – вот оно что! Вот, оказывается, откуда «ноги растут». Горловка последние месяцы была у всех на слуху. И каждый нормальный человек сочувствовал ополченцам,

поддерживал их. Там наши братья-славяне сражались за свою независимость, отдавали жизни. А эти... этот... Продолжать разговор сразу расхотелось. Так и подмывало сказать что-то обидное, оскорбительное. Я как-то разом перешёл на «ты»:

– Тогда почему ты здесь, а не в окопах? Там люди кровь проливают, отстаивая своё право и твоё, кстати, тоже, а ты здесь отсиживаешься, прячешься, как последний трус... Почему?

– Ну, мы с вами по-разному смотрим на вещи. Война – это не по мне. И кто что там делит – дело совсем не моё. Не для этого я учился, работал, женился, дочь вот воспитываю... И умирать я не собираюсь вовсе... Там несколько друзей моих погибло. А за что? Хватит, насмотрелся ужасов...

– А если б ты был там, может, и друзья бы твои целы остались, и Горловка бы сейчас не горела?! Совесть не мучает?

– Нет.

– Сам ты родом из Горловки?

– Да.

– А вдруг националисты да нацисты возьмут твою Горловку и установят там свои новые порядки? Вернёшься туда? «Под ними» жить будешь?

– Не знаю. Пока не думал. И здесь забот хватает...

– Так у тебя что, нет Родины?

– Знаете, всё равно мы не поймём друг друга. А умирать я не собираюсь. Не для этого меня мать рожала.

Он резко развернулся и подошёл к следующей группке, что расположилась невдалеке. Мы с женой молча оделись, завели машину и отправились домой. Отдых был испорчен окончательно. И целый день в голове звучала эта фраза: «Всё равно мы не поймём друг друга».

Ну как так не поймём? Что мы, с разных планет, что ли? Из разных эпох? Да хоть бы и так... Но когда горит твоя родная земля, твой дом рушат нелюди и убивают твоих друзей, – разве можно на это смотреть по-разному? Не должен ли справедливый гнев разрывать в этом случае любую душу? Да, умирать никто не хочет. Никто. А как тогда быть? Просто отсиживаться и ждать? Но чего?

А к вечеру у меня сложилось такое вот стихотворение.

Дети, женщины, старики
По подвалам в слезах да ужасе.
А здоровые мужики,
Коим прятаться б не с руки,
Покидают Донбасс разрушенный.

– Мне война совсем ни к чему,
Потому от беды и еду,
Оставляя свою страну.

– А ты вспомни-ка ту войну,
Где отцы полегли и деды...

И тогда, наверное, мать
Не для бойни рожала сына.
И никто не хотел умирать...
Только если б не шли воевать,
Что бы было сейчас с Россией?!

P.S. А нам пришлось подыскивать другое местечко. Намного дальше, неудобнее, но – бесплатное. В такую погоду просто грех не бывать на море. А к прежнему месту подъезжали ещё несколько раз, оставляя машину на обочине трассы и добираясь до пляжа пешком. Конечно, никаких грибков и раздевалок за лето не объявилось. К мусору никто не притрагивался, хотя, сказать по правде, здесь его особо и в прежние-то времена не было: народ всё же сознательный, убирал за собой да и старался не гадить на облюбованном для отдыха местечке. Но вот оба подъезда бетонными блоками перегородили. Поставили шлагбаумы, посадили крепких парнишек для сбора денег. А народу стало меньше. И уютнее как-то, холоднее, что ли...

Теперь, проезжая мимо, думаем, что, возможно, к следующему лету всё и образуется, всё вернётся на круги своя. И тот «распорядитель» отбудет на свою успокоившуюся родину, и мы сможем, как и прежде, бесплатно радоваться щедрому солнцу да прохладной морской водичке. Да и может ли быть иначе...

Поэзия

Поэзия принадлежит к народному воспитанию.
Василий Андреевич Жуковский

К пятидесятилетию «Северо-Муйских огней»

Литература – стволовая сущность человечества, сгусток самосознания народа; поэзия – сердце души человека...

Литература, отторгнутая социумом, продолжает существовать – во многих областях журналов, живя свободным дыханием, имея минимальную, увы, аудиторию, но и не ведая сжимающих пластов цензуры.

Литература бессмертна, как бессмертно живое имя человека...

Северомуйск...

Таёжный посёлок, пересечённый знаменитой Байкало-Амурской магистралью...

Казалось бы, как там может зародиться, развиваться, стать весьма известным литературный журнал?

А вот – именно так и получилось: и журнал «Северо-Муйские огни», вспыхнувший пятнадцать лет назад, живёт живою жизнью слова, собирая под обложками своими множество прозаиков, и поэтов, и критиков, служащих... не только собственной самости.

Виталий Кузнецов – создатель журнала – начинал буквально в домашних условиях и верил в грядущее; и пришло оно: пятнадцать лет – подросток, казалось бы, но журнал... зрел и юн одновременно.

Он переливается словесными красками: как природа того края, где весной происходит такое цветение, что и радуга покажется бедной...

Вспышки поэтических огней: вот, скажем Николай Ерёмин из Красноярска, с необыкновенным его стремительным словом; а вот... вполне противоположный ему Ефим Гаммер из Израиля, или – Никита Брагин, чьи ритмы и звуки – от классического корня...

Математически точный и красиво-возвышенный Владимир Спектор...

Нежная Ольга Борисова.

Перечисление имён бессмысленно: нужно читать.

Часто бывают гости: поэты разных регионов России, и всегда сплотки их стихов даются объёмно, весомо, представляя золотиносный срез жилы родного слова.

Разнообразная проза: тут можно найти и лирические бездны, и философское осмысление яви...

Журнал притягивает литературно одарённых людей.

Журнал предпочитает ориентацию на классическое наследие, ибо разрыв с корнем – чреват; впрочем, и умный эксперимент приветствуется: верлибры могут уютно соседствовать с рифмованным, регулярным стихом.

Неустанен Виталий Кузнецов: именно энтузиазмом и природным даром таких людей и держатся своды литературы нынешних времён.

Живёт природа: засыпает зимой – под напевы вьюг, таится под великолепием сине-кипенных покровов, оживает весной, давая спектры сияний.

И слово живёт: развивается, расцветает каждый раз по-новому, согласно индивидуальности творящих его сочинителей; и много их – талантливых и ярких – собрано «Огнями»; так много, что вера в неисчерпаемость русского творчества не может угаснуть.

Александр Балтин, редактор отдела поэзии журнала «СМОг»

Лев РЯБЧИКОВ

г. Симферополь, Крым

Президент Крымской литературной академии им. Ю. В. Бондарева. Председатель Правления Крымского регионального отделения Литературного сообщества писателей России. Лауреат международной премии им. М. А. Шолохова в области литературы и искусства. Заслуженный деятель искусств и лауреат Государственной премии Республики Крым. Редактор изданий военно-патриотического проекта «Солдаты Победы». Автор более двух десятков книг поэзии, прозы и публицистики.

«Не в Пушкине всё дело...»**Родимый наш**

Уже, поди, с избытком плах,
 Чтоб языки у нас отсечь,
 Чтоб ненавистная им речь,
 Как кровь, засохла на губах.
 Да, к урезанью языков
 Мир за столетия привык,
 Но нет мечей и резаков,
 Чтобы отсечь родной язык,
 Которым названы вокруг
 Леса, деревни, города,
 Который мордой щучьей вдруг
 Проткнёт гладь тёплого пруда.
 Который всё перевернёт,
 Коснувшись сердца и души,
 И вдаль за счастьем позовёт,
 И эхом упадёт в тиши,
 И на котором шепчем мы
 В ушко девчоночье признание.
 От Судака до Костромы
 На нём горюют с придыханьем
 О быстро прожитых годах
 И о живой воде колодцев,
 О тех, кто жизнь свою отдал
 За ту, что Родиной зовётся.
 Конечно, разум не вместит
 Его словарь и говор новый,
 Но красным словом угостить
 Мы гостя всякого готовы.
 И гость завистливо вздохнёт,
 Признав, что наш язык изыскан
 И украшает женский рот,
 И в спор мужчин привносит искру.
 Он в нашу плоть и кровь проник,
 И в плач, и в смех, и в каждый вскрик.
 И тем поистине велик
 Родимый наш родной язык.

Уход

Толстой, как день, внезапно ощутил
 Горячее дыхание заката.
 Ещё взволнован был, шутил,
 Но мир аморфен был, как вата,
 В купе и за окном купе,
 Где в вату куталась Россия.
 Внутри него (что ль?) мех хрипел,
 Засасывая воздух с силой.
 Ноябрьский редкостный закат
 Казался пламенем жаровни.
 Попутчик (лекарь) прятал взгляд,
 Нащупывая пульс неровный.
 Сказал, что надобно сойти,

Чтобы в постели отлежаться.
 На ближней станции к пути
 Он вывел из вагона старца.
 Не гения, не мудреца,
 А поражённого недугом
 Сбежавшего от всех отца:
 И от детей, и от подруги.
 От отчего гнезда вдали,
 В чужом дому, в чужой постели
 Его груз жизни придавил,
 И он всё понял:
 – Неужели?
 Так и Болконский умирал
 То в забвенье, то в полудрёме.
 И мир вокруг так страшно мал,
 Точь-в-точь, как там, в четвёртом томе.
 Выходит, он предугадал,
 Как всё в итоге происходит.
 Лишь милого лица овал
 Не просияет в миг ухода.
 А впрочем... Боже! Видит мать.
 И няню. Девушек дворовых...
 Их руки тянутся обнять.
 Неужто жизнь начнётся снова?

Не в Пушкине всё дело – дело в нас.
 В способности с рассветным вдохновеньем
 В созвучие с поэтом впасть –
 Не надо на всю жизнь, а на мгновенье.

Мы не проникнем в тонкие миры,
 Но ощутим тепло горенья.
 Пусть нас накроет тень горы,
 Чтоб мы побыли тоже тенью.

Но смысл не в том. Не следует спешить
 Воображать волненья эти,
 А ощутить мембранами души
 Движения души Поэта.

Что создано в душе – к душе и перейдёт,
 Творенья разума войдут в собранье Духа.
 Перенесёт туда и утлый плот,
 Оглохший звук и тот дойдёт до слуха.

Поэзия – всегда Благая весть,
 Что чувствам и уму – жить вечно.
 А тем, кто ими жил, – всегда любовь и честь,
 Как их судьба ни слалась б поперечно.

И выстрелы, ударившие в них,
 И в каторжном забвении исленье
 Оборотят их вещей стих
 В крылатое стихотворенье.

Никита БРАГИН

г. Москва

Брагин Никита Юрьевич (1956 г.р.), москвич, член Союза писателей России. Автор 12 книг стихов. Публикуется в «Литературной Газете», газете «День Литературы», журналах «Москва», «Наш Современник», «Подъём», «Александръ», «Нижний Новгород», «Краснодар Литературный», «Двина» и др.. Лауреат ряда литературных премий и конкурсов. Доктор геолого-минералогических наук, главный научный сотрудник Геологического института Российской Академии наук. Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

«Родина – сколько в ней счастья...»

Береста

Береста загорелась,
и дымом коптит смоляным,
и свивается в кольца,
и масляным пламенем плачет,
и последний клочок
позлащённой огнём старины
рассыпается пеплом горячим.

Береста – наш папирус,
хранящий живые слова;
всё на ней, от взысканий долгов
до любовных посланий,
всё, что веяла по ветру,
словно половицу, молва
под крестами и колоколами.

Береста – это поле,
где всходит озимая рожь,
это серая почва,
укрытая лапами елей,
это честная бедность земли,
не приемлющей ложь,
это нежность слезы и метели.

Береста – это светлые очи
заветных озёр –
Белоозера, Ладоги,
Ильменя и Селигера,
и на белой странице
письма уставного узор,
преисполненный веры.

Разгорись, береста,
ясным пламенем речи родной,
оставляя печатью на сердце
свой след огнепальный,
и свети, не сгорая,
во тьме ледяной,
между кровью и сталью.

Весна и вечность

Памяти Ольги Качуры

В небе месяц золотой,
крест восьмиконечный,
в чистом поле пыль да зной,
а над полем – вечность.
В мире света и покоя
тают облака,
и уходит всё мирское –
музыка легка.

Это музыка любви
над страной взлетает,
как её ни назови,
а она такая –
ей не дали нотных знаков,

клавишей, струны...
Только залп, за ним атака
на полях войны.

У неё была судьба,
но отняли силой...
Орудийная пальба,
свежие могилы...
Ей бы деточек лелеять,
песенку им спеть,
но под сердцем кровь алеет,
и приходит смерть.

Но жива её земля,
но тверды устои...
Хлебодарные поля,
море золотое,
пламенеет жаркий уголь,
рельсы мчатся вдаль,
распрягается упруго
боевая сталь!

Купол звёздно-голубой,
крест восьмиконечный...
Женщины уходят в бой,
перед ними вечность!
Светлые, Господню Чашу
приняли до дна.
Смотрит с фотографий ваших
Русская весна.

На Белозерском Кремле

Ветер былинный над валом
к югу стремится свой полёт,
о вековом и бывалом
вольному сердцу поёт,
веет о древних дружинах,
о белокрылых ладьях,
и прогоняет кручину
песней на старых ладах.

Воля, широкая воля –
я переполнен тобой –
травками чистого поля,
светлой озёрной водой,
лентой речного разлива,
далью времён и сторон
этой земли незлобивой,
тихой, как девичий сон.

Словно впервые, вдыхаю
вольного ветра поток –
ветвь оживает сухая,
бьёт из-под камня исток...
Слышу – Начала и Власти
Господу славу трубят.
Родина – сколько в ней счастья,
если внимаешь, любя.

Ольга БОРИСОВА

г. Самара

Член Союза писателей России, Европейского конгресса литераторов (Прага). Автор 13 книг стихов, прозы, публицистики (документально-исторических книг о Болгарии). Председатель Самарской региональной организации РСПА, главный редактор альманахов «Параллели» и «Крылья», член редакционного совета журнала «Белая скала», литобъединения «Точки» при Совете по прозе СПР. Стипендиат Министерства культуры РФ. Организатор международного фестиваля «ЛитКузница».

«Но будет новая весна...»**На бумажном холсте**

Годы сшиваются новыми днями,
Как лоскуты у портного в руках.
Дни, словно птицы, порхают над нами,
Путь обозначив стежками в строках.

Строки плетутся рифмованной нитью,
Вяжут поэты из них полотно.
Что-то из жизни, а что – по наитью,
В мире сюжетов извечных полно.

Зимы и вёсны, и звёзды на небе,
Алый восход и лиловый закат.
Ночи безлунные, всякая небыль,
Грома трескучего грозный раскат.

Что-то рисуют поэты упорно
На белоснежном и чистом холсте.
Мыслей сплетенье рождает, бесспорно,
Свет на нетканом бумажном листе.

Запоздалое

Собачья стая трёпом гулким
Встречает зорьку во дворе.
Сползли виденья в закоулки,
И сны толпятся у дверей.

Отодвигаю шумно шторы,
Впускаю в спальню бледный свет.
На стёклах вытканы узоры,
А в вазе – розовый букет.

Он мне подарен был прохожим,
Прошедшим по моей судьбе.
Он, как снега, внезапен тоже,
И неподвластен сам себе.

Со мною бродит где-то рядом,
Я нахожу его следы.
Он как безумье, как награда
И как предвестие беды...

Его подарок, мне признанье,
Напоминанье и привет.
Несёт не радость, а страданье
Поникший розовый букет.

Половицы

Я ушёл, а за спиною тихо ныли половицы
В. Юрков

Тихо ныли и ворчали за спиною половицы,
Когда в путь идти далёкий
вдруг пришла моя пора.
Мне казалось, обсуждали
иль слагали небылицы,
Издавая звук протяжный,
провожая со двора.

И, прощаясь, всё ворчали
и не только половицы,

Дверь пружинилась, скрипела,
громко хлопала вослед.
И парили надо мною,
и кричали громко птицы,
Уберечь они хотели
от грядущих многих бед.

Но ступали шумно беды,
по следам моим шагали,
И сломить скорей хотели,
больно жалили меня.
Но крыла я распускала
и парила в синей дали,
Опускаясь, путь торила,
по тропинкам семена...

Отчий дом в туманной дымке,
за далёким поворотом,
Как и раньше, так и ныне,
смотрит окнами в рассвет.
Провожает и встречает –
не меня... Живёт в нём кто-то.
И скрипят вновь половицы,
и таят ушедших след.

Деревенское

Я люблю, когда сыплется снег,
Когда ночь накрывает просторы,
Зарождение дня и разбег,
Когда с окон отброшены шторы.

Я люблю суетливость дворов,
Многоцветие улиц широких,
Деревенский покой вечеров,
У избышек старух одиноких.

И затеять люблю разговор,
На скамье примостившись в рядочек.
И мне нравится бабий задор,
Когда песни поют про платочек.

Я люблю каждый прожитый день
И черничные гулкие ночи,
Безымянность глухих деревень,
Где петух на заборе пророчит.

Победное

Меняю шубу на пальто, сама меняюсь.
Смотрю в окно и жду домой пичужек стаю.
Быть может, птицы принесут благие вести,
И будем славить мы весну с сынами вместе.

А во дворе шагает дождь по серым лужам,
Прошёлся он и по судьбе, и нашим душам.
Внезапно выветрил сквозняк былую память,
Слизало прежнее житьё чужое пламя.

Но будет новая весна, в неё я верю!
И будет, и должна стоять за нашей дверью!
И расцветут во всю красу весной тюльпаны,
Залечит время, скроет век живые раны.

Владимир МАКАРЕНКОВ

г. Смоленск

Макаренков Владимир Викторович – поэт, публицист. Родился в 1960 г. в Смоленске. В 1983 г. окончил МЭИ. Полковник внутренней службы в отставке. Автор 8 книг стихов, книги статей, очерков и интервью «Тюремные записки» (Смоленск, 2007). Публикуется в центральных и региональных журналах и альманахах, антологиях, коллективных сборниках и др. периодических изданиях. Лауреат литературных премий: им. А. Т. Твардовского, им. М. В. Исаковского, им. Н. И. Рыленкова (Тюнинская премия), лауреат (шорт-лист) Южно-Уральской литературной премии 2017 г. (книга стихов «Камертоны»). С 2004 г. – председатель Смоленского отделения Союза российских писателей, составитель литературного альманаха «Под часами». Член Союза журналистов России.

«Святые славянской земли»

Дед Иван и Гамлет

Дед сидел на табурете,
Подбрасывая в «буржуйку» поленца,
И рассказывал, как воевал.
Увлёкшись воспоминаниями,
Хмелея от выпитого вина,
Неожиданно заговорил стихами.
Бабушка Аня, заворчала с кровати:
– Ну-у, понёс теперича околесицу!.. –
И строго прикрикнула:
– Ванька, отбрыкнись от пиндюрика!
Иди спать!..
Тожна мне, Тёркин!..

Дед замолк.
«Буржуйка», как озлобленная, загудела,
Бойчее затрещав дровами.
И взорвалась обида:
– А-а-а... да... конечно...
Вы все умники-разумники!..
Один Ванька – холуй-дурак!..
И голос был таким горьким,
Как у страшной беды.

После каникул
Я увидел необычный фильм,
В стихах.
«Быть или не быть, вот в чём вопрос!» –
Воскликнул главный герой.
Где оно, детство?
А в памяти – как живые,
Говорящие стихами
Дед Иван – Тёркин и Гамлет...

Смоленская дорога

До Судного чертога
Доводит от земли
Смоленская дорога,
Дорога на крови.

А вдоль — курганы-знаки
Дорогу сторожат.
В них гордые поляки
С литовцами лежат.

И немцы, и французы...
Несчётно пало их;
И мальчигов безусых,
И воинов седых.

Весенний Днепр глубоко
Скрывает берега.
Смоленская дорога
Бездонна для врага.

Казак

Истории перечить смея,
Играет сабелькой казак.
Воображаемого змея
То этак рубанёт, то так.

Как будто ожил из легенды –
Через века рубить врага;
Вскипает кровь; играют гены
Прославленного Ермака.

Божась, целует крест нательный,
Толкует о добре во зле,
И выбирает путь смертельный,
Ведущий к воле и земле.

Казак-казак! Ты верен силе,
Вновь с вражьей силой – на ножах.
Готов как встарь служить России
На отдалённых рубежах.

Ты всё простил! И униженье,
Когда вели в расстрельный ров;
Кровавое уничтоженье
Казацких сёл и хуторов.

Россия-мать – твоя застава
Навек. Как воину не знать:
Мать может строгой быть, неправой.
Потерянной... Но мать есть мать.

Кирилл и Мефодий

Являя Моравии образ господний,
На книгу сменяющий меч,
Два греческих брата Кирилл и Мефодий
Крестили славянскую речь.

– Откуда балканцу знать буквы латыни?
Язычник Христа не постиг.
И Фотий ответил Кириллу:
– Отныне
Знать книгам болгарский язык.

Кириллицей стала в молитвах столетий
Глаголица древних славян.
Певучая азбука – «Аз, Буки, Веди...» –
Не Богом ли послана нам?

За всё, что, вгрызаясь в познания камень,
Узнал я из жизни и книг,
Обязан тебе и навек благодарен,
Учитель мой, русский язык.

Храни себя в книгах, молитвах, народе,
А там, за пологом зари,
Тебя сохраняют Кирилл и Мефодий –
Святые славянской земли.

Николай ЕРЁМИН

г. Красноярск

Ерёмин Николай Николаевич. Родился 26 июля 1943 года в городе Свободном Амурской области. Окончил Медицинский институт в Красноярске и Литературный им. А. М. Горького в Москве. Член Союза писателей СССР с 1981 г. и Союза российских писателей с 1991 года, русского ПЕН-центра международного ПЕН-клуба. Автор издательского бренда «Миражистъ». Выпустил в свет Собрание сочинений в 6 томах. Публиковался в российских и зарубежных периодических изданиях, в том числе на китайском языке – в переводах Хэ Суншана, г. Синьян. Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

«Парадоксы житъя меж людьми...»

Не бывает случайных гостей.
Не бывает случайных друзей.
Не бывает случайных врагов
На просторах родных берегов...
Не случайно я понял нечаянно,
Что причалил сюда не случайно.

Поэт, я помню, не сдавался:
Писал –
И тут же издавался,

Над жизнью-смертью
Издевался
И в ЦЕДЭЭЛЕ напивался...

И всех, кто рядом, угощал:
Просил прощенья
И прощал

Тех,
Кто завидовал ему,
Соображая, что к чему...

И, слава Богу,
Не забыт,
Хоть был совсем не знаменит...

Стихи стареют с каждым веком:
И славословье, и протест...

Поэт был богочеловеком
И сам судил себя на крест...

Чтоб эхом прозвучал окрест
Воскресший жизненный контекст...

Был началом начал
Я и в центре, и с краю...
Раньше – свет излучал...
А теперь – поглощаю...

Послушать музыку – бесплатно,
И новые стихи послушать
Всё реже удаётся... Ладно!
Артистам тоже надо кушать...

В округе

В округе – ни гусей, ни лебедей...
Одни, увы, сороки да вороны...

И ты вороной белой меж людей
Живёшь... Как высоки твои хоромы!

Я не заметил, как прошла зима...
И не заметил, как сошёл с ума...
Так было в сердце снежно...

В небе – звёздно...
Увы, когда заметил, – стало поздно...

Святогорский монастырь

В монастыре, у речки, под горой,
Мне показали старого поэта
И прошептали: – Это наш святой!
Он светит всем, хотя не видит света...

Джоконда

Мона Лиза – улыбка во сне,
Монплефир, монсеньор Монпансье...
Это, кажется, я и она:
Я влюблён, и она влюблена...
О, причудливые времена!
А ещё говорят: жизнь одна...

– В деревне ль, в городе
Российский крут маршрут:
Тут бреют бороды...
Там – наголо стригут...

Снимают...
Честь по чести,
Бог ты мой!

Бывает,
Что и вместе
С головой...

На всё – Твоя, Господи, власть:
Всё будет потом! А пока –
Мечта высока... Далека...
И хоть бы одна бы сбылась!

Парадоксы житъя меж людьми –
Эх! – то в центре вниманья, то с краю...
Было: я умирал от любви...
А теперь без любви умираю...

Иван НЕЧИПОРУК

г. Горловка, ДНР – Россия

Член-корреспондент Славянской литературно-художественной академии (Варна, Болгария). Редактор журнала «Пять стихий».

Зам. председателя Межрегионального союза писателей, член Союза писателей России. Автор 5 книг стихов.

Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

«И я, дитя волнующих степей...»

Терзание моей души
За полнолунием спешит
К холодным звёздам.
Но ждут её здесь на земле:
Тревожный день в холодной мгле,
Туманов роздымь.

И сны, абстракции полны,
Уводят образы весны
Во тьму глухую.
И неба пасмурная твердь
Твердит опять «Ты только верь!»,
А я – тоскую.

За горизонт уходят дни,
И тянется надежды нить
Сквозь все сомненья.
Тоски прервётся канитель,
И принесёт с собой апрель
Освобожденье.

Фомина неделя

Скорби пожирают нас велиции,
Господи, еси на Небеси!
Пламенеют жёлтые форзиции,
и горят маршрутные такси.

Город – пленник выкрученной фабулы,
Люди – несмыслённые щенки.
Где-то здесь записывают в ангелы
Тех, чьи судьбы хлипки и тонки.

Жить охота! Есть причины веские,
Только нужно скорбь испить до дна...
Горькая земля моя Донецкая,
Гой, еси, родная сторона.

Мы теряем друзей, зарекаясь
И сумы, и тюрьмы, и войны.
Но приходит тоска, с нею жалость,
Акцентируя в памяти сны
О потерях кровавой весны,
Где покоя совсем не осталось.

Остаётся предаться теченью
И превратностям бытия,
Позабыв про свои огорчения,
Мы отыщем свой новый маяк,
И надежды в душе затая,
Обретёмся под кровом прощенья.

И снова я низринут с неба
Блаженной кротости своей,
И новый день тоски черней,
Во власти злобности и гнева,
Я делаю себе больней.

И как тут быть в огне безумства?
Сгораю, а душа болит.
Покой чернилами разлит.
Мои запятнанные чувства,
Как дети требуют молитв.

Вопросы

В смятении разум – прорвала хандра оборону,
И глупые мысли вбивают в сознание клин.
Что если я завтра уйду по маршруту Харона,
Какие следы я оставляю на теле земли?

Обрывки тетрадей, газет пожелтевшие лица,
Корявые строки, рождённые старым пером?
Достиг ли чего-то,
в стремлении с небом сродниться,
В наивной надежде, что всё завершится добром?

Колос

Я – колос пшеничный, нас – море, но я здесь один.
Один – не сгибаюсь под ветром и тяжестью зёрен.
В стремлении к солнцу я принципиально упорен,
И в верности свету, давно сам себе господин.

И пусть по-холопски собратья склоняются вниз,
Судьба – не подарок: и ветром, и градом нас било.
Но если я слышу бряцающий ляг мотовила,
Я твёрдо уверен – прогнаться, не значит спастись.

Июнь

Такая благодать от пышных трав,
Не ясно: спишь в раю, а может умер ты...
То чабрецы, то вдруг встают лазурники,
А с неба льётся первая жара.
Июнь – неизречённая пора:
Полынен день и молочайны сумерки.

И я, дитя волнующих степей,
Не до конца поняв предназначение,
Гляжу на трав спокойное течение,
Где гармоничны маки и репей.
Где боль моя становится слабей,
Где в сердце зарождается свечение.

Ефим ГАММЕР

г. Иерусалим, Израиль

Ефим Гаммер родился 16 апреля 1945 года в Оренбурге (Россия), жил в Риге и в Сибири. Окончил русское отделение журналистики Латвийского госуниверситета, работал в газетах «Латвийский моряк» (Рига), и «Ленские зори» (г. Киренск, Иркутская обл.). Автор 28 книг, лауреат ряда международных премий по литературе, журналистике и изобразительному искусству, обладатель Гран-при и 13 медалей международных выставок в США, Франции, Австралии. Работает на радио «Голос Израиля». Редактор и ведущий авторского радиожурнала «Вечерний kaleйдоскоп», член израильских и международных союзов писателей, журналистов художников, входит в редколлегии журналов «Литературный Иерусалим», «Литературный Иерусалим улыбается» (Израиль) и «Приокские зори» (Россия). Публиковался в ряде литературных изданий России, США, Израиля, Германии, Франции, Латвии, Дании, Финляндии, Украины, Молдовы и других стран, переводился на иностранные языки.

«Ходит солнце в облаках...»**Сибирская перезагрузка**
(поэма)

Стихи, стихи по всей России.
Из дали в даль. Из края в край.
Стихи, стихи. И часовые.
И затажной собачий лай.
Тропинки вымокли лесные,
водою залиты следы.
Стихи, стихи по всей России.
И грусть. И ропот. И суды.

Приметы времени такие –
не разобидеть бы кого.
А что до помыслов, лихие
теперь не значат ничего.
Емелька из легенд отозван.
Прогнали Стеньку сквозь экран.
И боль-тоска, но поздно, поздно
рвёт на груди меха баян.

Уходят малые-большие,
уходят люди невзначай,
и незаметно, как и жили,
как ели хлеб и пили чай.
Им ничего уже не страшно.
Так пусть они доскажут речь.
А где? Как будто это важно...
Важнее камень скинуть с плеч.

Забутье – жданная улада.
Но вот проснулся, и опять
на выбор – ад иль то, что рядом,
с названьем – рай. Куда шагать?
Податься в рай? Пустое дело.
Баклуши бить? Гулять в саду?
А закобененное тело
работы просит хоть в аду.
Вдруг сверх зарплаты рубль положат?
Путёвкой в рай вдруг наградят?
Что размышлять? Всё в длани Божьей.
И спорить что? Привычней ад.

В аду жарынь! В аду погода,
что вгонит в гроб и мертвеца.
И возмущение народа
командой райского дворца.
Носи дровишки, потчуй брата
разноголосым кострецом.
Склоняй, в зубах кипящим матом:
«Дворец! Дворца! Дворцу! Дворцом!».

И донесли. И по начальству
пришлось наладить обходной,
чтоб разъяснили в одночасье:
«Ты что? Придурок аль большой?».
И закатали на проверку.
«Дышите в трубку! Так и так!»

И, вынув душу, сняли мерку,
чтоб вдуть её в земной барак.
«Эй ты! Ходи на изготовку.
Сейчас запустим в мать твою!»
И запустили... Вот как ловко
жить приспособились в раю.

Темна утроба. Мир весь тесен.
Но сколь приветливо тепло
доступных слов, знакомых песен.
О, Боже мой! Как повезло!
Опять я дома. Пуповиной
привязана душа к нему.
И льётся пухом тополиным
земное таинство сквозь тьму.
И непонятное понятно.
И ясен путь на много лет.
Какой за тьмою мир нарядный!
И как прекрасен этот свет!

Вновь жизнь – в каком уже начале –
не счесть, как и былых затей,
стонала, плакала, кричала,
взывала к совести людей.
Но нет, но нет стези заветной,
всесветной, ясной и прямой.
Умом я тронусь. Незаметно
я стану кем-то, но не мной.
Чиновником, партийным боссом,
чужою властной судьбой.
А я хочу бежать – пусть босым! –
но лишь за истинным собой.
Где поводырь? Дожди косые.
Земная хлябь, неверный свет.
Стихи, стихи по всей России,
и нет Мессии, нет и нет.

На перекрёстке чувств и мнений
не люди – тени. Что за блажь?
«Ау!» Шарахаются тени,
врастают в призрачный мираж.
А расстоянье – расставанье
с самим собой. В себе самом.
Неизлечимое вращанье
в мираж – недавний окоём.

«Приди-явись, посланец Божий!
С тобой и сердце, и душа.
Не повернуть. Уже отторжен.
Не прикипает жизни ржа.
Взмотришь: я новым светом мечен –
манящих, неземных свобод.
И пусть я – пусть! – не безупречен,
но голос мой в тебе живёт».

Оглохло небо? Или внемлет?
Нет солнца. Тучи. Дождь пошёл.
И шепчет мне: «Сначала – в землю,
потом, изволь, пари душой».
Так что же, в землю? Были – жили

в разливе бед и непогод.
 Уходят малые-большие,
 уходят люди в свой черёд.
 Уходят люди настоюще.
 Уходят люди невзначай.
 Кто как шагнёт, и бездорожьём –
 за тот, земной, за самый край.

Тропинки вымокли лесные.
 Водой залиты следы.
 Стихи, стихи по всей России.
 И грусть. И ропот. И суды.
 Кануны канули в каноны.
 Что изменилось? Эшафот
 способен развенчать корону –
 не венценосный небосвод.
 Лгуны-каноны веют смертью –
 тлетворным запахом основ.
 Но время сверьте с круговертью
 кровавой сверки топоров.
 Час X. Гудрон. Следы босые.
 Росой ртутной льётся гной.
 И та роса глаза не выест
 лишь тем, кто прежде был слепой.

А я? Я – дух. Я неподсуден
 ни для темниц, ни для костров.
 Но почему снижаюсь к людям
 и слышу их призывный зов?
 Пусть я всего лишь слепок неба,
 но в каждом облаке дом мой.
 И падать мне в ладони слепо,
 поить людей водой живой.

Когда меня вбивали в землю
 и – глубже, глубже каблучком,
 я превращался незаметно
 в зерно, и в хлебе жил тайком.
 Когда меня в сто рук сгибали,
 чтоб тело надвое рассечь,
 я знал, что превращусь в скрижали,
 но прежде в меч, и только в меч.
 Когда вздымали в небо-светло,
 в кумиры с песней волокли,
 я понимал: теперь не вредно
 уйти, частицей стать земли.
 Я был землей, мечом и хлебом.
 Я сознавал: такой удел.
 И пусть мне тайный смысл не ведом,
 Но я ведь жил! Видать, умел...

Город Киренск, Иркутская область.

Ловкий Выгрей-Разночей
 куролесил средь речей,
 резал правду, ложь кроил,
 а слова верёвкой вил.
 Ловкий Выгрей-Разночей
 промышлял багром сычей,
 на сыча ловил калач,
 на калач – икру удач,
 на заветную икру
 гонорарную муру.
 На муру ловил людей –
 от студентов до судей,
 судьями поэтов грёб
 то ль под лавку, то ли в гроб.
 Ловкий Выгрей-Разночей
 ухайдокал сарычей,
 разменял копейку в грош,

расколлот на щепки вошь,
 вышел в поле – засвистал.
 Перепрягся и пропал,
 растворился в небесах,
 раздубравился в лесах –
 и, невидимый, поёт –
 заликает в уши мёд.
 Глянь, рождается опять
 куролесить, развлекать –
 ловкий Выгрей-Разночей,
 сын утех и хохмачей,
 дабы вновь ходить по кругу,
 изгонять тоску и скуку,
 дабы смехом портить гладь,
 журавля синицей гнать,
 дабы сдобную луну
 прикрепить в избе к окну.
 Ловкий Выгрей-Разночей
 правит праздник из речей,
 по пластинке прёт иглой,
 гулевой и боевой,
 куролесит и поёт,
 в океане ищет брод.
 Ловкий Выгрей-Разночей
 кормит кашей из свечей,
 из гвоздей сварганит щи.
 Но, поди, его сыщи.
 Адрес? Выгрей-Разночей!
 – Я в любом. Но я ничей.

– Эх-ах!
 – Та-ра-рах!
 – Мы покажем скок и мах!
 – Всё сегодня для души.
 – Спляшем, братцы?
 – Да!
 – Пляши!

– Эх-ах!
 – Та-ра-рах!
 – Ходит солнце в облаках.
 – Дуриком тарашит око.
 – Эй! Пройдись, браток, с прискоком,
 чтобы стёкла вон из окон!
 – Крепче, крепче топочи,
 чтоб тряслось всё до ночи!

– Эх-ах!
 – Та-ра-рах!
 – Шире круг, даёшь размах!
 – Не жалея, братишка, ног!
 С каблучка да на мысок,
 а затем-ка перемену,
 с каблучка да на колено,
 а с колена на каблук –
 у-у-х-х!

– Эх-ах!
 – Та-ра-рах!
 – Будь бойчей, коль на ногах.
 – Коль сомлел, тишком лежи,
 на матерых не взыщи.
 Ведь они и чёрту даже
 вынут душу, если в раже.
 Ведь они для куража –
 о-хо-хо! И – вон душа!

– Эх-ах!
 – Та-ра-рах!
 – Ходит солнце в облаках...

Светлана ДОНЧЕНКО

г. Краснодар

Член Союза писателей России, Союза литераторов Европы, Международной ассоциации литературы, культуры и искусства. Автор 5 книг стихов и прозы. Публиковалась в российских и зарубежных альманахах и журналах. Кавалер ордена Серебряного Орла, ордена «Золотая Звезда». Награждена дипломом и медалью «Литературный Олимп», медалью им. Нобелевского лауреата Ивана Бунина, дипломом «Недаром помнит вся Россия» с вручением медали «М. Ю. Лермонтов». За заслуги в области литературы удостоена почётного звания «Заслуженный писатель Московии». Руководитель Южно-российского творческого объединения «Серебро Слов».

«Мир становился чище и живей...»

Арабески

Хочу поцеловать я день весенний,
обнявшись нежно с солнечным теплом!
Мне так милы растрёпанные тени
дерев лохматых, тех, что ветролом
так ранил, так ломал зимой холодной.
Стоял их стон, протяжный, горький плач,
и крик рябины нашей черноплодной,
когда терзал её февраль-палач.
Всё в прошлом! Март весёлый и нарядный
танцует вальс на клумбе городской.
Весенний день, любимый, ненаглядный,
шагай за мной протоптанной тропой.
Мы спрячемся от глаз людских в пролеске
и будем целоваться в тишине,
там, где кусты из веток арабески
преподнесли в подарок только мне.

Морская богиня зари

Волна хмельная выползла из сини
Морских глубин, сокрытых от ветров,
И тихо улеглась посередине –
Меж краем моря и цветных шатров
Под горизонтом неба, там где чайки
Сердито бродят в поисках еды.
О, эти красноклювые лентяйки
Вкушать мечтают дивные плоды
Рябины чёрной, красной, винограда,
Просушенных игривым ветерком.
Для чаек эти лакомства – услада.
Сладки, смешавшись с золотым песком,
И так вкусны из рук самой царицы,
Живущей в ярком, солнечном шатре.
Конечно, чайки – это не жар-птицы,
Да рада им богиня на заре.
И рассыпает щедрою рукою
Дары свои на берегу морском.
Ползёт волна, лишённая покоя,
Спешит слизнуть сокровища тайком...

Посланник

Таинственно в небесной вышине
гремели тучи. Солнышко зашторив,
они кидали молнии земле
и морю, чей простор был столь лазорев,
что даже мрак затмить его не смог.
Бежали волны крупной плиссировкой,
казалось, их рождал не ветерок,
а ураган. С завидною сноровкой

по ним запрыгал дождь, рождая град,
лазурь мгновенно стала чёрно-пенной.
Гром ликовал! Он был безумно рад
тому, что стал посланником вселенной!

Что заалело там вдали?
Костёр горит? Пожар без дыма?
Что за волшебные угли
затлели? И неудержимо
взлетают в небо языки
горяче-алые, как пламя,
расправившее полынки
с кроваво-красными крылами
на самом краешке земли?
И ты бежишь в смятенье, в смаке,
вкус жизни ощутив вдали,
туда, к огню. И видишь... маки.

Река-царица

Как горянка ловкая, гордая и смелая,
Катит воды реченька, под названьем Белая.
Песню свою звонкую дарит небу вечному,
Лесу шелковистому и любому встречному.

Все печали-бедушки унесёт, как пёрышко.
Засияет солнышком чья-то злая долюшка.
Счастьем переполнится душенька-страдалица,
Та, что долго маялась и была скиталицей.

О! Река великая – сильная, могучая,
Жизнь твою бурлящая, жизнь твою кипучая
Светлыми легендами на века прославлена,
Мудрыми адыгами ты с царицей сравнена.

Небесная подкова

Пел под дождём сегодня соловей.
Чем гуще падал дождь, тем громче пел он.
Плясали капли в лужах всё резвей,
И, ускоряясь в ритме, между делом,
Подпрыгивали прямо до ветвей,
Где прятался певец погоды скучной.
Мир становился чище и живей.
Под звуки дивной песни – благозвучной,
Которую так храбро милый птах
Дарил дождю и луже бестолковой,
Явилось чудо! И в семи цветах
Зависла в небе радуга подковой.

Виталий КУЗНЕЦОВ

Северомуйск, Бурятия

Учредитель и главный редактор журнала «Северо-Муйские огни». Член Европейского конгресса литераторов. Действительный член Крымской литературной академии им. Ю. В. Бондарева. Лауреат Канадской литературной премии им. Эрнеста Хемингуэя, всероссийской премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Стихи и рассказы публиковались в литературных журналах и альманахах России, Украины, Беларуси, Германии и Канады. Автор книги «Повести» (Канада, 2016 / Россия, 2017).

О разном – ***

Сказка-быль о луне

Всюду серая ночь,
только горы черны.
Кромки долгих вершин –
очертания в небе.
Это свет утонувшей
за ними луны,
Словно там, за горами,
рассвет тлеет бледный.
И представилось мне
на вершину взойти,
И взглянуть на луну,
что спустилась в долину:
Над рекою она
чудным светом своим
Озаряла хребта
лишь одну половину.
Как пугливая лань,
осторожно луна
Прикоснулась к реке,
собираясь напиться.
Но, заметив меня –
как за ней наблюдал,
Чутко вздрогнув, уже
стала вверх торопиться.
Я смотрел и не верил
своим же глазам,
Как луна по горам
резво вскачь забиралась –
Уходила, пугливая,
вновь к небесам,
И опять через миг
светом дня разливалась.
Каждый камень скалы
сразу стал озарён,
Просветило насквозь
крону тёмной лесины.
Горы стали видны мне
с обеих сторон,
Под сиянье луны
я спустился с вершины.

Лаечка

Сытая, довольная – счастливая,
Рядышком с хозяином, у ног.
Мелкая, скулявая, пугливая –
Не собака, но пока щенок.
Солнца луч весенний греет шёрстку,
На террасе тёплой тихо спит
Маленькая лаечка, подросток, –
Пусть не человек, но ум – велик!
Что-то проурчит себе спросонок –
Сон, видать, приснился ей большой.

Спит как человек, как ребёнок –
Господа творение, с душой.

Я тебе расскажу
про забавы богов,
Про любовь колдуна,
про «ворота» хмельные –
Там за ними кружат
духи всех облаков,
Там за ними шумят
чудо-ветры шальные.

Я тебе подарю
мир безбрежного неба.
Лаской тысячи слов
озарю твой восторг.
Мы взметнёмся туда,
где никто ещё не был.
Мы умчимся с тобою
за звёздный порог.

Для тебя сберегу
эту сказку навеки.
И тебя в этой сказке
навек сохраню.
Пусть сольются моря,
и исчезнут в них реки,
Буду вечно с тобой
на земле и в раю.

Васильковый бал

Скатёркой синей постелились васильки,
На праздник лета приглашая всех к столу.
И закружились пчёлки и шмельки,
Нектаром сладким угощаясь на балу.
Жужжат вокруг довольно-пьяно все,
Отягощённые хмельным напитком дня.
И хочется мне к ним на миг подсесть,
Хотя б вдохнуть букет того вина!

Июньский вечер

Вдали полоской алой небосвод –
За горизонт июньский пало солнце.
И бабочек вечерний хоровод
Кадриль танцует за моим окном.
И этот вечер – чудо как хорош!
Мелодией сердечной танцу вторя,
Их крылышек почувствую я дрожь,
Волнительную, словно рокот моря.
И вмиг спадает всякая печаль,
И птиц ночных вокруг приятен свист.
И день ушедший мне совсем не жаль –
Готов с природой танцевать я твист!

Виктор ГАВРИЛОВ

г. Сургут, Тюменская обл.

Гаврилов Виктор Викторович. Родился в 1974 г. в Омске. Член Союза писателей России, Союза журналистов России. Окончил филологический факультет Омского государственного педагогического университета. Кандидат педагогических наук, доцент кафедры ФКиЖ Сургутского государственного университета. Автор ряда поэтических сборников и книги для детей. Публиковался в литературных журналах Омска, Москвы и Сургута. Лауреат премий им. Ф. М. Достоевского, им. В. А. Макарова, победитель конкурса «Журналист года – 2018» (Сургут).

«Научи меня играть, солнце...»

Сон в летнюю ночь

Завтра рано вставать:
и по этому поводу – спим,
Обнимая подушки.
Окошко распахнуто. Душно.
Что осталось у нас? –
обескрыленность судеб и спин.
Наши сны так чисты,
что читателю стало бы скучно,
Расскажи я о них.
Впрочем, речь не о снах... Вовсе нет!
Нас с тобою легко
в тополиные неводы ловят.
До святых далеко:
этот лунный июлевый свет
Не посланье, не знак,
не тревога, а лишь оголовье...

Подсознание крутит
и крутит цветное кино,
На которое смотришь
лениво и как бы сквозь пальцы.
Заоконная даль так привычна,
что нам всё равно –
Всё равно, для чего,
или где, или с кем просыпаться...

Окольцовано время –
как хочешь высчитывай, мерь,
Перемешаны будни,
истории, лица и числа.
Шар луны в лузу лужи упал.
Оттого ли теперь
Всё, что будет, – прошло,
всё, что было когда-то, – случится?..

Мечты, мечты,
Где ваша сладость?
А.С. Пушкин

Для счастья не надо много,
Напротив, совсем чуть-чуть:
Дорога чтоб от порога
Звала нас куда-нибудь.

Да яблоня у калитки,
За тихой рекой – огни,
Да медленно, как улитки,
Скользили бы наши дни.

Гремел по Советской трактор,
В лесничество вёз дрова,

А я бы на это тратил
Таинственные слова.

И чтобы в окне картошка
Всех роз веселей цвела,
Чтоб радовалась гармошка
На дальнем конце села.

Чтоб пекарь, пчела и доктор
Читали стихи Сапфо,
Чтоб пел о нас репродуктор
На площади у сельпо.

Мы жили б легко и дружно,
Рассеяв беду и мрак,
Как будто уже не нужно
Ни плакать, ни умирать.

Детское

Тучата наползают,
Мотаются кусты.
И дождь, косой, как заяц,
Вдоль улиц припустил.

Пищит вовсю скворечник –
Там выводок птенят...
Ложатся лужи решкой,
Отчаянно звенят.

И, серебром омытый,
Топорщится репей,
Орлом глядит лохматый,
Небритый воробей.

Мы в этом шуме-гаме
Под солнечным дождём
Весёлыми ногами
Болтаем обо всём!..

Научи меня играть, солнце,
Гаммы гомона лесной птицы,
Тишь ландышей и шум сосен;
Научи простить и проститься
С настоящим, что уже в прошлом,
С переулком, ветром клубимым;
И – словам, небитым, хорошим,
В час, когда ладони любимой,
Словно б шёлковый платок, комкал,
Звал на волю, из больных комнат,
Чтобы стала радость верною, полной...
Не молчи, учи, я запомню –
Белый город рощ берёзовых, пристань,
Свет небесный ныне и присно.

Любовь ДУБКОВА

г. Челябинск

Любовь Дубкова родилась в 1959 г. в Троицке Челябинской области. Член Союза писателей России. Окончила курсы литературного мастерства Нины Ягодинцевой (2015). Автор проекта и главный редактор альманаха выпускников «Литературный курс» (2015–2021). Участник лаборатории художественного перевода «Мосты над облаками». Публиковалась в коллективных поэтических сборниках, журналах, альманахах. Победитель, лауреат, финалист ряда российских и международных литературных конкурсов. Автор 5 книг стихов.

Ничего личного

(Миниатюры)

Крошится алебастр
Засушенных ромашек.
Для чего мне память?
Страдать поздно,
Сожалеть – глупо.
Хоть любил,
Хоть не любил...

Я
точно знаю,
что ни в чём
не уверена.
Но ты
каждый день
разрушаешь
мою уверенность
в этом.
Спасибо тебе,
родной!

Мы
из разностей,
полярностей
и нестыковок.
Но нам хватает
валентности.

Раздал рассвет
ключи от счастья.
«Опять не мне» –
подумала я.
И достала отмычку.

Завариваю чай
И грею душу,
Как будто йодом
Заливаю раны.

Раньше я думала:
«Может, это любовь?»
Потом я думала:
«Это точно любовь!»
Теперь я думаю:
«Это и есть любовь?»
А если бы я не думала,
У меня бы всегда была любовь...

Он – ветер,
Она – судьба.
Горько всем.
Свадьба...

Меня задела ласточка
крылом
за миг
до шага...

Ищу начало
Кольцевой дороги.
Смеркается.

Чтоб вирши написать –
беру чернила.
Хотя вполне себе
подходит кровь.
Недавно это поняла,
В отличие от некоторых...

Снова поливаю цветы.
Делаю это раз в неделю.
А кажется, что ежедневно.
Жизнь идёт семимильными шагами.
Забываю слова «вчера» и «позавчера».
Всё чаще говорю «в прошлом веке»...

У меня такое впечатление,
что некоторые историки
в школе были круглыми двоечниками
и их постоянно заставляли переписывать.
Научили на свою голову...

Лопнула одна пружина в диване.
Если она независимая,
то почему судьба всего дивана
должна от неё зависеть?
Э-эх! Раньше мебель служила дольше!
И не только мебель...
Холодильники вообще были вечными!

Прости мне, Боже, ересь!
Ничего личного.
Выборы.

Сергей ВОРОШИЛОВ

г. Петрозаводск, Республика Карелия

Родился в 1952 году в д. Лопатино Воскресенского района Московской области. В 1970 году переехал в Архангельск, окончил Архангельский лесотехнический институт. В 1976 году по распределению переехал в Карелию (г. Петрозаводск). Работал инженером-механиком на авторемонтном заводе, затем ведущим конструктором в НИИ целлюлозного машиностроения, окончил аспирантуру при Ленинградском технологическом институте целлюлозно-бумажной промышленности, защитил диссертацию с учёной степенью «кандидат технических наук», получил свыше 50-ти авторских свидетельств и патентов на изобретения, удостоен почётного звания «Заслуженный изобретатель республики Карелия», награждён медалью «ВДНХ».

«Это всё моё наследство...»

На Сямозере

Отживает век избушка,
разлохмачен мох седой:
будто дряхлая старушка
наклонилась над водой.
Лунным утром,
скрипнув дверью,
в лес шагну,
как в явный сон:
слышен шум над Сямозерьем*,
шепоток со всех сторон.
Станный говор лезет в ухо...
То не рысь зовёт котят,
не гнусавит копалуха**,
опекая глухарят,
и не ухаёт неясить
в заболоченном бору –
это леший точит лясы,
встретив Хийси*** поутру.
То не пень спит обгорелый,
не маячат валуны –
это идолы карелов
пьют белёсый свет луны.
И летит на берег Сяма,
отражаясь от воды,
песня древняя саама
криком чайчьим с гряды.

* Сямозеро – озеро в южной Карелии, по одной из версий название связано с жившими здесь в древности саамами.

** Копалуха (сев.) – глухарка.

*** Хийси – в карело-финской мифологии – дух леса.

День воскресал, дав передышку мгле.
Жил мой костёр...
Огню подставив спину,
я наблюдал, как вяжет паутину
древнейший ткач на матушке-земле.
Маячил сквозь сплетённое окно
берёзы силуэт полураздетой.
Шуршал наряд, и сыпались монеты
на тонкое паучье полотно.
Всему свой ритм в «процветать и умереть»:
лес засыпал, устав над золотом чахнуть.
А день светлел, и мудрая арахна*
на сонных мух раскидывала сеть.
И, как всегда, белели облака,
синела глубь небесного колодца.
Тьма отступала, и играло солнце
мячом-росинкой в сетке паука...

* Арахна – паук.

А люди жили в городах...

Скользила в розовых волнах
ладья заката,
и сёмгой прыгала луна
по перекату.

Шептал воде в который раз
признанья камень,
и в глубине озёрных глаз
играло пламя.

Вздыхали мокрые дрова
в костре устало,
и родниковые слова
журчали в скалах.

Качалась сонно пелена
уснувших лилий,
и раскрывала тишина
над миром крылья.

А люди жили в городах,
не веря в чудо,
и всё спешили в никуда
из ниоткуда...

Ламбушка*

У озёрного оконца
после утренней грозы
заиграл посланник солнца
в лёгких крыльях стрекозы.
Пробежал по чашам лилий,
заискрился на траве,
и притих в зелёном иле,
серебром сверкнув в плотве...
Здравствуй, ламбушка-подружка.
Слышь, тебе парнишка-лес
о любви кричит кукушкой,
как чистойшей из невест.
Переливом птичьим складно
он звенит, как бард струной...
Не смущайся только, ладно?
Посмотри, тебе одной
квохчет в зарослях глухарка,
и, кружась средь островков,
водит в танце плавном старка**
дружный выводок нырков...
Летний день в улыбку детства
я готов расцеловать...
Это всё моё наследство –
солнца луч да ламбы гладь.

* Ламба, ламбушка – небольшое лесное озеро.

** Старка – мать выводка, матка.

Марк ПОЛЫКОВСКИЙ

г. Ашдоа, Израиль

Окончил физико-математический факультет Петрозаводского университета, затем – институт патентоведения в Москве. Заведовал патентным отделом в Карельском филиале Академии наук. В 1991 году репатрировался в Израиль. В 2009 году выпустил первый сборник стихов «Ашдоадский дневник». Автор более 10 книг стихов и поэтических переводов.

«В прошлом и в настоящем...»

Дорога

Ах, дорога-недотрога,
Что глядишь мне вслед?
Не гаси, прошу у Бога,
Негасимый свет

Той звезды, что Путеводной
Кличут искони.
Звёздной ночью безысходной
С нею мы одни.

Бережливо вдоль дороги
Скошены луга,
Сено с выкосов убогих
Убрано в стога.

Тянет путника с устатку
В стоге отдохнуть,
Что-то схрумкать всухомятку
И продолжить путь.

Ах, дороги вы, дороги,
Путь за край земли,
Только дроги-недотроги
Скроются вдали,

На минуту пыль всклубится,
Стихнет скрип колёс,
Неохотно каркнет птица,
Тявкнет старый пёс,

Быстрый заяц с перепугу
Прыснет под кусты,
И опять на всю округу
Тишь – до немоты.

И ничто не потревожит
Путника в пути,
Все невзгоды переможет,
Всё готов снести –

Всё, пока звезда надежды
Освещает путь,
Всё, пока открыты вежды
И понятна суть –

Бытия, и той дороги –
Господи прости! –
Что, минуя все пороги,
Суждено пройти.

Лишь в движении свободном
К истине стремясь,
Со звездой Путеводной
Не нарушу связь,

Связь прошедшего с грядущим
Через сотни лет,

С тем, что стало нашим сущим,
А быть может – нет...

Ах, дороги-недотроги,
Каждому своя,
А в конце дороги дроги,
И на дрогах – я.

Пилигримы*

Вот бредут пилигримы –
К западу ли, к востоку,
Кто-то – к Иерусалиму,
Кто-то навстречу Богу,
Кто-то бежит от власти,
Кто-то спасает шкуру,
Кто-то навстречу счастью,
Некоторые – сдуру,
Бросив свои пожитки
Или оставив семьи,
Кто-то – сильны и прытки,
Кто-то – скопище лени.
Вечно пылят дороги,
Вот бредут пилигримы,
Обивают пороги –
Прокляты и гонимы.
Звёзды над ними светят,
Ветер дует им в спины,
Вечно болеют дети,
Грезятся им чужбины.
Вот бредут пилигримы –
К западу ли, к востоку,
К вечному Иерусалиму –
Нет им ни сна, ни срока.

* Аллюзия на стихи Иосифа Бродского «Пилигримы» (1958).

Дождь, безудержный дождь –
Это дрожь
Облаков, что легли
По-над самой дорогой.
Растревожь ты меня,
Растревожь
Или испепели,
Но не дай добрести до порога.

Дождь завесою сплошь –
Это ложь
Феерических брызг,
Над дорогой летящих.
Прочь меня прогони,
Коль невмочь, –
Всё без жалости вдрызг
В прошлом и в настоящем.

Яков ШАФРАН

г. Тула

Шафран Яков Наумович. Родился в 1950 году. Два высших образования: в 1973 г. окончил Тульский политехнический институт по специальности «Двигатели летательных аппаратов», в 1998 г. – Высший психологический колледж по специальности «Практический психолог». Автор 8 книг стихов и прозы. Публикуется в литературных журналах и альманахах. Лауреат ряда литературных премий. Заместитель главного редактора литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», главный редактор альманаха «Ковчег». Действительный член Академии российской литературы. Член Союза писателей и переводчиков при МГО СПР, Российского союза писателей.

«Где-то там за полями, степями...»

Жёлтый плывёт трамвай,
Синие сыплются искры.
К лету добрался май –
Путь его был не близкий.
Ласточки пишут узор.
Кружево листьев в небе.
Птиц неустанный хор
Сердцу всегда целебен.
Хочется сесть на газон,
Лечь на сухое сено,
Старый увидеть сон,
В юность умчатся мгновенно...
Лето лежит предо мной –
Слышатся вздохи ветра,
Кроя любви волной,
Радость мне дарит щедро.

В разнотравье, как в оправе,
Всей земле окрест сродни,
Средь полей, лугов, в дубраве
Сладкозвучный жил родник.
И к нему шли издалече
Поколения века:
Сил набраться после сечи,
Слушать пенье ручейка.
Здесь прославились святые
Через веру и посты.
Здесь стоят совсем простые
Деревянные кресты.
И хоть тут сплошная стройка –
Нет полей, дубрав, лугов –
Жив ручей – струится бойко,
Жив родник из родников!
Пусть теперь то разнотравье
Лишь в низине теплит взгляд,
Здешних жителей поправит
Он, родник, несущий лад.
И, к нему припав однажды,
Исцелится той водой
И душой, и телом каждый,
Ибо тот родник – святой!

Огненной краской заката залиты
Ближних угодий холсты.
Вяз одинокий в горячей молитве,
Руки воздевши, застыл.

Утра небесное лоно,
Первые светы зари.
Листья колышутся, словно
Ветер легко и любовно,
Ласково им говорит.
Улица в вязах застыла.
Царствует нега, покой.
Лета творящая сила
Землю цветами покрыла
Доброй творящей рукой.
День будет сонным, но ярким,
Ясным, подобно свече.
Роща, уж ставшая парком,
В августе душном и жарком
Дарит прохладу пещер.
Чаща прозрачная неба,
Солнца бокал голубой.
Я выбираюсь из склепа,
Где пребывал ночью слепо,
Падая в самость душой.
Утра небесное лоно...
Час воскрешенья души.
Сердце в добре непреклонно.
Солнце к Земле благосклонно.
Чувствуй, люби и дыши!

Моя Волга

Где-то там за полями, степями
Величавою плещет волной
Постоянно – и днём, и ночами, –
Словно пишет высокой строфой,

Моя Волга, с которой сдружился,
Без которой не жил я ни дня.
С нею рядом трудился, учился,
Каждый миг своей жизни ценя.

И, когда тяжело мне и грустно,
Когда просто бывает невмочь,
Вспоминаю – волною искусно
Уносила ненужное прочь,

Исцеляла водою прохладной,
Живоносною, доброй, святой,
И спокойною ширью отрадной, –
Ведь являешься Светлой Рекой.

Твоим, Волга, навеки останусь.
И от серой от всей маеты
Я стремиться к тебе не устану,
Чтоб поведать надежды, мечты!

Алёна ИВАНОВА

г. Озёрск, Челябинская обл.

Лингвист. Автор 2 книг стихов. Публиковалась в российских и зарубежных литературно-художественных журналах, антологиях, коллективных сборниках. Участница пяти Международных форумов молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья «Липки» (2013, 2015 – 2018). Победитель литературных конкурсов от городского до международного уровня.

«Путь любви»

Пронзительность

Так неотступно юный майский дождь
В ночные окна до утра стучится!
На сердце поднебесья он похож,
Что, разбиваясь, вниз бесстрашно мчится.

И я с мятежным ливнем в унисон
Зову, собрав все силы воедино,
Тебя, мой невозможный лучший сон.
Не верю, что судьба непобедима!

Лечу, сметая грусть, сомненье, страх,
Неистово доверчивой стихией –
Румянец лишь пылает на щеках
Да в небе блещут отсверки сухие.

И – вдребезги! Любовь, ты рядом... Но
Так прочен лёд прозрачный и неталый:
Закрото неприступное окно,
Ты сладко спишь под снежным покрывалом...

Последний шанс на взгляд, на жизнь!.. И в крик
Сливаются пронзительные струи...
Дробят их стёкла в брызги – и твой лик
Всё гуще осыпают поцелуи.

«Любовь моя!..» Бушует вешний шквал
Неразделённой нежности в бездонных
Глубинах сердца. Как он страстно звал,
Терзая капелью сбитые ладони!..

Отчаянно влюблённый майский дождь
В окно ночное до утра стучался...
Но ты не слышал стон, не ведал дрожь
И грёзой в безмятежность облачался.

Приникло солнце ласково к земле,
На миг потупив луч свой ясноглазый:
Осколки слёз на тающем стекле
Сияли, словно влажные алмазы.

Тебя согрел умытый светлый мир
И пробудил от зябкого забвенья.
Ты улыбнулся... Будто сувенир,
Хранило эхо ливня вдохновенье.

Дар губ твоих – не поцелуй мечты,
А лишь улыбка – дуновенье ветра.
Мелеет лужа, в отраженье – ты.
Но ветер счастья стоил этой жертвы.

Откровенность

Смотри. Посмотри на меня сейчас:
На глубь голубую распахнутых глаз,

На хрупкий и трепетный мой силуэт,
На слёзы, что выдал нечаянно свет.

Коснись. Прикоснись, как желаешь сам:
Ладонью по русым скользни волосам,
Бессильную руку сомкни со своей,
Холодные пальцы дыханьем согрей.

Почувствуй меня. Это я. Я здесь.
С открытой душой в ожиданье чудес.
Наивна, растерянна. Нежно любя,
Мечтаю единственной стать для тебя.

Смотри же. Смотри на меня, родной.
Коснись и доверься – мне сердце открой.
Почувствуй наш миг – дольше часа и дня...
Будь счастлив, любимый... не зная меня.

Путь любви

Мне снилось, будто шла иная жизнь
И наши души в вечности венчались.
Они в любви друг другу поклялись
И больше никогда не разлучались.

Нам вовсе ни к чему ломать печать,
Что скрыла мироздания секреты:
Ты смог меня, а я тебя узнать
Средь миллиардов жителей планеты

Не взором – сердцем. В нём живут слова
Той клятвы, что душа произносила.
Пусть превозносит первый взгляд молва –
В исконном чувстве истинная сила.

Давай с тобой, как будто в первый раз,
Единый путь любви начнём сначала.
И возликуют небеса сейчас,
Что в прошлом наши души обвенчали.

Ступая в добрый час из-под венца,
Мы счастливо пройдем и вдохновенно,
Рука в руке, с начала до конца
Времени, столетий, жизнью, лет, мгновений...

А после с наслаждением опять
Найдём друг друга мы, в черты взглядимся.
Нам ниспослали эту благодать!
И в новых воплощениях родимся.

И в каждой жизни встретимся мы вновь,
И будет повторяться неизменно:
Нас сочетает вечная любовь
В любых мирах, галактиках, Вселенных.

Александр ДИВЕЕВ

г. Ртищево, Саратовская обл.

Александр Алексеевич Дивеев родился в деревне Ундольщино Саратовской области. Окончил Саратовский экономический институт. Публиковался в журналах «Волга–XXI век», «Странник» (Саранск), «Новая Немига литературная» (Беларусь), «ДОН_новый» (Ростов-на-Дону), «Наш современник» (Москва), «Приокские зори» (Тула), «Северо-Муйские огни» (Бурятия), «Сибирь» (Иркутск), «Подъём» (Воронеж), «Александръ» (Тамбов), в альманахах «Стрежень» (Тольятти), «Литературный Саратов», «Земляки» (Нижний Новгород). Автор 4 книг стихов. Лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руси-2014». Член Союза писателей России.

«Я напишу о крае том...»

Время

Время испуганной лошадей мчит.
Шоры! Где шоры? О, Боже мой!
И отлетают подковы с копыт.
«Эй, осторожно, прохожие!»

Пух тополиный, как перья от кур.
О, кобылица – красавица!
Бабы собачатся, а на ветру
Ветви деревьев бодаются.

Видимо, так, с ярым блеском в глазах,
Ей в мире Дольнем положено
Мчаться туда, где в зелёных лугах
Можно пастись нестреноженной...

В Храме Души – благодатней огонь.
Боль и обиды – терпимее.
И обнимаю старушку-гармонь,
Словно девчонку любимую...

Бусы

Никогда – бедняжке мне –
Не сбежать из плена,
Где в прудах ромашковых
Солнца по колено,

Где девчонки-ивушки
Косы моют в водах,
Огурцы в пупырышках
Спят на огородах.

Там туманы русы,
Облака в пыли,
И избушки-бусы
На груди земли...

Зорька погасла

Я живу на окраине города.
Это, может быть, и не случайно:
С детских лет рокотанье комбайнов
Мне, в деревне рождённому, дорого.

Вижу редко сторонку я отчую,
Но душой не расстался я с нею.
До сих пор многих слов мне яснее
Жёлтых копен в полях многоточие.

Вновь вечерняя зорька погасла...
Добрый сон в край родимый уводит,
Где в тиши за околицей ходит
Конь стреноженный, масти Пегаса.

В деревне

Бросил вилы да верёвку
На телегу я. И вот

Конь тихонько по метровке
За травой меня везёт.

Не трусит никак быстрее,
Зная, видимо, о том,
Что его я не огрею
Жёстким по боку кнутом.

Я давно в деревне не был.
Не с того ли мнится вдруг –
Голубей здесь стало небо,
Зеленой, в ромашках, луг.

Завтра я покрашу ставни,
Настелю в сарае пол,
Поколю дрова, поправлю
Пошатнувшийся забор.

А сегодня спозаранку
Встал да косу я отбил.
И травы густой острамок
За деревней накопил.

Утомившегося донник,
Как пчелу, привлёк... И вот
По метровке конь тихонько
За травой меня везёт.

Не трусит никак быстрее,
Зная, видимо, о том,
Что его я не огрею
Жёстким по боку кнутом

Настанет день

Мне о деревне написать бы,
Да не идут опять дела.
Ведь в жизни, как гармонь на свадьбе,
Работа во главе угла.

И я секрета не открою:
Работа – хоть ты бодр с утра –
Под вечер выжмет так порою,
Что не до книг, не до пера.

И я не буду горячиться.
Предполагаю: до поры
Листов нетронутых страницы
Сил набирают, как пары.

Настанет день, и над тетрадью
Склонюсь созревшим колоском.
Любви, печали светлой ради
Я напишу о крае том,

Где жизнь ключом бьёт спозаранку,
Свободно водам в берегах,
А мужики на всех гулянках
О хлебе спорят, тракторах...

Слова весомые найду я,
Вот лишь наступит отпуск мой...
Да только снова не пишу я,
А уезжаю в край родной.

Сергей КРИВОНОС

г. Сватово, АНР - Россия

Кривонос Сергей Иванович. Журналист. Редактор газеты «Сватовский вестник».

Член Межрегионального Союза писателей, Международного сообщества писательских союзов. Автор 16 книг стихов (для детей и взрослых). Лауреат Международной литературной премии им. Сергея Есенина (Союз писателей России, 2012 г.), литературных премий им. Николая Ушакова, Михаила Матусовского, Бориса Гринченка, Татьяны Снежиной, Владимира Даля. Победитель ряда международных и всероссийских литературных конкурсов.

«Вдохновенно, в устремленье смелом...»

Васильковое поле. Тропинка.
И ветер шершавый.
Паутинка сединки тревожно дрожит на виске.
И ползёт муравей
по своей муравьиной державе,
А потом по моей утомленной работой руке.

Отчего ж ты, храбрец-муравей,
так беспечно рискуешь,
Вот укусишь меня, и прихлопну тебя сгоряча.
И никто не заметит такую потерю простую,
Нам ли, людям большим,
небольших муравьёв замечать?

Вот укусишь, и сразу
окончится век твой недолгий.
Страшный зверь – человек,
но тебе, видно, страх не знаком,
И толкает вперёд
вечный зов муравьиного долга,
Без которого не был бы ты никогда муравьём.

Люди тоже чуть-чуть муравьи
на огромной планете –
Мы вгрызаемся в мир,
в суете бесконечной живём.
Посреди васильков,
посреди скоротечного лета
Понимаешь, что жизнь –
изначальное счастье твоё.

Вот пополз и второй муравей,
презирая опасность,
По уставшей руке.
И подумалось грустно сейчас,
Что среди муравьёв
есть какое-то крепкое братство,
Но не встретишь подобного
братства, увы, среди нас.

Каждый сам по себе
посредине занудного быта,
Каждый сам по себе,
оттого и на сердце тоска.
Есть среди муравьёв
единящие накрепко нити,
Ну, а нам единящие нити – веками искать.

Поле. Небо. Заря.
Запах скошенных трав освежает.
Золотится простор.
Снова щёлкнул вдали соловей.
И ползёт муравей
по своей муравьиной державе,
И не знает, что он –
лишь частичка державы моей.

Я в дом вхожу... камин... накидки скромные...
Кровать... Во всём заметна экономия...
Хозяйка не спешит разжечь огонь.
И начинает мне про жизнь рассказывать,
В которой – нищеты однообразие,
Хоть выйди на крыльцо и волком вой.

Муж, в общем-то, прилично зарабатывал,
Прилично также выпивал и матами
Её привычно крыл. И вот беда –
Он, обмывая грамоту почётную,
Напился как-то в дрободан, до чёртиков,
Уснул и, оказалось, – навсегда.

Теперь никто не материт сердечную,
А на душе мучительно по-прежнему –
Над каждой копейкою дрожит:
Была сиделкой, трудная профессия,
Но дали оскорбительную пенсию,
С которой только впроголодь и жить.

Скребётся мышь в углу холодной комнаты,
Но что тут огорчаться? Хоть какое-то
Живое обитает существо.
«Я с мышью, – объясняет мне, – беседую,
Когда живёшь одна, кому посетовать
На горькое-прегорькое вдовство...»

И я помог, чем смог, хозяйке старенькой
В неброском доме, бедами обставленном,
Где столько неуютно и тревожно.
Чинил, носил, ворочал и морочился,
Но в доме было столько одиночества,
Что я его преодолеть не смог.

Вдохновенно, в устремленье смелом,
Весело друзей к себе позвав,
Маленький художник хрупким мелом
На асфальте лошадь рисовал.

Прокатилось солнце торопливо,
Наблюдая мальчика игру:
Лошадь розовой была, и грива
Тоже розовела на ветру.

А когда, осев густым туманом,
Над землёю распласталась мгла,
Живописца из окошка мама
Голосом негромким позвала.

Сохли полотенца на балконе,
Звякал ветер дужкою ведра.
А мальчишке снилось, будто кони
Цокали у окон до утра.

Леонид КАРПОВ

п. Кестеньга, Республика Карелия

Член Союза российских писателей. Автор 2 книг стихов: «Давай поговорим» (2013), «Всё просто и всё очень сложно» (2016).
Публиковался в местных СМИ, журнале «Север» (Петрозаводск). Член творческого совета журнала «Северо-Муйские огни».

«...я нынче не тот, что прежде...»

(из новых стихов)

Я говорю себе...

Не верь тому, кто говорит,
мол, это Муза нашептала
ему в ушко, мечтам взамен,
стихи, представленные тут.
Словам, что отливал пиит
из благородного металла,
обычно, груб и толстостен,
предтеча – тигельный сосуд.

В него швыряю я в сердцах
свои тревоги и печали,
страх одиночества и боль
разлук, ошибок и потерь,
и даже если «ох» да «ах»
вокруг и возле зазвучали,
я говорю себе: «Изволь
сказать спасибо, но не верь!».

Поскольку, дабы точно знать,
что чудеса случатся снова,
над рифмой надобно корпеть
и ночь, и день, и круглый год.
Тогда лишь сможет благодать
любовью дышащего слова
нас окрылять, и даже смерть
полёты эти не прервёт.

От 31 января 2023 года

Вот так и мне бы...

Ветрам не ведомы законы,
святы для инертных тел.
Не потому ли благосклонны
они лишь к тем, кто захотел
помчаться вдали под парусами
и дельтаплан направить ввысь,
а после, мол, решайте сами,
нужна ли вам такая жизнь.

Они тасуют в небе тучи,
пасут в волнах девятый вал.
Тропинки их в песках зыбучи,
а бивуак на диво мал.
Миг пробуждения тревожен,
час безмятежности игрив, –
и, словно вынутый из ножен
палаш, опасен их порыв.

Вот так и мне бы, без стеснений,
что где-то кто-то не поймёт,
решившись, как дурак последний,
на непредвиденный полёт,
взглянуть на этот мир оттуда,

где вторит гром моей мольбе,
и в сотый раз поверить в чудо,
и подарить его тебе.

Ты не думай обо мне

Что потеряно в огне, то найдётся в пепле.

(цитата из к/ф. «Великолепная семёрка», 2016 г.)

Ты не думай обо мне –
поправимо горе,
даже если в тишине
всё исчезнет вскоре;
даже если ты одна,
если нездорова,
там, у пропасти без дна,
всё начнётся снова:
будет ветер встрече рад,
ни о чём не спросит,
и утонет синий взгляд
в поднебесном плёсе.
Ты не думай обо мне,
чтобы крылья крепили.
То, что сгнуло в огне –
не отыщешь в пепле.

Губительный вариант

Держись от меня подальше –
я нынче не тот, что прежде:
хожу не в своей одежде
и вижу чужие сны,
и чтобы поверить фальши
похвал, чьи объятья жарки,
мне требуются подарки,
а почести не нужны.

Уже не лечу навстречу
вестям, что сулят победу,
а в ржавом трамвае еду,
да прямо в глухой тупик,
и походя всех калечу,
строча панегирик лестный
о тех, кто упал на рельсы,
поскольку ко мне привык.

По прихоти экс-поэта,
того, кто, возможно, не был
одной из смешных гипербол,
которыми мир богат,
сейчас, прочитав всё это,
признайся себе и ты же:
держаться ко мне поближе –
губительный вариант.

Татьяна СОБЕЩАНСКАЯ

г. Мытищи, Московская обл.

Член Союза писателей России, участник клуба «Московитянка» при ЦДА (Москва) и Мытищинского литературного объединения имени Дм. Кедрина. Автор 2 книг стихов и ряда публикаций в периодике.

«Видно, так уж земная повернута ось...»

Зашуршали жёлтые страницы
Старых книг и чьих-то дневников –
Я пытаюсь в мыслях раствориться
И понять по-своему волхвов,
Что читали судьбы по приметам,
Приносили вовремя дары,
Исчезали и ютились где-то
До известной избранным поры.
Я учусь смотреть на каждый камень
И на жест внимательней судьбы –
У меня в руках и лёд, и – пламень,
И – желанье знать, что впереди.

В концертном зале

Скрипичным ключом открывают сердца
Французов, поляков и немцев...
Прекрасные вальсы звучат без конца,
А также – мазурки и скерцо.
Ожившие тени прошедших веков
Волнуют проснувшийся разум.
Понятным становится плач стариков,
Не видевших внуков ни разу.
Приходит сознание вины и стыда
За все прогремевшие войны
И ставшие пеплом седым города,
Что доли счастливой достойны.
Мир музыки вносит под своды дворца
Возвышенность чувств и стремлений.
Морщины легко исчезают с лица,
И хочется встать на колени.

Тихий вечер.
Кошка дремлет.
За окном фонарь горит.
Жизнь такую я приемлю,
Хоть скромна она на вид.
Где-то там бушуют страсти
Меж людьми.
А здесь – покой.
Дела нет до высшей власти:
Мне достаточно другой.
Я хочу, чтоб пели птицы,
Пахли мята, резеда;
Можно было бы напиток
Из колодца, где вода
Холодна, чиста, как слёзы.
Только их не надо мне...
Машут ветками берёзы,
Пляшут тени на стене.

Подорожник

Подорожник у дороги
Притаился и молчит.
А вокруг – босые ноги,
Камни, щебень и гранит.

Тот гранит – осколки века,
Память сердца и дедов.
Пусть один из них – калека,
А другой – из детских снов.
Всё смешалось в мире нашем:
Правит время перемен,
Пьём беду из общей чаши,
Встать пытаемся с колен.
В небе солнышко играет,
На дороге пыль столбом.
Подорожник понимает
Всё. Но, кажется, с трудом.

Запах жжённых берёзовых веток
Разливался над сонной Окой...
Мне представилось знойное лето,
Левитановский вечный покой.
А ещё – костерок на обрыве,
Две звезды в день рожденья Луны
И блестящие ленточки в гриве
Облаков, где летят скакуны –
Мои мысли (слыхали, конечно,
эту песню?).
Чужие слова,
Но точны.
А природа – неспешна.
Что ей речи пустые молвы?
По законам простым и понятным –
Жаль, не всем –
Совершается круг
Превращений...
Весьма вероятно,
Станет яркой звездой мой друг.

Летний дождь

Дождь преследует нас.
Не даёт ни минуты
Постоять, помолчать –
Подгоняет, шумит
И сердито ворчит целый час, почему-то,
Будто он – старый дед, будто он – знаменит.
Только нам всё равно.
Мы шагаем по лужам,
Отбиваясь зонтом от разнузданных струй,
Выбираем дорогу длиннее и уже;
Но и в мыслях нет слов «прекрати», «не балуй».
И земле хорошо.
Пляшут весело капли
Разудалый канкан.
Липнет платье к ногам.
Стала я чуть похожей на серую цаплю,
Ты – на циркуль.
Смеёмся таким вот делам.
По душе летний дождь и его причитанье,
Нет обиды на то, что промокнуть пришлось,
Что совсем непростым оказалось свиданье.
Видно, так уж земная повернута ось.

Владимир СПЕКТОР

г. Луганск, ЛНР – Россия

Почётный председатель правления Межрегионального союза писателей.

Автор более 20 книг стихов и прозы. Лауреат ряда международных литературных премий. Член Исполкома Международного сообщества писательских союзов и Президиума международного литературного фонда.

«Завтрашний воздух...»

Дым воспоминаний разъедает глаза.
Память о доме, как воздух, закачана в душу.
Дом пионеров. Салют! Кто против? Кто за?
– Ты ведь не струсил поднять свою руку?
– Не струшу.

Трусить – не трусить...
Любишь вишневый компот?
Помнишь рубиновый цвет и обманчивость вкуса?
Память с трудом отдаёт. Но, зато как поёт...
Дым превращая в дыханье.
А минусы – в плюсы...

Время меняет адрес,
среда переходит в четверг.
Мир, май, июнь –
потеряны календарём.
Визитки прошлых героев
под ветром – то вниз, то вверх.
Вниз, без виз, где время кричит:
«Старьё берём!»
Кажется – всё внезапно,
но время смеётся в ответ.
Память ищет на свалке
своё барахло.
Время меняет адрес,
но нет его, нет его, нет...
И поле вчерашних снов
быльём поросло.

От прошлого не в восторге.
Что в будущем? Нет ответа.
Разведчик товарищ Зорге
Погиб. И доклада нету.
А радио говорило
И даже предупреждало:
Настанет время дебилов.
Хотя их всегда хватало.

Ларисе Миллер

А ради чего, объясни,
сквозь пальцы текут эти дни,
Еще объясни мне, куда
текут они, словно вода.
И что ожидает всех нас
в тот самый неведомый час,
Когда вдруг отключится свет –
и вот уже времени нет
Для тех, кто уходит во тьму.
Куда и зачем – не пойму...

Как будто карандаши,
Рассыпались дни и недели.
Поспали, попили, поели...
Но сердце спешит. Спешит.

И как мне их всех собрать,
Друзей, что рассыпались тоже
Средь старых и новых бомбёжек,
Хотя бы в свою тетрадь.

Собрать карандашный цвет,
Он звался когда-то «Мистецтво»,
Раскрасить дорогу, как детство,
Как счастья бывшего след.

На берегу чужой реки
Сижу и жду своей погоды.
Но проплывают только годы,
Как междометья вдоль строки.

Уйти? Могу и не могу.
И слышу, как она смеётся,
Собою заслоняя солнце,
Чужая тень на берегу.

Завтрашний воздух –
в отсеках стальных облаков,
Завтрашний мир –
как дыханье воздушной эскадры.
Завтра узнаем, возможно,
расскажет Песков,
Что там за тайны
в небесном прогнозе на завтра.

Завтрашний воздух –
дышать им не передышать.
Даже когда от прогнозов
бессовестных плохо.
В завтрашнем небе парит,
как всегда хороша,
Сладкая вата ещё непочатого вдоха.

На окраинах воздух свежей,
На окраинах дышится легче.
Там «Ещё», позабыв про «Уже»,
Беззаботно шагает навстречу

Дню и ночи, не думая впрок,
Кто удачливей – принц или нищий?
Тот – не близок, а тот – не далёк...
Ну а воздух – действительно чище.

Светлана АНИНА

Северомуйск, Бурятия

Член Союза писателей России. Автор книг «Рвутся наружу крылья», «Сказка про садовника», «Я в руках его несу...». Публиковалась в журналах «Наш современник», «Сибирь», «Аргатак-Татарстан», «Дарьял», «Северо-Муйские огни», «Доля», «Белая радуга», «Иркутский альманах», «Нижегородский альманах «Земляки»», «Сибирячок», «Книжки, нотки и игрушки для Андрюшки и Катюшки», в коллективных поэтических сборниках «Иркутск. Бег времени», «Слово о матери», «Жизнь – дорога, ведущая к храму», «Каменный цветок», «Праздник для друзей».

«В нескольких мгновеньях от весны...»

Обмануть меня не сложно –
То победа не большая.
Что правдиво и что ложно –
Что дают, то и вкушаю.

Мир такой: то чёт, то нечет,
То смеётся, то рыдает.
Сердцу не противоречит
Переменчивость такая.

Я боюсь, что в мутном стоке,
Дам такой беде случиться:
В человеческом пороке –
Просмотрю добра частицу.

День прошёл, а покоя нет:
Всё ли сделано так, как надо?
В мыслях жалоб чужих тирада.
В полночь в комнате тусклый свет.

И не спится, и проку чуть
От похода к столу с дивана.
К заповедной мечте желанной
Оказался нелёгким путь:

Где-то в будущем город-сад,
Улыбающиеся люди...
Да конечно всё это будет!
Не бывает пути назад!

Месяц в небе, как тот оскал...
Боже, я о другом просила!
Только... может быть, в том и сила –
Подниматься... когда упал.

За облаками –
Наш вечный дом.
Он не дряхлеет,
Не копит пыли.
А мы не помним
С тобой о том,
Какими раньше
Когда-то были.

А здесь сегодня –
Всё суета.
Но – хризантемы
В кулке бумажном.
Мне ближе белый –
В нём все цвета.
А что за праздник –
Не так уж важно.

74

Мне б только верить,
Что всё не зря.
Одаришь взглядом –
Уж я и рада,
Ведь в каждом взгляде,
По сути, – я!
А мне иного
Не много надо:

Дойти до дома,
Обнять кота,
Придумать песню
И стать счастливой,
Поняв, что это
И есть мечта –
Любить любимых
И жить красиво!

Вера

Как велик ты и милостив, Боже!
Как ничтожен и мал человек!
Пусть мне силы мои приумножит
Вера – твой дорогой оберег!

Постигая азы мирозданий,
Легче с этим подарком пройти
Жизнь – прививку любви и страданий
Для любого исхода пути.

Море истин испито до донца.
Спор о сути – бессмысленный спор.
Для кого-то и лампочка – солнце,
И горящая спичка – костёр.

В нескольких минутах от беды...
Сделать шаг или сойти с дороги?
Так и так рискую очень многим.
В нескольких минутах от беды...

В нескольких секундах от... себя...
В стороне стою и наблюдаю,
Как свою судьбу сейчас пытаю.
В нескольких секундах – от себя.

В нескольких мгновеньях от весны,
Что теплом играет и лучится...
Что должно случиться – пусть случится
В нескольких мгновеньях от весны.

Александр КОБЕЛЕВ

п.г.т. Новонкутск, Иркутская обл.

Кобелев Александр Афанасьевич – член Союза писателей России. Дважды лауреат международного поэтического конкурса «Звезда полей». Автор 6 книг стихов. Член творческого совета журнала «Северо-Муйские огни».

«Хашхайский ветер...»

Воробьи

Воробьи – осторожные пташки.
Подружился я с ними давно.
И сегодня я в лёгкой рубашке,
как всегда, выношу им пшено.

«Собирайся, народец мой малый!»,
Сыпанул и – в квартиру скорей.
Ведь сегодня мороз небывалый,
испытанье для птиц и зверей.

Я могу распахнуть им окошко:
«Залетайте, опасности нет!
В тёплом лете побудьте немножко».
И конечно, услышу в ответ:

«Чик-чирик! И хоть мы замерзаем,
всё же лучше остаться в зиме.
Чик-чирик! Человек, мы не знаем,
что сейчас у тебя на уме».

Ветер

Ветер кружит снежной крошкой,
и луна уже не светит.
Ничего нет за окошком,
только ветер, только ветер.

Штору сонную отдёрунув,
я смотрю, как кружит ветер,
словно чёрную ворону
целлофановый пакетик.

Как тоскливо, одиноко!
Словно я один на свете.
Всё пройдёт в мгновенье ока,
пролетит, как этот ветер.

Я без памяти жил что ли?
Как я жил? Я не заметил.
На душе как в чистом поле
только ветер, только ветер.

За Украину!

– Реве та стогне Днипр широкий,
сердитий витер завива –
звучат шевченковские строки,
звучат бессмертные слова.

Под украинским небом чистым
вновь потерял Днипро покой.
От доморощенных нацистов
нет нынче жизни никакой.

И вот под знаменем Мессии,
сорвав врагов преступный план,
простые парни из России
пошли на выручку славян.

Чтоб к тем опять вернулись лица
уже забытые давно.
На прапорах чтоб был Хмельницкий,
а не Бандера и Махно.

Чтоб в дружбе братской и старинной
звенело вновь в людской молве,
что «еще не вмерла Украина!»
и что «Россия хай живе!».

Да, Украина не Россия,
я с этим спорить не берусь,
но вместе мы не просто сила –
Единая Святая Русь!

Напутствие

Тревожный двадцать первый век.
Сидел, писал я эти строки,
когда шестнадцать человек
увёз автобус в край далёкий.

Дорога приведёт их в бой,
но нам знакома та дорога,
сибирякам ведь не впервой
громить нацистов-бандерлогов.

Да, далеко от нас Донбасс,
там и условия иные.
Но этот край родной для нас,
и люди там для нас родные.

А ночью примечталось мне
сквозь пелену ночной печали,
что все вернулись по весне,
все, что сегодня уезжали.

Вернулись, как сошли снега.
Цветёт, солдат, твоя глубинка.
«Привет!» – тебе журчит Унга,
и «С возвращеньем!» – Заларинка.

Хашхайский ветер вам поёт,
наперебой кричат пичуги,
и вас встречают у ворот
детишки, матери, подруги.

Но это всё пока мечты.
Не забывай, солдат о многом,
а главное – Откуда ты.
Удачи вам, ребята! С Богом!

Анатолий АРЕСТОВ

г. Рубцовск, Алтайский край

Анатолий Арестов родился 19 июня 1985 года в Рубцовске. С 2003 по 2007 гг. учился на агрономическом факультете Пензенской государственной сельскохозяйственной академии. Публиковался в журналах «Юность», «Приокские зори», «Традиции & Авангард», «Северо-Муйские огни». Автор книги стихов и эссе «В потоке поэзии».

Однажды чиновник...

(Поэма)

Однажды чиновник российский отважный
 пустился на подвиг великий и важный...
 Сидел в кабинете уютном, красивом,
 стол возвышался дубовым массивом,
 кресло из кожи, как в лучших домах,
 вновь приходивших вводившее в страх.
 Утро обычное – гложет тоска
 тяжестью белой немного листка!
 Сухость печатных, заученных фраз,
 вмиг надоела, как старый рассказ.
 Мысль озарила чиновника светом:
 «В люди иди за реальным ответом!
 Истину знает тот, кто живёт –
 наш деревенский, российский народ!»
 С целью конкретной пошёл до народа –
 выводы сделать казённого рода:
 кто же остался землю пахать,
 землю-кормилицу – русскую мать?
 Кто проживает в российской глуши –
 месте поэтов, в раздольной тиши?
 Цифрам в бумагах не верил бездушным,
 в толстенькой папке едко мелькнувшим,
 числа увесисто били в глаза –
 всё распрекрасно, как Божья роса!
 (Сборы в дорогу не главная суть,
 что же, читатель, не обессудь!)
 Идёт человек по разбитой дороге,
 устал и вспотел – несёт еле ноги,
 походный рюкзак за широкой спиной –
 это чиновник наш дорогой!
 Долгое время, бедный, в пути.
 Вечер. Темнеет. Поле пройди
 нужно до ночи. Найти уголок
 с мягкой кроватью в положенный срок.
 Ниже, за полем, курился дымок –
 пункт населённый Раскидистый Лог.
 Силы последние стиснул в кулак
 и по тропинке, где вился овраг.
 Лог небольшой – двадцать домов,
 с края овраг, похожий на ров,
 злобной крапивой зарос, ивняком,
 поле распаханно чёрным пятном –
 плоско лежит на туманной равнине,
 нету на свете печальней в помине...
 Мысли возникли внезапно извне:
 «Наши крестьяне богаты, вполне,
 но на бумаге. Твориться же что?
 Избам гниющим, лет так под сто!»
 Дошёл до забора. В попавшийся двор
 калитку открыл, завязал разговор
 с седым мужиком, разбиравшим детали.
 (Путника ноги совсем не держали.)
 Работал в селе тракторист Николай,
 трудился упорно – построил сарай
 из старого тёса – фермер продал,
 вот Николай и вложил капитал.
 – Доходы у нас не в больших городах,

сегодня имеешь, завтра в долгах!
 Село государству, скажем, обуза,
 нынче попкорн, а была кукуруза.
 Увёз на продажу гусей и корову,
 кредит погасил, оформили новый –
 квартиру снимают дети мои,
 мы не учились, закончат они.
 В люди пробьются, станет легко,
 жаль от меня уж они далеко,
 – грозно нахмурился, трёт подбородок. –
 Крепок народ. Народ-самородок!
 Вот посевная – работы полно,
 это не в городе жить, как в кино!
 Трактор сломался – деталь изнасилась,
 где я достану, скажите на милость?
 Старой обмотки медная нить,
 да изолента. Можно и жить.
 Голь же на выдумку наша хитра,
 сделает просто за ночь до утра!
 Видишь старушка? Спроси про ночлег,
 женщина добрая, эх, человек!
 (Договорились. Ночлег обеспечен.
 Впрочем, народ весьма человечен.)
 Трактор гудел с печальным надрывом,
 копотью чёрной, дымя над обрывом,
 в поле родное летел Николай.
 Пик. Посевная. Весна. Месяц май.
 Соседка – старушка махнула рукой:
 – Что ты стоишь? Заходи, дорогой!
 Борщом накормила, достала варенье,
 в банках различные чудо-соленья,
 тихо рассказ завела о судьбине.
 (Путник, наевшись, сидел на перине)
 – Что говорить? Родилась я в селе,
 с парнем сошлась по зиме в феврале!
 Пожили немного – случилась война...
 Призвали на фронт. Осталась одна.
 На совесть работали! Всё на горбине!
 Кормили страну... Нет уж в помине!
 Сын появился на радость мою,
 больше, чем жизнь, родного люблю.
 Мужа убили – пришло извещение,
 словно в тумане это мгновенье.
 Ночью печалюсь, печалюсь и днём,
 надо бы жить, вот и живём!
 Всплакнула старушка о давних годах,
 горе великое в мокрых глазах.
 Война не щадила, не шла стороной,
 каждый попал незримо на бой!
 – Помню, конечно, жуткие дни,
 бой вдалеке и сверкают огни...
 Ратно трудились – по двадцать часов,
 деться-то некуда – нет мужиков!
 Кончилась страшная, злая война,
 пыль оседала, вставала страна.
 Вырос сынок, забрали в войска,
 снова одна, снова тоска.
 Так и живу потихоньку на месте,
 слава всё Богу, с молитвою вместе,

жизнь пролетает, как искры костра,
ладно, устал ты, ложиться пора!
Солнце вставало. Красоты природы
луч обрамлял. Небесные своды
синей вуалью неслись над землёй.
Путник, проснувшись, заметил покой
без беготни, городской суеты,
вечное небо – небо мечты!
Быстро одевшись, пошёл по селу,
выспросить фермера, что да к чему?
Путь по прямой не так уж далёк,
правда ухабы, грязь и песок.
Едет машина – советский «УАЗ».
– Эй, подвезти?
– Спасибо. Как раз!
(Путник устроился враз впереди,
как не хотелось пешком-то идти!)
– Мне расскажи о Раскидистом Логе,
о производстве, где же дороги?
– Будем знакомы. Игнат агроном,
я непосредственно связан с зерном.
Сеём неплохо, влаги запас
почва имеет. Единственный шанс
не упустить до скорой жары,
чуть отдохнём и уйдём на пары!
Ферма не крупная. Здесь не соврёшь.
Сеём пшеницу, овёс, да и рожь,
рядом коровник на сотню голов,
корм силосуют, телятник готов.
Денег скопили – нужен ремонт,
шифер – надёжный, проверенный зонт!
Техника старая, ветхая, вот,
что «Беларус», что «К-700».
Выдали крохи соляркой, конец!
Что за чиновник? Эх, молодец!
Фонд для села – федеральные деньги,
фермеру кинули только копейки,
спрятал, наверное, сумму в карман,
а для крестьянина? Тишь и туман?
Надо его на трактор, пахать!
Просто бесстыдник, эти ж его мать!»
(Путник, задумавшись, вжался в сиденье,
что-то пропало бывшее веселье.)
– Что рассказать? Да живём, как везде!
Мы с перестройки в большущей беде!
Всё развалилось: колхоз и совхоз,
фермер дотацией малость подрос,
но урожай, как всегда, маловат,
я агроном – я виноват!

К ферме подъехали – дальше поля.
Всё, как всегда, начинаем с нуля!
– крикнул Игнат, и «УАЗ» покатил...
Сколько потрачено, вложено сил!
Веский, по-моему, был аргумент
– есть АПК, но в итоге и нет!
Вспомнил он снова цифры, отчёты,
умные люди, составив расчёты,
точно решили – такой капитал
снимет с села нависший аврал.
Но не сходились ни цифры, ни планы,
с тем, что творилось – живой панорамой.
Всё было ясно, узнал он немало,
видел воочию – всё погибало.
Путник направился в степь, напрямик.
«Что же такое? Таинственный миг

– канули сёла? А может, сгубили?

Вспомнилось детство: старенький дом,
шифер на крыше, обтянутый мхом,
стены саманные в белой извёстке,
тропку закрыли сосновые доски,
в домик ведущие добрых гостей,
ящик почтовый для новых вестей
ржавчиной съеден годы назад!
Местной газете дедушка рад –
тихо читал, прислонившись к печи,
бабушка стряпала там калачи,
вкусные были с парным молоком
– Кушай, внучок, поиграешь потом!
– мысли жужжали – не пойманный рой...
Годы далёкие вспомню порой:
где беззаботное, милое детство,
рыжей девчонки весёлой соседство?
Бегали вволю навстречу ветрам...
Память вернула к забытым годам –
путник задумался: «Был молодой!
Помню деревню, колхоз мой родной,
жизнь проходила в счастливой поре,
в городе шумном живу как в норе!
Денег хватает построить домишко,
выкуплю ферму – остались излишки,
сад разобью, займусь пчеловодством,
теплицу построю, моим руководством
станет доволен народ, да и сыт...»
Семь лет пролетело. Душевный конфликт
был воплощён в сотню идей:
Лог разрастался – триста семей
дружно работают, платят налоги,
новым асфальтом покрыты дороги,
чистые, тёплые, краской горят
дома небольшие ровнёхонько в ряд!
Поля колосятся пшеницей отборной,
теплицы раскинули крылья проворно,
пасутся на травке весенней и сочной
коровки породы мясомолочной.
Вернёмся к героям давно нам известным,
судьба их, наверное, всем интересна:
новенький трактор водил Николай,
с радостью видел – растёт урожай!
Выше зарплата – жить весело!
Дети в родное примчались село:
дочь – медсестра в местной больнице,
сын – инженер, успевший жениться,
бабушка празднует ровно сто лет –
всех позвала к себе на обед!
Работа нашлась, впрочем, для всех,
Игната настиг долгожданный успех –
заслуженный нынче он агроном!
(С печатью имеется нужный диплом!)
Путник-чиновник ушёл из «кабмина»,
русская печь дороже камина
стала чиновнику в тысячу крат –
умер в душе вековой бюрократ
и... человек появился на свет
по истечении множества лет!
Людам помог, отрезвился душой,
все говорили: «Он же герой!».
Вечное небо вновь голубело,
ветер степной освежал то и дело,
там, впереди, разноцветное поле
всем нам знакомое, всем дорогое...

Сергей ПОДОЛЬСКИЙ

г. Уфа, Республика Башкортостан

Подольский Сергей Викторович – горный инженер, член Союза российских писателей. Лауреат и дипломант ряда российских литературных конкурсов. Участник лито «Рассветная звонница» (Тверь), «Родник» (Смоленск), литературного сообщества «Литкузница» (Самара). Автор 6 книг стихов.

«Всё повторится, как и прежде...»

Старая фотография

Мы жить с тобой спешили,
И многое смогли.
Дороги проложили
Во все концы земли.
Всё скрыло время в дымке,
И близится финал.
На этом старом снимке
Друзей своих узнал.
Мы там ещё подростки,
Ещё полны идей,
Стоим на перекрёстке
Неведомых путей.
Я дружбе свято верю!
Вновь, прошлое, вернись!
За встречи и потери
Тебе спасибо, жизнь!

Незнакомка

Манит, застыв в музейной раме,
Известный всякому портрет.
Сам Блок бессмертными стихами
Воспел классический сюжет.
Загадочной красой блистая,
Являешься из тьмы ночной.
О, Боже! Женщина какая!
Когда-то встреченная мной.
Вспорхнули пуганую птицей,
Изгибы чёрного крыла,
Густого бархата ресницы,
Когда свой взгляд ты подняла.
И этот взгляд обжёг, как пламя!
Вспылал костёр в душе моей.
А притяжение меж нами
С минутой каждой сильнее!
Сулила сладкую погибель
В перчатке кружевной рука.
А стана стройного изгибы
Скрывали тонкие шелка.
Уходишь от меня к другому
Дорожкой лунной, не спеша.
Знакома мне? Иль незнакомка?
Но всё же дивно хороша!

Непрошенный гость

Когда-то такое случится:
Осыплется красная гроздь.
Рябиновой веткой стучится
В окно к нам непрошенный гость.
По этой, наверно, причине –
Хотя ты ещё не привык –
Всё реже окликнут «Мужчина!»,
Всё чаще услышишь «Старик!».

Всё глуше становятся звуки,
Всё больше тускнеют цвета.
В предчувствии скорой разлуки
Наполнила грудь пустота.
Такое ничем не залечишь,
Нам время приходит терять!
Иные сегодня далече,
А многих, увы, не позвать.
И память, проснувшись, ночами
Утешить как нас – не найдёт,
Подушку намочит слезами,
Негромко прошепчет: «Пройдёт...».

Сизифов труд

Ведёт наверх нелёгкий путь.
Тропа петляет под ногами.
Глотнуть бы воздуха чуть-чуть.
О, как тяжёл проклятый камень!
Сизиф! На миг остановись!
Бесславна роковая ноша.
Ведь непременно снова вниз
Богами камень будет сброшен.
Зияет мрачно за спиной
Ущелье ненасытной пастью.
Мы – братья по судьбе с тобой!
Или собратья по несчастью?
Как сладок мой солёный пот!
Толкаю в гору камень снова.
Кто шёл к вершине, тот поймёт,
Что нет туда пути иного.

Кораблик жизни

Нам в бренном мире не остаться.
Одно лишь греет нас сердца:
Нас сменяют те, кому шестнадцать,
Продолжив путь наш до конца.
Уж так заведено на свете:
Всем испытаниям назло
Вполне окрепли наши дети,
И внуки встали на крыло.
Легки, бесплотны, невесомы,
Глядим, как в миллионный раз,
Сплетясь в цепочку, хромосомы,
Как прежде, повторяют нас.
Кораблик жизни уплывает
Прочь. Выбираем якоря,
Себя в потомках узнавая
И небеса благодаря.
Всё повторится, как и прежде:
Сады цветут, шумят поля.
А жизни океан безбрежный
Качает колыбель-Земля.

Николь ВОСКРЕСНАЯ

г. Владивосток

Николенко Анастасия Алексеевна. Родилась 10 апреля 1990 года. Кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и права ВГУЭС. Член Союза писателей России. Автор 4 книг стихов. Публиковалась в ряде российских литературных журналов и альманахов, в том числе журнале «Северо-Муйские огни» (№3/91/2022), китайском журнале «World poetry» (09.2022). Лауреат и дипломант городских и всероссийских литературных конкурсов (2007 – 2016). Лауреат-победитель международного литературного конкурса «Петроглиф» (в номинации «Поэзия», 2022), Республика Карелия (Петрозаводск).

«Милые призраки...»

Волна перестала верить колыбельным.
А значит, скоро развязка,
а значит, скоро похмелье,
и зыбко в воде и вязко.

«Познай и испробуй всё!
И я тебя вознесу,
как чёртово колесо,
пожар, что возносит листву».

Вода не волшебное зелье,
а чёрный горчащий яд.
Принять её за веселье,
и не повернуть назад.

Решившийся в зыбь ступить,
три вечности будет петь,
пытаясь её усыпить
и телом своим согреть.

«За искру твоей души
я выплачу всё сполна.
Не бойся, малыш, не спеши,
и пой для меня без конца».

Красный шарф – распоротое горло,
кровь речей не остановить.
То, что так подвластно и покорно,
нет, уже ничем не заменить.

Хочешь выстрел? Я тебе добуду,
пусть слова взорвутся как тротил.
За любую краткую секунду,
нет того, кого б не укротил,

нрав твой, трепетом излиться,
на гранитный и безмолвный пол,
и гранит дрожит и крошится граница,
и подвластно всё лишь воле волн.

Половину июля блокнот пуст.
Смутное чувство тревоги,
заучив одно наизусть:
«Для войны хороши все дороги!».

И внутри закипит металл,
само море проникнет под кожу.
Стальной сотней холодных жал
растревожит, поверь, растревожит.

Что таилось, не дало спать,
обрывая сон или вздох.
Море хлынет из-под оков,
море хлынет опять волновать.

«Голос должен чуть-чуть дрожать».
Растеряв по дороге ужимки,
ощущение счастье и шарф,
помню только цветные картинки.

В памяти всплывает силуэт корабля,
в голове ничего за пределами то же.
«Поступай как тебе велят»,
вдоволь радости и в голосе дрожи.

Но сломался внутри суфлер,
в голове автоответчик.
Праздник, праздник, и ты король,
который не помнит поздравительной речи...

В августе чувствовать осень затылком,
приближающийся холод и смуту.
Серый наползает на красный, пустой бутылкой
ветер бьёт о песок как будто.

Храма нету лучше, чем жизнь.
Не раскаивайся, не говори.
Осень нужно ещё заслужить,
глаза гаснут как фонари.

В шесть утра, тело – конструктор,
Дом – саркофаг с мощами вещей.
Регенерация смыслов, дело минуты,
хвостом ящерицы отпадает
необходимость освещения.

Милые призраки – белый клин, шахматный пол,
разряди до конца пистолет.
Время волнами бьётся о мол,
отступает, ударит и снова в побег.

В чёрно-белой хронике кто,
заменял все фигуры в анфас.
Там фигура стоит в пальто.
Всё стирает свинец от дыхания до гримас.

Наползает серый на цвет,
жизнь лишь спичка в подвальной мгле.
Там на фото таких уже нет,
пол, прибой, силуэт на окне...

Поэтические посвящения Журналу.....

Александр КОБЕЛЕВ

п.г.т. Новонкутск, Иркутская обл.
Член Союза писателей России.

Северомуйский вечер

Мой милый край, мой край безбрежный,
Ты и суровый край, и нежный,
Зелёный край и белоснежный,
Храни, Господь, тебя, храни.
... Последний свет с зарёю тает,
На рельсах звёздочка мигает,
И вечер тихо зажигает
Северомуйские огни.

У нас свой мир на самом деле –
Своя жара, свои метели,
Свой даже свет в конце тоннеля.
Не веришь – приезжай, взгляни.
А вечер всё темней и глуше,
Лишь стук колёс покой нарушит,
И снова тронут наши души
«Северо-Муйские огни».

Наш журнал не так-то прост,
На других мы не похожи.
Мы растём, и явный рост
Вызвал критику пострее.

Мы всю критику учтём,
Всю, от доброй и до строгой,
Но пойдём своим путём,
Нами выбранной дорогой.

И сегодня, как вчера,
Мы, писатель и читатель,
Будем строить мир Добра.
Да поможет нам Создатель.

Татьяна ТИТОВА

п.г.т. Таксимо, Бурятия

Журналу «Северо-Муйские огни»

Из души все эти строчки
Написала их для Вас.
В продолжение нет точки,
Буду радовать не раз.

Ведь поэзия прекрасна,
Ею дышишь и живёшь.
С ней всегда надёжно, ясно,
Все ей мысли отдаёшь.

Ваш журнал все любят, знают,
Ведь стихи всегда важны,
Пусть талантами сверкают
«Северо-Муйские огни»!

Юрий КОНЬКОВ

г. Иркутск

О журнале «Северо-Муйские огни»
(Песня)

Журналы, будто чудо-птицы,
Имеют крылья не одни.
Нам больше всех из них сродни,
Нам больше всех из них сродни
«Северо-Муйские огни»!

Хотя журналы молчаливы,
Привлечь людей смогли они.
Нам больше всех из них сродни,
Нам больше всех из них сродни
«Северо-Муйские огни»!

Журналы радуют и учат,
Светлей и краше с ними дни.
Нам больше всех из них сродни,
Нам больше всех из них сродни
«Северо-Муйские огни»!

Геннадий АСТРАХАНЦЕВ

г. Ангарск, Иркутская обл.

Фотография

Журналу «Северо-Муйские огни»

Вид сибирской тайги на обложке журнала:
Вижу дичь и зверьков, и багульника цвет,
Ручеёк у ольхи – бурной речки начало,
Котелок над костром и таёжный рассвет.

Тропка тянет в гольцы через пни и коряги,
По упавшей сосне над ущельем ведёт.
Через россыпь камней есть пологий распадок,
Где таёжные клады медведь стережёт.

Даль зелёного моря сливается с небом.
В кедраче сувенирные шишки висят.
Озорной «верховик» тихо кроны тербит,
А стволы, словно струны, о вечном звучат...

Я гляжу в эту даль, но усталые ноги
Буреломом таёжным уже не несут.
Только взглядом по фото иду за отроги,
Где охотничий дом кедрачи стерегут.

Март 2012

С юбилеем, мой журнал,
Разлетайся по планете!
Верь, тебя – каким ты стал –
Любят взрослые и дети!
Новых творческих удач,
Смелых дерзких обновлений,
Точных, грамотных решений

Всех поставленных задач!
Проза, критика, эссе
И поэзия – как песня,
Словно спицы в колесе,
В мир тебя выносят вместе.
Редколлегии – ура!
(Прочь болезни и невзгоды!)
Душ настырная порода
Свалит всё без топора!
С юбилеем Вас, друзья!
Покоряйте всю планету,
И пополнится семья
Теми, кто стремится к свету!

Галина МИРОШНИКОВА

с. Усть-Муя, Бурятия

Редакции журнала «Северо-Муйские огни» посвящаяю

Красноречивостью пленили,
Своё внимание уделили.
За это рады помогать –
Наш журнал распространять,
Досуг свой проводить часами
С «Северо-Муйскими огнями»!
Страницы стоит полистать,
Всегда найдёшь, что почитать:
Есть публицистика и проза,
От критики в душе заноза,
Главный редактор подтвердит,
Что и в стихах он эрудит,
Поэзия кипит живая,
Своим дыханьем вдохновляя,
Как ручеек журчит рассказ,
По настроенью, в самый раз!
Сатира блещет удалая,
Пороки, остро обличая.
Вся информация важна,
Здесь и реклама не нужна!

Галина КОМАРОВА

г. Темрюк, Краснодарский край
Член Союза российских писателей.

Северо-Муйские рассветы

*Посвящается издателям и всему творческому
коллективу журнала «Северо-Муйские огни»*

Журнал скрепляет узы братства
И приглашает нас в полёт,
Друзьям, как эхо, откликаться,
Достичь невиданных высот.

Северо-Муйские рассветы,
Северо-Муйские огни –
В сердцах содружества поэтов
И в ритмах музыки они.

Поэт живёт мечтой единой,
Он твой соратник, друг и брат
Родник души неотразимой,
Как Дева-Муза чист и свят!

Порыв к вершинам вдохновенья,
В гирляндах розовый рассвет,
Прекрасных дум и рук творенья –
Как мая праздничный букет!

Северо-Муйские напевы
Разносят ветры по стране.
Под клич журавушек и трели –
И отзвук музыки во мне.

24.11.2015

Николай КУЛЬГУСКИН

г. Семипалатинск, Казахстан

Из Северо-Муйских далей
братья нам привет послали.
Осветили наши дни
Лучезарные Огни.

Я смотрю в лицо журнала
И в объятиях Байкала
Красотой его пленён,
Ощущаю нить времён.
.....

Широка душа поэта,
Свет не прячет под замок.
Не сдержат ничьим запретам
вдаль летящий огонёк.

Братья северомуйчане,
В край нетающих снегов
Вам сияньем отвечаем
«Прииртышских огоньков».

Юрий БУРОВ

г. Санкт-Петербург

«Северо-Муйские огни» (Песня)

По свету разбросало нас ребята.
Как далеки проходки жаркой дни.
Но дружба БАМовская – она свята,
И к ней зовут «Северо-Муйские огни».

Припев:
Огни горят в журнале нашем ярко
И греют нас и тысячи сердец!
А для меня дороже нет подарка,
И это – дружбы БАМовской венец.

Читают в Питере, читают в Красноярске,
Читают даже у таёжного костра.
Слова страниц и веселы и ярки,
А мысль их красива и быстра.

Припев.

Пройдут года, и станем мы седые,
И к вам осенние придут когда-то дни.
Но, вспомнив наши годы молодые,
Увидим вновь северомуйские огни.

Сергей ЧЕПРОВ

г. Темрюк, Краснодарский край
Член Союза писателей России.

«Огней так много золотых...»

Вот мне привиделось на днях,
Словно от края и до края,
Чуть засмеркается – в «Огнях»
Встаёт страна моя родная.

С «Сибирскими огнями» в лад
«Огни над Бией» вспыхнут разом.
И, продолжая звездопад,
Сверкнут вдали «Огни Кузбасса».

«Огней» так много в мире этом,
Но только ближе мне одни –
Своим теплом и дивным светом –
«Северо-Муйские огни».

Февраль 2015

Николай ЕРЁМИН

г. Красноярск
Член Союза писателей России (Союза писателей СССР).

Юбилейное посвящение

*Журналу «Северо-Муйские Огни»
И лично Татьяне ЛОГИНОВОЙ и Виталию КУЗНЕЦОВУ*

Журнал «Северо-Муйские Огни»
Стал для меня
В конце тоннеля светом...

Всех, Господи,
Спаси и сохрани,
Кто здесь себя почувствовал Поэтом!

И всех,
Кто на издание каждый раз
Находит в сердце Золотой Запас!

Татьяна СОБЕЩАНСКАЯ

г. Мытищи, Московская обл.
Член Союза писателей России.

Хороший журнал

«Северо-Муйские огни»
Порою скрашивают дни
Тревог, несбыточных желаний,
Таких, как ёжики в тумане.

Рассказы, очерки, эссе
Представлены во всей красе
И разлетаются по свету.
Люблю, признаюсь, прозу эту.

А поэтические строки!
Вполне удачные уроки

Любой читающий получит,
Коль жизнь унылая наскучит.

Прекрасный авторский журнал
Звездой путеводной стал
Для тех, кто ищет вдохновенья
И «дум высокое стремленье».

11.03.2023

Наталья ЯЧЕИСТОВА

г. Москва
Член Союза писателей России.

«Северо-Муйские Огни»

Жизнь не чуждается противоречий:
К «Северо-Муйским Огням», словно к печи
Тянутся люди. И будут согреты
Искренним словом, тёплым приветом.

Открой журнал, полистаешь страницы –
И сердце забьётся радостной птицей.
Проза, раздумья, стихи, размышленья –
Всё это приносит душе утешенье.

Средь гор неприступных и дикой природы
Сияют «Огни» драгоценной породы.
И нет никаких тут противоречий:
Наполнен журнал любовью сердечной.

14.03.2023

Лев РЯБЧИКОВ

г. Симферополь, Крым
Председатель Правления Крымского регионального отделения
Литературного сообщества писателей России. Президент
Крымской литературной академии им. Ю. В. Бондарева.

«Огней» свеченье

«Северо-Муйских огней» свеченье,
Как сияние Муз на Парнасе,
Те высвечивает творенья,
Кои принял б в журнал свой Некрасов.
Нынче их восприятие разное –
Кто похвалит, а кто изругает.
Важно, что отношенье не праздное:
Смысл есть в том, что журнал предлагает.
Он наследует русскую классику
И поэзию солнечных лет.
Он взволнован всегда, как пасака,
Когда всех медоносов расцвет.
Ароматы того разнотравья
Льют с журнальных страниц «Огни».
Тем, кто поэзией этой отравлен,
Как приглашение они
На праздник Муз в Северо-Муйск,
Где вдохновение – в природе,
Где зримо предстаёт «моллюск» –
Твердь зреющей литературы.

19.05.2023

Сатира и юмор

... обличение злонравия подлинно не осудят любители добродетели. От злонравных ничего не ожидаю, хуление и хвалу, гнев и любовь их равно презираю.

А. Д. Кантемир – величайший поэт-сатирик первой половины XVIII века, зачинатель русской басни.

Валерий РУМЯНЦЕВ

г. Сочи, Краснодарский край

Автор 14 книг стихов и прозы. Лауреат Всероссийской литературной премии им. Н. С. Лескова, в номинации «Критика» (2018).

Невероятная встреча в Москве

(рассказ)

В клубе автозавода «Москвич» происходило невероятное: Антон Павлович Чехов встречался с героями своих литературных произведений. Это был настоящий праздник для всех, а настоящие праздники, как известно, в календарях не нуждаются.

К указанному культурному заведению подкатывали одна за другой иномарки, иногда подъезжали автобусы – и площадка перед входом в фойе клуба стала заполняться людьми. Приезжали не только чеховские литературные герои. На классика жаждали посмотреть известные политики, актёры, литераторы и читатели... – всех и не перечислишь.

Те, кто был знаком с Чеховым или считал, что вправе пожать руку Антону Павловичу, сразу же подходили к нему, чтобы поприветствовать, а потом следовали в фойе клуба. Возле писателя долго никто не задерживался, потому что за спиной каждого из них уже стояли другие, кто желал выразить своё почтение герою сегодняшнего дня.

Описать все встречи невозможно, да и нет смысла. Мы остановимся только на тех из них, которые, по нашему скромному мнению, могут вызвать интерес у читателей.

Вот к писателю подошёл бывший президент Украины Виктор Фёдорович Янукович и, улыбаясь и протягивая руку для рукопожатия, сказал:

– Рад приветствовать великого украинского поэта!

– Господин Янукович, вы назвали меня великим украинским поэтом. А что вы скажете о Гоголе?

Виктор Фёдорович на мгновение задумался и ответил:

– Ну... Гоголь – мой любимый поисковик.

Окружающие, кто услышал эти слова, захихикали. А Янукович понял, что ляпнул что-то не то, и спешно отошёл в сторону от писателя-классика.

Когда к Чехову приблизился экзекутор Иван Дмитриевич Червяков, Антон Павлович сразу узнал его и воскликнул:

– Червяков! Ты ли это?! Голубчик мой! Хорошо помню, как я, будучи совсем молодым, писал рассказ «Смерть чиновника»...

– Такие люди, как я, бесследно не исчезают, – назидательно высказался Червяков, небрежно, как бы делая одолжение, протянул руку и добавил: – Как видите, я жив и здоров. И я уже давно не экзекутор, поднимайте гораздо выше. Я – государственный советник Российской Федерации 1 класса.

Сатирический чёрт дёрнул Чехова за язык, и он съязвил:

– Прошу вас, ваше превосходительство, принять уверения в моём весьма высоком к вам уважении.

– Ну что, Антон Палыч, сегодня не очень-то вас читают, – усмехнувшись, промолвил Червяков. – Прошёл, как говорится, срок годности ваших текстов...

Червяков хотел ещё что-то сказать, но февральский морозец сделал своё дело – и неожиданно для себя государственный советник... громко чихнул.

Достал платок, вытер губы, извиняться не стал. Решил, что цели своей достиг: все увидели, что он теперь не какой-то там экзекутор. Без лишних слов повернулся и с чувством собственного достоинства в своём мундире государственного советника Российской Федерации 1 класса важно проследовал к служебному автомобилю «BMW». Не спеша сел в машину. Водитель включил мигалку, установленную на крыше автомобиля, и резво тронул с места.

Ещё через несколько минут Чехов закончил кратковременное общение с Любовью Раневской, Леонидом Гаевым, Ермолаем Лопахиным и предложил им пройти в фойе клуба, так как в его сторону уже направлялись другие гости, и каждому надо было уделить хотя бы минуту внимания.

Эти литературные герои были особенно дороги Антону Павловичу. Он внимательно посмотрел вслед Раневской – и вдруг услышал, как рубят вишнёвый сад.

Звук топоров очень быстро смолк, и Чехов подумал: «Что же я забыл спросить у них, как там студент Трофимов?». Если бы он поинтересовался, то узнал бы, что Трофимов, являясь членом Национал-большевистской партии, осужден вместе с Эдуардом Лимоновым и отбывает наказание.

Антон Павлович уже заканчивал мимолётный разговор с подошедшим к нему учителем гимназии Буркиным и ветеринарным врачом Иваном Ивановичем. И в этот момент мимо них проследовал Беликов по прозвищу «Человек в футляре». Беликов боялся заболеть коронавирусом, при общении всегда соблюдал дистанцию два метра и старался иметь как можно меньше контактов.

Когда Чехов увидел на лице Беликова респиратор, а на руках – резиновые перчатки синего цвета, он обратил внимание на этого человека и из его уст вырвалось:

– А это что за чудо?

– Антон Павлович, вы что, не узнали? Это же Беликов, – сказал Буркин.

– А-а, да-да... – согласился писатель. – А он совсем не изменился.

– Ну что вы от него хотите? – посмеялся Буркин. – Человек в футляре.

– А разве то, что мы живём в городе в духоте, в тесноте, пишем ненужные бумаги, играем в винт – разве это не футляр? – возмутился Иван Иванович. – А то, что мы проводим всю жизнь среди бездельников, сутяг, глупых, праздных женщин, говорим и слушаем разный вздор – разве это не футляр?

Увидев, что к писателю спешит располневший человек, несущий в руке, видимо, торт, учитель гимназии и ветеринарный врач проявили такт и поспешили удалиться.

Подошедшим оказался Николай Иванович Чимша-Гималайский, в его глазах светилась радость. Чехов был уверен, что его подопечный держит в руках торт. «Зачем он пришёл с тортом?» – подумал писатель и задал вопрос:

– Что это у вас в руках?

– Это, Антон Павлович, крыжовник. Очень, очень вкусный. Да вы попробуйте, попробуйте, – и он уже начал открывать коробку.

– Не надо, не надо, спасибо, – воспротивился Чехов и предложил: – Проходите в фойе клуба. Там теплее, чем на улице.

Глаза Николая Ивановича были наполнены счастьем, восторг охватил его лицо, он хотел что-то сказать ещё, но Чехов показал рукой направление, куда надо идти. И Чимша-Гималайский безропотно подчинился.

При виде этого счастливого человека у Антона Павловича упало приподнятое настроение. Им овладело тяжёлое чувство, близкое к отчаянию.

Всё повторяется, изменяясь до неузнаваемости. Неожиданно, гремя бубенцами и взвывая вихрем снежную пыль, подскочила пара с пристяжной на отлёте и Артыновым на козлах вместо кучера. Лошади встали как вкопанные. К ним подбежал уже ожидавший их Модест Алексеевич и помог Анне выбраться из саней, а «кучеру» – соскочить на землю.

Артынов поддерживал Анну за локоток. За их спинами плёлся Модест Алексеевич; кроме Анны второй степени, он уже успел получить орден «За заслуги перед Отечеством» 4 степени.

Песцовая шуба Анны была расстёгнута нараспашку, и в глаза бросалось глубокое декольте. Артынов что-то шептал спутнице – и она смеялась. После его слов «Декольте придумали мужчины по просьбе женщин» Анна рассмеялась ещё громче.

Не обращая ни на кого внимания, в том числе и на Чехова, все трое направились к зданию клуба. Артынов, улыбаясь, продолжал что-то говорить Анне, а она хохотала всё громче.

Что можно сказать, наблюдая эту сцену? Не так страшен хомут на шее, как невозможность его снять.

Когда Антон Павлович почувствовал, что февральский морозец настойчивее крадёт к его телу, а холодный ветерок усилил своё дыхание, он зашёл в помещение клуба и проследовал в кабинет директора. Там снял пальто и протёр запотевшее пенсне. На публике он неизменно появлялся в костюме и при галстук-бабочке. Так было и сегодня. В сопровождении директора клуба Чехов направился в фойе.

Когда проходили по узкому коридору, директор показал пальцем на одну из комнат и сказал:

– А здесь у нас была очень хорошая библиотека.

– А почему была, а не есть? – удивился Антон Павлович и остановился.

– Завод стал разваливаться, должность библиотекаря сократили, денег на приобретение книг ни копейки...

– Храм для верующих в художественное слово закрыт?

Директор в ответ только пожал плечами и, как нашкодивший юнец, почувствовал себя виноватым перед выдающимся писателем, который стоял рядом с ним. И это не удивительно: чувство вины чаще испытывают те, кто ни в чём не виновен.

– Да-а.. – возмутился Антон Павлович, – я не знаю, куда мы идём... И время покажет не только то, куда мы идём, но и то, от чего отказались.

До фойе они шли ещё несколько минут, и никто не проронил ни слова.

Фойе было уже переполнено гостями, но в зал пока никого не приглашали.

Чехов написал более пятисот произведений, и его многие литературные герои находились здесь. Вон показалось лицо дяди Вани, который собирался стать гением, но вся его жизнь ушла на сборы. Это он в отчаянии воскликнул: «Пропала жизнь! Я талантлив, умён, смел... Если бы я жил нормально, то из меня мог бы выйти Шопенгауэр, Достоевский...».

А вон стоит и тяжело дышит располневший Старцев, больше известный как Ионыч. Ему в жизни уже ничего не интересно, он даже перестал играть в винт. И лицо Кати, в которую когда-то был безумно влюблён, совершенно забыл.

Чуть правее промелькнула фигура Андрея Ефимыча Рагина, который до сих пор своим образом жизни учит всех, как не попасть в «Палату №6».

Недалеко от него золотых дел мастер Хрюкин показывает забинтованный палец полицейскому надзирателю Очумелову и что-то говорит ему. Теперь его кусанула собачка той женщины, которую

Чехов назвал «Дама с собачкой». На сей раз Хрюкин не тыкал окурком в морду собачке, а всего лишь попытался потрогать её за нос. Кстати, и хозяйка собачки тоже где-то здесь.

Перечислить всех героев, толкущихся в фойе, невозможно. Тут были полицейские, портные, арестанты, повара, богомолки, педагоги, помещики, врачи, чиновники всех рангов и ведомств, крестьяне, генералы, инженеры, конокрады, купцы, солдаты, судебные следователи, профессора, пастухи, адвокаты и представители ещё очень многих профессий.

Одни из них в погоне за деньгами потеряли то, что за деньги не купишь. Другие, являясь рабами больших денег, мнили себя рабовладельцами. Третьи – кто не всегда находил шанс оставаться человеком. Четвёртые – кто не уяснил, чтобы излечиться от невежества, нужно самому стать врачом. Кто-то из них не понимал, что жизнь учит только тех, кто склонен к самообразованию, и что каждый человек – кузнец своих глупостей. Кто-то не сообразил, что любовь с первого взгляда – это часто обман зрения. А кто-то из мужчин подарил женщине крылья – и она улетела от него... Здесь нет ни одной жизни без ошибок, но есть много жизней без работы над ошибками.

Но у всех этих героев есть общее: они не научились жить, поэтому соглашаются на существование. Их жизнь – это несовершенный подвиг.

Антон Павлович, получив профессию врача, учился лечить не только больного человека, но и больное общество. И в этом деле литературные герои были его надёжными помощниками. Да, он не вылечил общество, но безошибочно установил диагноз.

Присутствовали тут и актёры. И это не удивительно: произведения писателя экранизировались более двухсот раз.

Как бывает в таких случаях, одни бродили по фойе, создавая броуновское движение; другие собирались кучками по каким-то, не понятным даже им самим, принципам. Все разговоры естественно были о Чехове.

Вон в углу стоит «дядя Гиляй» – известный репортёр Владимир Алексеевич Гиляровский, которого обступила группа современных литературных критиков. Зная, что Гиляровский дружит с Чеховым, они задавали ему много вопросов. Отвечая на один из них, он сказал:

– Однажды я приехал к Антону Павловичу в Крым и в ходе общения поинтересовался, почему он не ответил на мою открытку, где было всего четыре строчки. А строки такие: каламбуром не избитым удружу – не будь уж в гневе: ты в Крыму страдал плевритом, мы на севере – от Плева. Антон Павлович ответил, что послание до него не дошло, и добавил: «Открытка твоя, наверное, пригвождена к делу приставом Гвоздевичем».

Кто-то негромко посмеялся, кто-то улыбнулся.

Гиляровский прервал беседу и решил пройтись по фойе в надежде найти Чехова. Недалеко от буфета он услышал голос Антона Павловича:

– ... Своими произведениями я хотел только честно сказать людям: посмотрите на себя, посмотрите, как вы все плохо и скучно живёте...

«Дядя Гиляй» остался доволен, что Чехов покинул холодную улицу, не стал мешать общению писателя со своими литературными героями и проследовал дальше. Поздоровался с Николаем Некрасовым и Александром Куприным, раскланялся с Игорем Северянином и очутился рядом с очередной группой посетителей. И тут его взгляду открылась следующая картина.

Начинающий писатель Павел Бурлеев громко сообщил, что он написал книгу рассказов о Чехове и добавил:

– Причём каждый рассказ состоит всего из 4-5 предложений. Хотите послушать? – не получив ответа, он продекламировал: – Рассказ называется «Чехов и больной». Как-то один больной пришёл к Чехову и говорит, что у него и зубы болят, и голова болит, и рёбра болят, и суставы болят, и в глазах темно, и в пальцах слабость. «А фамилия ваша какая?» – с готовностью помочь спросил Чехов. «Не скажу», – ответил больной и убежал. Тогда Чехов плюнул и написал рассказ «Лошадиная фамилия».

Некоторые из слушателей похихикали.

– Вот видите, вам рассказ понравился, – с чувством глубокого удовлетворения высказался Бурлеев и спросил: – А никто из вас не может мне посоветовать, какое издательство могло бы напечатать книгу моих рассказов о Чехове?

– Я слышал, что подобные книги выпускает один издатель здесь, в Москве, – сказал худощавый мужчина и протиснулся ближе к начинающему писателю.

– А не подскажете адрес? – ещё больше оживился Бурлеев.

– Его адрес я не знаю, а вот фамилия его... – мужчина запнулся. – Хотел быстро сказать – и забыл... какая-то чудная... обозначает что-то среднее между мужчиной и женщиной... в общем, не мужчина и не женщина...

Из толпы посыпались подсказки:

– Может, Бисексуалов?

– Гермафродитов?

– А может, Интерсексуалов?

– Гендеров?

– Вспомнил! Вспомнил! – воскликнул худощавый мужчина. – Его фамилия Недядько. Его ещё там зовут «ни дядька, ни тётка».

– Вот спасибо, дорогой мой человек, вот спасибо, – порадовался начинающий писатель. – А уж адрес-то его я сам найду.

А в центре фойе стоял Михаил Михайлович Пришвин, которого окружила группа актёров. Он им внушал:

– Чехов – поэт нежнейших прикосновений к страдающей душе человека. Читая Чехова, становится стыдно позировать. Антон Павлович своим искусством даёт нам образцы поведения, он в числе десяти, двадцати писателей, давших нам русскую литературу на поведение. В наше время героических требований к личности, Чехов – яркий представитель нашего русского родного дома – каждому претенденту на героя может служить проверкой: действительно ли ты цвет или пустоцвет...

Напротив Пришвина на стене висел большой портрет Чехова, который написал Осип Эммануилович Браз. Казалось, что писатель внимательно слушает, что о нём говорит собрат по перу. Ниже портрета можно было прочесть слова Константина Сергеевича Станиславского: «Антон Павлович – самый большой оптимист будущего, какого мне только приходилось видеть. Он бодро, всегда оживлённо, с верой рисовал красивое будущее нашей русской жизни».

Массивные дубовые двери в зал распахнулись. И толпившиеся в фойе гости не спеша направились в громадное помещение, с потолка которого свисала как неопознанный летающий объект массивная люстра.

Алексей КУРГАНОВ

г. Коломна, Московская обл.

Курганов Алексей Николаевич, прозаик, 62 года, образование – высшее медицинское.

Регулярные литературные публикации в местных и областных изданиях, разовые – в журналах «Смена», «Дальний Восток», «Молодая гвардия», «Воин России», «Северная Аврора» (Петербург), «Сенатор», «Голос эпохи», «День и Ночь» (Красноярск), «Сельская новь», «Эдита-клуб» (Германия), «Зарубежные задворки» (Германия), «Эстетоскоп», на сайте русскоязычных литераторов Финляндии «Иные берега». Дипломант международных конкурсов: литературного – «Купель – 2010» (Карелия) и творческого – «Вечная память – 2010» (Москва, журнал «Сенатор»). Неоднократный победитель ежегодного творческого конкурса ГУВД Московской области.

Участник итоговых сборников «Проза-2012» и «Проза-2014» литературно-художественного журнала «Эстетоскоп».

Из серии «Читая Хармса»

Меня интересует только чувшь!

Даниил Хармс

Сусанна, Сусанна, Сусанна!

Совершеннейшая неправда, что Иван Осипович Сусанин, уроженец села Домнино Костромской губернии (или как она тогда называлась?), зимой 1613 года был зверски изрублен поляками и литовцами за то, что завёл весь их отряд в непроходимые болота. Он только притворился изрубленным, а когда все его мучители тире истязатели в том болоте утопили, то встал, отряхнулся, поправил портки домотканые (а может, даже и шаровары сатиновые), помянул всех этих утопших чужеземных скотин ядрёным, исконно русским матерным словом и пошёл к себе домой.

Придя, он испил с устатку ковш медуухи, скушал два антрекота и каравай хлеба и только собирался прилечь на лавку отдохнуть от ратно-диверсионных дел, как в окно решительно постучали. «Опять, что ль, эти басурмане вонючие», – с досадой подумал Иван Осипович и пошёл открывать. Но эти басурмане были уже не поляки с литовцами, а французские завоеватели во главе с Наполеоном Буонопарте. «Миль пардон, мусье, – сказали французы. – Не покажете ли нам дорогу на Москву?» – «Щас, – ответил им Иван Осипович, – только портки надену».

Он надел портки и пошёл показывать. Но так как дорогу на Москву и сам не знал, то водил этих французов по близлежащим окрестностям три дня и три года. А на четвёртый лишь развёл руки в стороны. Дескать, извиняйте, мусье вражеские захватчики, но я и сам не знаю. Так что миль пардон вам всем. Шерше ля фам пирамидон.

«Ну, что ж, – согласились французы. – Не знаешь – значит, не знаешь. И на том, как говорится, вам, Иван Осипович, большое киргуду. Из-за тебя, собаки этакой, мы все свои ботинки промочили и последние сухари дожрали». И, обругав его напоследок своими ядрёными матерными французскими словами, пошли искать дорогу сами. А Иван Осипович, удручённо опустив свою бедовую голову, побрёл назад, в родимый дом, чтобы искушать шницель и бефстроганов с хреном, щучьей икрой и мочёной брусникой, а потом всё-таки завалиться на свою любимую лавку, чтобы предаться объятиям Морфея. Если проще, наконец-то, поспать.

А французы всё шли-шли и, в конце концов, дорогу нашли и по этой дороге пришли. Пришли прямо в Златоглавую, сожгли её и, преследуемые Кутузовым Михаилом Илларионовичем, вернулись к себе во Францию (но, конечно, не все, большинство по дороге вымерзло). А тех своих французских девок, которые очень любили врать, начали с тех пор называть Сусаннами. И до сих пор так зовут. И даже песню сочинили, которая так и начинается: «Сусанна, Сусанна, Сусанна! Ночная бабочка, никто не виноват! Сусанна, Сусанна, Сусанна! Огни отелей так заманчиво горят! О-го-го! Кир-гу-ду!».

Сны и сновидения

Писатель Егоркин любил спать на правом боку и, естественно, правой щекой на подушке. А чтобы не мочить подушку вытекающими у него в процессе сна слюнями, он подкладывал под рот на подушку полотенце. До утра полотенце полностью пропитывалось писателя-егоркиными слюнями. Вот как сладко спал этот выдающийся литературный деятель нашего местного масштаба и нашего же прекрасного времени! Настоящий гений пера и мастер художественного слова! А какие прекрасные сны ему снились! Девы с распущенными косами, величаво-задумчиво бредущие по лугу. Парни с балалайками, в косоворотках и с добрыми лицами. Берёзовые рощи и дубовые дубравы. Наконец, наша исконно-посконная, настоящая русская баня (иногда даже всё с теми же девками)! В общем, остаётся только вздохнуть, завидовать и грызть подушку!

А писатель Жабский любил спать на левом боку. Но поскольку обильным слюноотделением он похвастаться не мог, то полотенце не подкладывал и вообще очень часто страдал бессонницей. А если всё же засыпал, то сны ему снились исключительно паршивые. Какие-то жирные бабы в кокошниках. Или мордастые пастухи, бегущие за коровами с огромными кнутами и громко произносимым матом. Или обсосанные окурки на заплёванной трамвайной остановке. Или совершенно чуждая русскому человеку финская сауна (возможно, даже с девками). В общем, ужас. Хотя оно и понятно: какой из Жабского писатель? Таких писателей сегодня – каждый первый. Это даже смешно называть его писателем. Так что не называйте. И спите спокойно. Или (если не спится) в баню идите. Можно даже без девок. Можно только с водкой.

Дантеса бы на него, гадюку, натравить!

Пушкин был поэтом. И всё чего-то писал...

Даниил Хармс «Анекдоты из жизни Пушкина»

Васькин был писателем. И всё чего-то писал. Бывало, сгорбится над письменным столом – и всё чего-то пишет, пишет, пишет... Потом вдруг встрепенётся, окинет окрестности безумным взором (дескать, где я? На кой? Почему? За что?), высморкается (когда в платок, когда в штору или кулак, а когда и прямо на пол), опять нависнет с пишущей ручкой в руке над столом, как птица гриф над падалью, – и давай опять наяривать! Вот какой это был скромный в своей литературно-сочинительской гениальности, незаметный герой.

Он так долго писал. Лет восемь. А потом сразу перестал. Ему чего-то расхотелось. Да и хрен ли толку от этой писанины? Кругом одни собаки неблагодарные. В смысле, читатели привередливые. Пишешь им, пишешь, потом исходишь и соплями едучими... Даже пончик проглотить толком не успеваешь, даже с пивом (или водкой) – а они то критикуют со всею своею читательскою язвительностью, то вообще читать не хотят. Ты, говорят, лучше нам про баб напиши. Чего-нибудь эротическое. Как они в бане купаются. Или в кустах черёмухи загорают всеми своими пышными обнажёнными прелестями (сиськами там, ещё чем). Или блины жрут своими могучими ротами. Зубами те блины на части рвя. А то пишешь всё время какую-то хирню. От ейного чтения аж скуля сводит.

Нет, Васькин не сразу сдался. Он долго крепился. Но, как говорится, каждому терпению рано или поздно приходит свой но пасаран. А идите вы все к такой-то маме, – вскричал он однажды, негодуя, и осерчал. После чего перевернул стул, на котором сидел, стол, на котором писал, чернильницу вылил коту Барсику на голову, а листы бумаги отнёс в уборную и наколот на специально прибитый сбоку гвоздь. И всё. И забил на все своё сочинительство. Он нашёл себе другое, не менее увлекательное, но гораздо более приятное занятие – фотографироваться. И не просто так, с вытаращенными глазами, вспотевшим лбом и удушающим за горло галстуком. Вовсе нет. Он фотографируется художественно. Обязательно на каком-нибудь элегантно утончённом фоне. Например, на фоне церкви златоглавых. Или монастырей с их неприступными монастырскими стенами. Или на фоне памятников классикам (например, тому же Александру Сергеевичу) и их сподвижникам. Или исторических объектов архитектуры. Мостов и пандусов. Скамеек и карнизов. Угрюмых скал и бескрайней водной глади. Берёзок и осинок... А то, что это фотографирование ему никаких доходов не приносит, его совершенно не печалит. Ему и за писательство никто гонораров не платил и не собирался. За что там было платить-то? За то хавно, которое он сочинял?

P.S. А этим летом он снялся вообще в шикарном антураже: лысым, лёжа на пляже, в плавках, расшитых мелким бисером, и с обезьянкой на плече. А рядом – здоровенная бабища в лифчике, трусах и подбитым правым, кажется, глазом. И с дымящейся папиросой, зажатой в здоровенных, каждый – с лопату, зубах. А на заднем плане – накатывающиеся на берег огромные волны и тонущий в них прозаик, он же поэт, он же драматург, краевед, литературовед и слесарь-гинеколог Жабский с развернутым в последнем испуге ртом, из которого так и слышатся его последние слова: «Дантеса бы на тебя, гадюку, натравить!». Называется вся эта живописная композиция «Бегущий по волнам, или А он, мятежный, просит бури...». По аналогии с александр-гриновской «Бегущей по волнам». Очень впечатляющая фотография. Прямо до дрожи. Говорят, что особо чувствительные гражданки, а также беременные, глядя на неё, даже плакали. А некоторые тряслись, крестились и пускали пугыри.

Творческий совет журнала

Александрова Александра Александровна (Красноярск)
Астраханцев Геннадий Дмитриевич (Ангарск, Иркутская обл.)
Буров Юрий Николаевич (Санкт-Петербург)
Веколова Анастасия Юрьевна (Самара)
Головизина Ольга Павловна (Липецк)
Долбышева Ольга Николаевна (Черемхово, Иркутская обл.)
Дроздов Сергей Дмитриевич (Серпухов, Московская обл.)
Ефимова Тамара Владимировна (Северомуйск, Бурятия)
Жилкин Анатолий Михайлович (Иркутск)
Забарова Светлана Викторовна (Санкт-Петербург)
Кобелев Александр Афанасьевич (Новокукутск, Иркутская обл.)
Казакова Светлана Ивановна (Омск)
Карпов Леонид Семёнович (Кестеньга, Карелия)
Линник Ольга Владимировна (Омск)
Моргунов Юрий Михайлович (Шушенское, Красноярский край)
Мирошникова Галина Николаевна (Усть-Муя, Бурятия)
Подзарей Анатолий Иванович (Протвино, Московская обл.)
Попова Елена Алексеевна (Усть-Кут, Иркутская обл.)
Попова Евгения Владимировна (Новосибирск)
Поломошина Наталья Суреновна (Северомуйск, Бурятия)
Сайферт Ирина Алексеевна (Таксимо, Бурятия)
Смирнов Михаил Иванович (Салават, Башкортостан)
Сафиулин Максим Сергеевич (Усть-Илимск, Иркутская обл.)
Фокина Ольга Викторовна (Усть-Илимск, Иркутская обл.)
Шерстнёв Анатолий Юрьевич (Северомуйск, Бурятия)
Эхтибаров Фархад Гюлаббас-оглы (Северомуйск, Бурятия)

Секретарь правления Совета **Перемитина** (Галютева) Лилия Александровна
Председатель правления Совета **Логинова** Татьяна Борисовна

Из Устава журнала «Северо-Муйские огни»

Общие положения к Уставу

Журнал «Северо-Муйские огни» является авторским литературным изданием, ставящим себе целью духовное и творческое объединение свободных мыслителей и художников, творящих в духе любви к природе, людям, во имя процветания мирового экологического сообщества.

Цели Журнала полагаются в публикации и широком распространении подобного рода литературных произведений как известных писателей, так и начинающих, акцентирующих своё творчество на укреплении отношений природы и человека.

Журнал «Северо-Муйские огни» создан в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации и является некоммерческим изданием, объединяющим физических и юридических лиц, занимающихся литературным и другим творчеством, признающих Устав и цели Журнала.

1. Основные цели и задачи

1.1. Основные цели:

- всестороннее развитие культурных связей, сотрудничества между писательскими организациями и союзами на основе развивающихся литературных процессов в России; поддержка и развитие литературных процессов;
- укрепление взаимного сотрудничества и участие в процессах, происходящих в сферах культуры, искусства, образования, спорта;
- участие в процессах укрепления духовных ценностей гражданского общества;
- оказание творческо-практической помощи различным литературным объединениям, содействие в становлении гражданского общества и утверждение принципа социальной справедливости, содействие утверждению равноправия представителей разных национальностей, проживающих в России, взаимного уважения их интересов и ценностей;
- создание необходимых условий для свободного развития новой высокодуховной литературы на основе многонациональной языковой культуры;
- развитие и укрепление возможностей литературной деятельности для начинающих писателей.

1.2. Основные задачи:

- осуществлять любую незапрещённую законодательством России деятельность для выполнения уставных целей;
- осуществлять издательскую деятельность;
- участвовать во всех литературных процессах в любых формах их интерпретации;
- осуществлять периодическую публикацию всех форм литературных произведений;
- сотрудничать с литературными объединениями, писательскими союзами, обществами.